ГАУГН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
2022

STATE
ACADEMIC UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL COURIER

2022 (1)

Published quarterly

Founded in January, 2019
Moscow

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЙ КУРЬЕР

2022 (1)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в январе 2019 года
Москва

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 — 77287 от 25 ноября 2019 г.
ISSN: 2686-8431

Периодическое издание,
Рецензируемый научный журнал

Журнал издается под руководством:
Государственный академический университет
Гуманитарных наук (ГАУГН)
Институт востоковедения Российской академии наук
(ИВ РАН)

E-mail: oriental-courier@jes.su
URL: https://oriental-courier.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, г. Москва, Мароновский переулок, 26, комн. 222

Periodical,
Peer-reviewed journal

The journal is published under the supervision of
State Academic University for the Humanities
(GAUGN)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(IOS RAS)

E-mail: oriental-courier@jes.su
URL: https://oriental-courier.ru

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

State University for the Humanities (GAUGN).
26, Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049,
room 222

Восточный курьер. No. 1. — М.: ГАУГН, ИВ РАН, 2022. — 176 с.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ГАУГН, ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Макет и верстка — Н. В. Бусыгин
В оформлении обложки использованы рисунки © Ю. А. Молоканова
На обложке: Мастерская Кулибали. Старая Гиена. Бамако, Республика Мали. Государственный музей Востока.
Фото: © Е. И. Желтов

© ГАУГН, 2022
© ФБГУН ИВ РАН, 2022
© Редакция журнала «Восточный курьер» (составитель), 2022

Редакционно-издательский совет

А. К. Аликберов
В. Я. Белокреницкий
В. В. Наумкин
А. Л. Рябинин
Д. В. Фомин-Нилов

Главный редактор

Д. В. Дубровская

Редакционная коллегия

И. Г. Актамов
Л. Б. Алаев
А. С. Балахванцев
Е. Ю. Ванина
М. В. Грачев
А. Ю. Другов
Д. Н. Замятин
М. С. Круглова
М. И. Крупянко
В. А. Кузнецов
Е. В. Кузнецова
П. А. Куценков
Д. В. Микульский
А. А. Столяров
Т. Л. Шаумян
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

Редакция

А. И. Василенко
(ответственный секретарь)
М. А. Терехова
(научный редактор)

Editorial Advisory Board

Alikber K. Alikberov
Vyacheslav Ya. Belokrenitskiy
Vitaly V. Naumkin
Aleksey L. Ryabinin
Denis V. Fomin-Nilov

Editor-in-Chief

Dinara V. Dubrovskaya

Editorial Board

Innokenty G. Aktamov
Leonid B. Alaev
Archil S. Balakhvantsev
Evgeniya Yu. Vanina
Maxim V. Grachyov
Alexey Yu. Drugov
Dmitry N. Zamyatin
Maria S. Kruglova
Mikhail I. Krupyanko
Vasily A. Kuznetsov
Evgeniya V. Kuznetsova
Pyotr A. Kutsenkov
Dimitry V. Mikulsky
Alexander A. Stolyarov
Tatiana L. Shaumyan
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

Editorial Group

Anastasiya I. Vasilenko
(Executive Editor)
Maria A. Terekhova
(Academic Editor)

Содержание

10 От редакции

ВОСТОК: ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ

11 Малашенко А. В. Авторитаризм: есть ли будущее?

20 Миклухо-Маклай Н. Н. Сохранение историко-культурного наследия и исторической памяти как инструмент развития научных, образовательных и международных проектов

44 Арабаджян З. А. Из истории иранского масонства в шутку и всерьез (поэма)

ВОСТОЧНОЕ ЧАЕПИТИЕ

54 Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении. Часть II

АРАБСКИЙ МИР

63 Ахмедов В. М. Межарабские отношения и перспектива сирийского примирения: исторический и политический аспекты

ВОСТОЧНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

70 Столяров А. А., Иванникова И. Г. Возрождение таджикского ювелирного искусства или рождение мифа?

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Куценков П. А., Ванюкова Д. В. Экспедиция в Мали 2022 г.

ЕВРОПЕЙЦЫ В АЗИИ

103 Никольская К. Д. Романтика по-лютерански Миссионеры Транкебара в поисках спутниц жизни

ВОСТОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА

115 Никифорова Н. М. «Хикифуда», или Как выглядела японская реклама на рубеже XIX–XX вв. (Коллекция из фондов РГБИ)

ЧИТАЯ ИСТОЧНИКИ

127 Мадхопури Б., Бочковская А. В. Кошмары террора и проклятие касты (главы из автобиографии «Обрубленное дерево»)

РОССИЯ И СОСЕДИ

141 Шустова А. М. Пазырыкская культура на плато Укок

MEMORABILIA

161 Горбунова Н. М. Достижения отечественной арабистики XX века в научном наследии историков Л. Н. Котлова, Н. С. Луцкой, Н. А. Иванова и И. М. Смилянской

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

169 Пронина Ю. А., Лебединский В. В. Востоковедные полевые исследования-2022: вторая всероссийская научная конференция

Contents

10 Editorial

EAST: PRESSING MATTERS

11 Malashenko Alexey V. Authoritarianism: Is There a Future?

20 Miklouho-Maclay Nikolay N. Preservation of Historical and Cultural Heritage and Historical Memory as a Tool for the Development of Scientific, Educational, and International Projects

44 Arabadzhyan Zaven A. From the History of Iranian Freemasonry Seriously and in Jest: A Poem

ASIAN TEA PARTY

54 Mikhailov Stanislav V. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies. Part II

ARABIAN WORLD

63 Akhmedov Vladimir M. Inter-Arab Relations and Perspective of the Syrian Reconciliation: Historical and Political Dimensions

EASTERN TREASURY

70 Ivannikova Irina G., Stolyarov Alexander A. The Revival of Tajik Jewellery or The Birth of a Myth?

ACADEMIC JOURNEY

86 Kutsenkov Petr A., Vanyukova Darya V. 2022 Expedition to Mali

WESTERNERS IN ASIA

103 Nikolskaia Xeniia D. Lutheran Romance: Missionaries of Trankebar in Search for Life Companions

ORIENT: AN ARTISTIC VIEW

115 Nikiforova Nadezhda M. Hikifuda, or What Japanese Advertising Looked Like at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Collection from the Russian State Art Library)

READING HISTORICAL SOURCES

127 Madhopuri Balbir, Bochkovskaya Anna V. *Ātaṅk aur jātivādī ḍaṅk / Terror and Casteism Sting* (Chapters from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*)

RUSSIA AND ITS NEIGHBOURS

141 Shustova Alla M. Pazyryk Culture on the Ukok Plateau

MEMORABILIA

161 Gorbunova Natalia M. Achievements of Russian Arabic Studies of the 20th Century in the Academic Heritage of Historians Lev N. Kotlov, Natalia S. Lutskaya, Nikolay A. Ivanov, and Irina M. Smilyanskaya

ACADEMIC CHRONICLE

169 Lebedinsky Victor V., Pronina Yulia A. Oriental Field Research-2022: Second All-Russian Academic Conference

ОТ РЕДАКЦИИ:

Дружная редколлегия «Восточного курьера» представляет вниманию снисходительного читателя первый номер 2022 года, ставя в данном случае акцент именно на слове «первый». С этого года мы переходим на четыре раздельных выпуска, делая журнал более периодичным и менее тяжелым.

В этом номере вас ожидают глубокие размышления о политических кризисах, авторитаризме и истории востоковедения, переводы и увлекательное «дамское чтение», материалы о столь редко освещаемых в академических публикациях предметах материальной культуры, как таджикские ювелирные украшения и японские рекламные листовки, и даже важный период истории Ирана, изложенный в стихотворной форме (со всем положенным научным аппаратом).

Пользуясь случаем, мы поздравляем Институт востоковедения РАН с созданием новых подразделений — Восточного культурного центра под руководством нашего давнего автора и друга — Ланы Меджидовны Раванди-Фадаи и Отдела искусства и материальной культуры под руководством главного редактора «ВК» Д. В. Дубровской; Отдел искусства отныне берет научное шефство над «Восточным курьером» ввиду общей тематической направленности исследований и публикаций журнала.

А какие новости у вас, дорогой читатель? Пишите нам!

Ваш Восточный курьер

DOI: 10.18254/S268684310021375-0

Авторитаризм: есть ли будущее?

Authoritarianism: Is There a Future?

© 2022 **Алексей Всеволодович Малашенко**

доктор исторических наук, профессор, Институт мировой экономики и международных отношения имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
Malashenko51@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8862-304X

Alexey V. Malashenko

DSc (History), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russia
Malashenko51@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8862-304X

В статье анализируется место авторитарных режимов в современном мире, их специфика, прежде всего особенности, определенные историческими традициями и политической культурой. Упор в материале делается на посткоммунистические, постсоветские, а также мусульманские модели авторитарного правления, на их перспективы в будущем, на способность к эволюции и выживанию в условиях трансформации современного мира. Насколько велик потенциал авторитаризма, насколько он ограничен своим консерватизмом, а насколько открыт к инновациям? Какова эффективность авторитарной системы в условиях происходящих в мире глобальных перемен, которые в огромной степени определяются научно-техническим прогрессом, коммуникационными технологиями? Автор пытается рассмотреть эти вопросы на примере стран Востока.

С одной стороны, одни авторитарные режимы ради своего выживания готовы приспосабливаться к происходящим трансформациям, в том числе в политической сфере. В своей практике они

используют демократические нормы, допускают деятельность парламента, оппозиционных партий, стремясь, однако при этом полностью сохранить собственный контроль над государством.

Они отдают себе отчет в том, что размягчение, либерализация авторитарной системы может привести к ее устранению. И потому с другой стороны, авторитаристы используют любую ситуацию, особенно ее обострение для ужесточения своего правления.

В самых разных формах авторитаризм существовал практически во все времена. Он формировался на основе той политической культуры, в которой заглавная роль принадлежала государству, а следовательно тому, кто на данный момент находился у власти. В этом контексте нынешние авторитаризмы имеют прямые аналогии со своими предшественниками.

Некоторые аналитики стремятся рассматривать каждый вариант нелиберального правительства как уникальный, «конкурентный» демократии, как «гибридный» авторитаризм. Какие бы дефиниции при этом не предлагать, суть авторитаризма от этого не меняется. С учетом национальной специфики в каждой отдельно взятой стране, авторитаризм остается глобальным, можно сказать, неизбежным феноменом, который в разных вариантах продолжит свое существование, и может даже укреплять свои позиции, что сегодня и имеет место.

Ключевые слова: авторитаризм, демократия, режим, запад, восток, ислам, цивилизация

Для цитирования: Малашенко А. В. Авторитаризм: есть ли будущее? *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 1. С. 11–19. DOI 10.18254/S268684310021375-0

Author analyzes the role of authoritarian regimes in the contemporary world, he characterizes their specific features in the first place determined by their historical traditions and political culture. The author pays attention to post-communist, post-soviet as well as Muslim authoritarian models. Also, he estimates perspectives of authoritarianism for the future, its capacities for the survival in conditions of the modern world. How great is the potential of authoritarianism, how limited is it by its conservatism, and how open is it to innovation? What is the effectiveness of an authoritarian system in the context of global changes taking place in the world, which are largely determined by scientific and technological progress, communication technologies? The author tries to consider these issues on the example of the countries of the East.

On the one hand, some authoritarian regimes are ready to adapt to ongoing transformations, including in the political sphere, for the sake of their survival. In their practice, they use democratic norms, allow the activities of parliament, opposition parties, while striving, however, to fully maintain their own control over the state. They are aware that the softening, liberalization of the authoritarian system can lead to its elimination. And therefore, on the other hand, authoritarians use any situation, especially its aggravation, to tighten their rule.

Authoritarianism has existed in various forms at almost all times. It was formed on the basis of the political culture in which the title role belonged to the state, and therefore to those who were currently in power. In this context, current authoritarianisms have direct analogies with their predecessors.

Some analysts tend to view each variant of illiberal government as a unique, “competitive” democracy, as a “hybrid” authoritarianism. Whatever definitions are offered, the essence of authoritarianism does not change from this. Taking into account the national specifics in each individual country, authoritarianism remains a global, one might say, inevitable phenomenon that will continue to exist in different versions, and may even strengthen its position, which is the case today.

Keywords: Authoritarianism, democracy, regime, West, East, Islam, civilization

For citation: Malashenko Alexey V. Authoritarianism: Is There a Future? *Oriental Courier.* 2022. No. 1. Pp. 11–19. DOI: 10.18254/S268684310021375-0

В предлагаемом материале мы рассуждаем о будущем авторитарной системы, о ее потенциале, способности к эволюции, и напротив — о ее ограниченности. Насколько авторитарная система эффективна в условиях происходящих в мире перемен, определяемых научно-техническим прогрессом, в особенности в области коммуникационных технологий?

Прежде, однако, имеет смысл напомнить о месте авторитаризма в истории. Феномен этот расплывчат. К авторитаризму могут быть отнесены и деспотии древнего Востока, и правление во Франции (1958–1969) генерала Шарля де Голля, и нынешние режимы мусульманского мира.

Вне зависимости от эпохи их существования авторитаризмам присущи общие черты: централизация (можно сказать, монополизация) власти; опора на бюрократию; ручное управление в сочетании с командным стилем руководства; формализованность закона; ограничение политических прав; господство одной официальной идеологии.

С учетом того, в какой мере эти черты реализуются на практике, можно классифицировать авторитарные режимы на умеренные, жесткие и жестокие. Так, авторитарная власть может в тактических целях допускать существование оппозиции, ее участие в выборах, не настаивать на обязательной поддержке официальной идеологии. В некоторых случаях, власть апеллирует к Закону, настаивая на его верховенстве. Такой образ правления считается умеренно авторитарным.

Однако большинство авторитарных режимов склонны к ужесточению, к диктатуре. Им присуще инстинктивное тяготение к тоталитарным методам правления. И авторитарный, и тоталитарный режимы культивируют национализм, подчеркивают специфику, даже величие управляемого им народа. Это является основой для консолидации нации вокруг власти, особенно если в своей идеологии и политике она апеллирует к идее внешней угрозы. Соответственно авторитаризм, можно рассматривать как вероятную предтечу тоталитарной системы.

Насколько велик в наше время потенциал авторитаризма, насколько он живуч как модель государственного устройства, отношений между государством и обществом?

Информационная революция, новейшие технологии, цифровизация, формируют то, что принято именовать «цивилизацией комфорта», в которой каждый член общества добивается прежде всего личного удобства, уделяя меньшее внимание происходящим вокруг социально-политическим процессам, оставаясь сравнительно индифферентным к деятельности государственных институтов.

«Цивилизация комфорта» ограничивает роль государства, однако, с другой стороны, «комфорт» нуждается в обеспечении его государством. Поколение «цивилизации комфорта» — что хочу, то и делаю, — рано или поздно осознает необходимость порядка для поддержания удобного для себя образа жизни, который власть и должна обеспечивать. Какая система может гарантировать образ жизни, представляющийся наиболее комфортным?

Вероятно, защищающая свой комфорт часть общества, особенно молодое поколение может задуматься об эффективности авторитаризма как механизма удовлетворения его потребностей.

В свою очередь, склонные к авторитарным методам политики должны будут приспосабливаться к новым условиям, обеспечивая членам общества личное удобство. Такая ситуация становится характерной для Запада — Европы и Америки, для которого «классический» авторитаризм остается в прошлом, а даже его частичная реставрация невозможна. Однако события последних лет, в том числе связанные с протестами против миграции, с эпидемией ковида, с климатическими катаклизмами, порождают в обществе стремление к жестким со стороны властей действиям по выходу из кризисных ситуаций и «наведению порядка». На это, в частности, указывают и успехи в некоторых странах популистов, стиль поведения и риторика которых временами напоминают авторитаристские.

На востоке, точнее сказать, на «незападе», ситуация иная. Немецкий исследователь Адриан Пабст упоминает в этой связи появление для авторитаризма такого термина, как «нелиберальный не-Запад» (“Illiberal non-West”), который по мнению некоторых аналитиков находится на подъеме [Pabst, 2018, p. 116].

На «незападе» авторитаризм остается самой распространенной формой правления. (Заметим, что проникновение туда «цивилизации комфорта» весьма ограничено.) Уже в XXI в. там существуют несколько разновидностей авторитарных режимов, в частности — посткоммунистическая, утвердившаяся в Китае, на Кубе. (Не будем ссылаться на КНДР, поскольку там продолжается ставший уже экзотикой «классический» тоталитаризм.) Эта форма созвучна постсоветскому варианту авторитаризма, утвердившемуся в половине стран бывшего СССР, в том числе в России, Беларуси, в Центральной Азии. Здесь, в отличие от Китая, существуют формальные признаки демократии, например, многопартийность.

Центральноазиатский авторитаризм может быть определен и как мусульманский, т. е., авторитаризм, который, будучи изначально присущ исламской политической культуре, в своеобразной форме сохранился до нашего времени. Постсоветская авторитарная модель гармонична с исламской политической традицией.

В мусульманском мире авторитаризм — наиболее распространенный образ правления. Конечно, в мусульманских странах происходят парламентские и президентские выборы, принимаются демократические законы, существует свобода печати, однако практика показывает, что все это в конечном счете происходит под надзором правящего режима, который никогда не уступит власть легитимным образом. Диктаторов в мусульманском мире можно только свергать.

Отдельно упомянем «мусульмано-монархический» авторитаризм Саудовской Аравии, государств Персидского залива, Марокко, Иордании.

Можно констатировать появление еще одного типа авторитаризма — исламистского, который существует с 1979 г. в Иране, и дважды — в 1996 и 2021 гг. возникал в Афганистане после прихода к власти движения Талибан.

В нашей публикации **мы ограничимся рассмотрением некоторых версий авторитаризма**, существование которых исторически обусловлено стойкостью традиций общества и его политической культуры.

Начнем с Китая, причем сразу имеет смысл оговориться, что, несмотря на либеральные экономические реформы, политически КНР остается ближе к тоталитаризму.

Устойчивость китайского авторитаризма предопределяется традицией, идущей еще от Конфуция политической культурой, в основе которой лежит безоговорочное подчинение человека власти: «Проповедь послушания низших высшим, повиновение подданных властителю способствовало тому, что конфуцианство стало официальной государственной идеологией» [Делюсин, 1982, с. 6].

Как отмечал первый премьер-министр (1959–1990) Сингапура, творец «сингапурского чуда» (самый успешный авторитарный правитель) Ли Куан Ю, только сильная центральная власть ведет Китай к миру и процветанию. «Принцип “один человек — один голос” в Китае никогда не существовал и не мог привести к созданию процветающего Китая» [Lee Kuan Yew, 2013, p. 16].

По этой логике китайский авторитаризм вечен. Его смена на что-либо иное (что, повторяем, невозможно) будет означать распад Китая как государства. С авторитарным Китаем придется взаимодействовать как бы к нему ни относиться. Китайский режим нельзя воспринимать как «зло», на чем порой настаивают политики и эксперты. «Некоторые на Западе хотели бы видеть превращение Китая в демократию в соответствии с западной традицией. Этого не случится» [Lee Kuan Yew, 2013, p. 13]. Авторитарный Китай — партнер и конкурент всех государств, заинтересованных в развитии с ним устойчивых отношения.

Вопрос в том, потребует ли продвижение экономических реформ либерализации внутренней политики. В каком-то смысле нечто подобное этому процессу наблюдалось. В Коммунистической партии Китая (КПК) сложилась «внутрипартийная демократия», возможность высказывать собственное мнение, что делало систему эффективной, способной корректировать ее курс. Партийное «вольнодумство» внутри КПК служило компенсацией авторитаризма.

Однако в 2019–2022 гг. происходит ужесточение режима, утверждение автократии генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, который возводит себя на вершину исторического пьедестала[1]. Этот процесс оказывается устойчивым. Для успешного продолжения реформ потребуется гибкость во внутренней политике, тогда как авторитаризм персонального характера может их тормозить.

Жизнеспособен постсоветский авторитаризм, склонный к неформальной реституции советской системы. Вместе с тем в России, в государствах Центральной Азии авторитарная модель также наследница традиционной политической культуры. Здесь мы имеем дело с «двойным авторитаризмом», основы которого складывались в давние эпохи и были закреплены в недавние советские времена.

В ряде стран центральноазиатского региона авторитаризм — наследник исламской политической традиции. Наиболее заметно это в Узбекистане и Таджикистане, где на протяжении веков существовали мусульманские государства с жестким авторитарным правлением.

Что касается Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана, то здесь устройство общества зиждилось на племенных принципах и было более демократичным. В этих странах авторитарная модель обязана своему существованию прежде всего советскому прошлому. Наследие демократизма племенного бытия преувеличивать не стоит, но тем не менее к нему прямо (чаще косвенно) иногда апеллирует местная оппозиция.

Так, в Казахстане остается важной принадлежность человека к одному из трех основанных на регионально-племенной основе союзов — жузов (чье политическое влияние в Казахстане официально отрицается). В Кыргызстане каждый политик не может не учитывать интересы своего племени и клана. Киргизскую модель государства можно считать «полуавторитарной». Она неустойчива, что приводит к ставшим уже привычными революциям. Каждый новый глава государства, а таковых с момента провозглашения в 1991 г. независимости было уже шесть (по другим подсчетам восемь), пытался как можно быстрее укрепить свою власть, тяготел к авторитарному правлению, которое в полноценном виде окончательно не состоялось.

Принципиально иная ситуация сложилась в Туркменистане, где «племенной демократизм» был полностью разрушен с приходом к власти в 1990 г. Сапармурада Ниязова (впоследствии принявшего титул Туркменбаши), установившего персональную диктатуру. Диктаторские традиции продолжил его преемник — ставший президентом в 2006 г. Гурбангулы Бердымухамедов. В Туркменистане сложился авторитарный абсолютизм, который можно считать тоталитарным режимом. Образ правления в этой стране уникален для постсоветского пространства.

Большинству центрально-азиатских авторитаристов свойственно признание на словах приверженности к демократизму. Эта скорее конъюнктурная позиция призвана подтвердить многовекторность внешнеполитической ориентации, а главное желание развивать отношения с Западом. Такие «реверансы» способствуют пусть и ограниченному распространению либеральных настроений, а главное — симпатиям европейцев и американцев к местным правителям.

Очевидно, что в ближайшие годы авторитарные модели останутся характерными для

1 Ремчуков К. Китай переписывает свою историю, угрожает Тайваню, испытывает затруднения в экономике. *Независимая газета.* 20.10.2021. URL: https://www.ng.ru/monitoring/2021-10-20/6_8282_monitoring.html (accessed 30.03.2022).

региона, поскольку власти не желают кардинальных перемен в политическом устройстве своих государств, да это, по сути, и невозможно.

В странах Центральной Азии не сложилось организованной демократической оппозиции. Оппонентом режимов являются исламисты, но и они за последнее десятилетие ослабли и существенной угрозы для местных правителей не представляют.

Главным испытанием для власти может стать крайнее ухудшение экономической ситуации, что может привести к стихийным массовым протестам с участием радикальных исламистов. Однако в ближайшее время такое развитие событий невозможно.

Как уже говорилось, **постсоветский авторитаризм в Центральной Азии можно рассматривать и как авторитаризм мусульманский**. Как считает исламский философ-реформатор Фарид Закария, «в исламе есть авторитарная составляющая, заметная сегодня в каждой мусульманской стране» [Закария, 2004, с. 129]. А американский исламовед Джон Л. Эспозито уверен, что «за демократическими парламентскими фасадами большинства мусульманских стран стоят проблемы авторитаризма, легитимности и ограниченного политического участия» [Esposito, 1991, p. 160].

В то же время не стоит и абсолютизировать традиционалистские корни авторитаризма: нынешние режимы имеют вполне земные — социально-экономические, политические корни. Мусульманским авторитаристам присущи те же черты, что и всем прочим. К исламу они апеллируют для укрепления авторитета в народе, для подтверждения верности традиции, что далеко не всегда оправдывает их политику в глазах мусульман. Напротив, в их адрес постоянно звучат обвинения в забвении ислама, в нарушении его заповедей, прежде всего тех, которые касаются социальной справедливости.

«Режимы традиционалистского авторитаризма вели подвластные им страны к стагнации и тупику. Породивший их процесс разложения традиционных аграрных структур и начавшаяся индустриализация не становились процессом социально-экономической модернизации в собственном смысле слова…» — пишет российская исследовательница Татьяна Ворожейкина [Ворожейкина, 2009, с. 55]. Отсюда и требования оппозиции (причем не только светской, но и религиозной) сводятся прежде всего к проведению реформ, демократизации, а не к восстановлению форм истинно исламского правления и соблюдению шариатских норм. Несколько иначе обстоит дело с исламистами, но о них будет сказано ниже.

В мусульманском мире, в первую очередь на Арабском Востоке преобладают авторитарные режимы, к которым остальной мир привык, и несмотря на беспрестанные разговоры о демократизации, в ее реальность мало кто верил.

Арабская весна была встречена с удивлением, даже с некоторым раздражением, поскольку угадать последующий ход событий было сложно. К тому же, одним из главных ее результатов была новая волна исламизма, кульминацией чего стало появление на территории Ирака и Сирии Исламского государства. Авторитарные режимы рушились один за другим, и только в Сирии такой режим сохранился, исключительно благодаря российскому военному вмешательству.

Неизбежная после революций и переворотов нестабильность, крайнее ухудшение экономической ситуации, не способствовали нормализации политического процесса, зато углубляли раскол в обществе. В Сирии, Ливии, Йемене «весна» привела к гражданской войне.

Внутриполитический разброд в людях, стремление к порядку, навести который проще всего «железной рукой», оказывается основой для возврата к авторитарному правлению, которое было свергнуто в ходе революции. Так случилось в Египте, где в 2014 г. после свержения одного авторитарного режима стал сформироваться другой, хотя и мягкий режим генерала Абдул Фаттаха ас-Сиси.

Антиавторитарные перевороты будут продолжаться, так же, как и почти неизбежный возврат к авторитаризму. Надежды на то, что на-

циональный реформаторский тренд вдохновит оптимистические предсказания, что в регионе в конечном счете возобладает стремление к демократии, призрачны[2]. Эффективной демократической альтернативы в мусульманском мире пока не найдено. Хотя в обществе, особенно у среднего класса, существует тяга к демократическому переустройству.

Уместно заметить, что этот тренд тормозит вечная нерешенность вопроса о сочетании демократии с исламом. На этот счет в мусульманском сообществе имеют место два полярных взгляда: первый — ислам с демократией совместим; второй — ислам с демократией, точнее ее «западным вариантом», не сочетается. Зато существует «исламская демократия», в которой многие мусульмане видят альтернативу авторитаризму.

С XIX в. предпринимаются попытки совместить общедемократические нормы с исламской традицией. Существует два направления такого синтеза: первый — адаптация демократии к исламской традиции; второй — поиск в исламе позитивных интерпретаций демократии. Дискуссия между сторонниками первого и второго пути продолжается.

Доктринальный ислам существует параллельно современным демократическим ценностям, в нем не содержится их полного отрицания. В арабском языке нет оригинального термина «демократия». Слово «димукратыйя» пришло из латыни. Аналогом ему, хотя и очень условным, можно считать понятие «*иджма*'», переводимое как «согласие» (в частности, оно означает консенсус религиозных авторитетов). Главный инструмент исламской демократии — «*шура*» — консультативный совет при главе общины и государства. Это своего рода «исламский парламент», обладающий совещательными функциями. Аналитик, дипломат, бывший посол Германии в Алжире и Марокко Мурад Вильфрид Хофман писал, что пока в мусульманском мире не существует возможностей для полноценного восприятия демократии, он будет склонен к «шурократии» [Hofmann, 2001, p. 85].

«Во всем мире опыт стран, переживших или попробовавших демократический транзит, преподносит ценные уроки, но никогда не ограничивается указаниями, чего следует ожидать. Политическая история и обстоятельства на Ближнем Востоке различны, и эволюция политических систем будет идти своим путем» [Carothers, Ottaway, p. 251].

Более прочих устойчив в мусульманском мире, по выражению французского политолога Жана Блонделя, консервативный монархический авторитаризм [Blondel, 1981, p. 150], существующий в Саудовской Аравии, странах Персидского залива, в Марокко, Иордании. Российский арабист Александр Кныш называет его авторитарно–династическим [Кныш, 2015].

С другой стороны, в прошлом веке рухнуло несколько монархий — в Египте, Ираке, Йемене, Афганистане, последней не устояла в 1969 г. монархия в Ливии. Случилась антимонархическая исламская революция в Иране. Причин у этих революций множество, но одна из важнейших состоит в том, что бывшие суверены не соответствовали «истинно исламским» нормативам управления государством. Может, поэтому большинство местных мусульман не встало на их защиту.

Сегодня монархии более успешны, и, несмотря на многочисленные трудности, их правление сравнительно эффективно. «Саудовская Аравия движется в направлении обретения нового качественного состояния, — пишет российский арабист Григорий Косач и продолжает: — Новое же диктует переосмысление прошлого» [Косач, 2013, с. 119–120]. И с этим нельзя не согласиться, но при всем том неизбежно и сохранение в этой стране мусульманского монархического авторитаризма.

Отдельная тема — исламистский авторитаризм. Опыт такого авторитаризма не столь велик, но примечателен. Дефиниция исламистский авто-

2 Hawthorne A. Political Reform in Arab World: A New Ferment? *Carnegie Papers.* 2004. No. 52. P. 3. URL: https://carnegieendowment.org/2004/10/18/political-reform-in-arab-world-new-ferment-pub-15989 (accessed 30.03.2022).

ритаризм применима к Исламской республике Иран, где верховная — политическая и духовная власть принадлежит верховному руководителю рахбару (с 1989 г. этот пост занимает великий аятолла Сейид Али Хосейн Хаменеи), но где существует многопартийный парламент, действует президент, хотя его мнение не является определяющим. Конечное слово принадлежит рахбару, который опирается на Корпус стражей исламской революции. Иран можно охарактеризовать как упоминавшуюся выше «шурократию».

Эту возникшую в 1979 г. в результате исламской революции религиозно-политическую систему большинство экспертов полагали временной, уникальной. Однако, просуществовав свыше 40 лет, иранский авторитаризм, несмотря на многочисленные издержки, доказал свою жизнеспособность, и даже сумел превратить Иран в фактор глобальной политики.

Авторитарным можно считать Исламское государство (ИГИЛ)[3], которое просуществовало всего несколько лет — обычно называется период с 2013 по 2019 г., которому были присущи многие методы авторитарного правления, осуществлявшиеся с крайней жестокостью. ИГИЛ имел черты схожие с тоталитарной диктатурой.

В 2021 г. в Афганистане к власти пришло движение Талибан[4], образ правления которого в момент написания этих строк еще только формируется. Понятно, что талибский режим будет не демократическим, а останется авторитарно-исламистским. Добавим, что нынешний авторитаризм не есть некое историческое исключение, поскольку при всех прежде существовавших в Афганистане режимах «главной движущей силой было стремление правителей к авторитаризму, подкрепленному этническими и религиозными факторами» [Сикоев, 2012, с. 128].

Признание талибского государства — сначала де-факто, а потом и формальное неизбежно. Таким образом, исламистский авторитаризм обретает легитимность, тем самым доказывая живучесть, даже перспективность такой модели в мусульманском мире.

Несмотря на происходящие в мире цивилизационные сдвиги, **дихотомия демократия — авторитаризм сохраняется**, государства либо являются либеральными, либо нет. В последнем случае в систему не встроено ничего, что правительство уважало бы, и что не позволяло бы государству или большинству нарушать права человека или лишать его прав всякий раз, когда ему заблагорассудится, как в незначительной, так и в серьезной степени[5] .

С одной стороны, спор между демократией и авторитаризмом представляется разрешенным в пользу первой. Демократические государства более успешны, чем их авторитарные оппоненты. Авторитаризм в культурном, технологической отношении обречен на отставание. Он заимствует у «демократов» новейшую технологию, научные достижения.

Если авторитарный правитель слишком долго задерживается у власти, то его власть начинает утрачивать сакрализацию, а сам он перестает быть исключительным авторитетом. От авторитарного правителя устают, он надоедает. «Рационализация управления... подрывает способность масс создавать себе политических “богов”» [Кольев, 2003, с. 184]. Одновременно изменения происходят в сознании и поведении самого «вождя». Уверовав в свою незаменимость, он более всего заботится о сохранении собственной власти, и перестает адекватно воспринимать стоящие перед государством задачи. К социально-экономическим реформам он относится как к угрозе своей власти, а оппозицию воспринимает как личного врага.

Самосохранение авторитарного режима возможно лишь при его эволюции, при учете перемен, происходящих как внутри общества, так и в мире, к чему он вынужден приспосабливаться. И порой делает это успешно. Воспроизводство авторитаризма по всему миру — тренд, кото-

3 запрещенная в РФ организация.

4 запрещенная в РФ организация.

5 Каган Р. The Washington Post (США): авторитарные лидеры наносят ответный удар. *Иносми*, 01.04.2019. URL: https://inosmi.ru/politic/20190401/244842182.html (accessed 30.03.2022).

рый постоянно нарастает. При этом одной из главных причин его «живучести» остается веками формировавшаяся политическая культура, трансформация которой в ближайшее время маловероятна, если вообще возможна.

Список литературы / References

Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная России: сходства и различия. *Вестник общественного мнения*. 2009. № 4 (102). С. 50–68 [Vorozheikina T. Authoritarian Regimes of the 20th Century and Contemporary Russia: Similarities and Differences. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya*. 2009. No. 4 (102). Pp. 50–68 (in Russian)].

Делюсин Л. П. Предисловие. *Конфуцианство в Китае*. М.: Наука, 1982. С. 3–10 [Deliusin L. P. Preface. *Confucianism in China*. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 3–10 (in Russian)].

Закария Ф. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. — 330 с. [Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy in the US and Abroad*. Moscow: Ladomir, 2004. — 330 p. (in Russian)].

Кныш А. Д. *Ислам в исторической перспективе: начальный этап и основные источники*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. — 192 с. [Knysh A. D. *Islam in Historical Perspective: Initial Stage and Main Sources*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo Universiteta, 2015. — 192 p. (in Russian)].

Кольев А. Н. *Политическая мифология*. М.: Логос, 2003. — 384 с. [Koliev A. N. *Political Mythology*. Moscow: Logos, 2003. — 384 p. (in Russian)].

Косач Г. Г. Саудовская Аравия:власти и религия. *Политическая наука*. 2013. № 2. С. 100–125 [Kosach G. G. Saudi Arabia: Authorities and Religion. *Political Science*. 2013. No. 2. Pp. 100–125 (in Russian)].

Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана. *Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии*. Ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. С. 128–134 [Sikoev R. R. Autoritarism and Democracy in Afghanistan. *Muslim Space along the Perimeter of the Borders of the Caucasus and Central Asia*. Belokrenitsky V. Ya., Ultchenko N. Yu. (Eds.) Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2012. Pp. 128–134 (in Russian)].

Blondel J. *The Discipline of Politics*. London: Butterworth, 1981. — 313 p.

Carothers T., Ottaway M. (eds.) *Uncharted Journey: Promoting in Democracy in the Middle East*. Washington, D.C: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. — 302 p.

Esposito J. L. *Islam: The Straight Path*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. — 251 p.

Hofmann M. W. *Religion on the Rise: Islam in the Third Millennium*. Beltsvilles, Maryland: Amana Publications, 2001. — 248 p.

Lee Kuan Yew. *One Man's View of the World*. The Straits Times, Singapore Press Holdings Limited, 2013. — 348 p.

Pabst A. The Global Revolt against the Liberal World Order. *Multipolarity. The Promise of Disharmony*. P. W. Schulze (ed.). Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2018. Pp. 103–126.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Каган Р. The Washington Post (США): авторитарные лидеры наносят ответный удар. *Иносми*, 01.04.2019 [Kagan R. The strongmen strike back. *Inosmi*. 01.04.2019 (in Russian)]. URL: https://inosmi.ru/politic/20190401/244842182.html (accessed 30.03.2022).

Ремчуков К. Китай переписывает свою историю, угрожает Тайваню, испытывает затруднения в экономике. *Независимая газета*, 20.10.2021 [Remtchukov K. China is Rewriting Its History, Threatening Taiwan, Experiencing Economic Difficulties. *Nezavisimaya Gazeta*. 20.10.2021 (in Russian)]. URL: https://www.ng.ru/monitoring/2021-10-20/6_8282_monitoring.html (accessed 30.03.2022).

Hawthorne A. Political Reform in Arab World: A New Ferment? *Carnegie Papers*. 2004. No. 52. URL: https://carnegieendowment.org/2004/10/18/political-reform-in-arab-world-new-ferment-pub-15989 (accessed 30.03.2022).

DOI: 10.18254/S268684310021376-1

Сохранение историко-культурного наследия и исторической памяти как инструмент развития научных, образовательных и международных проектов

Preservation of Historical and Cultural Heritage and Historical Memory as a Tool for the Development of Scientific, Educational, and International Projects

© 2022 **Николай Николаевич Миклухо-Маклай**

Руководитель Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, президент Всероссийской ассоциации исследователей ЮТР, директор Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, Москва, Россия; nn@mikluho-maclay.ru
ORCID ID: 0000-0002-5085-1693

Nikolay N. Miklouho-Maclay

Head of the Center for South Pacific Studies, Research fellow at the Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania of the Institute of Oriental Studies RAS, President of the Association of the South Pacific Researchers, Director of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, Moscow, Russia; nn@mikluho-maclay.ru
ORCID ID: 0000-0002-5085-1693

Работа по сохранению историко-культурного наследия и исторической памяти — основная задача Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, создатель и руководитель которого — автор статьи, двоюродный праправнук и полный тезка знаменитого ученого-путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. В статье автор аргументирует цели создания фонда и повествует о его главных проектах в начальный период деятельности (2017–2020 гг.). Представленные в статье материалы демонстрируют, как сохранение научного и идеологического наследия русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая способствует развитию научных, культурных и образовательных проектов, в том числе международных. Во время многочисленных путешествий по Океании, Австралии и Юго-Восточной Азии в 1870-х гг. Н. Н. Миклухо-Маклай провел огромную экспедиционную работу и собрал уникальный фактографический материал, что по праву позволило ему войти в историю мировой науки как выдающемуся этнографу-полевику, антропологу и натуралисту широкого профиля, внесшему значимый вклад в различные научные дисциплины, развившему и обосновавшему учение о равенстве рас и народов. Статья также рассказывает о полевой экспедиционной деятельности в Южно-Тихоокеанском регионе сегодня, о современных российских исследователях и их влиянии на развитие научных проектов и международных научных связей. Автор повествует об экспедициях ученых Академии наук СССР, проводивших исследования на территории Папуа — Новой Гвинеи в XX в., делится опытом об экспедициях в XXI в., организованных Фондом им. Миклухо-Маклая, и об использовании их результатов в проектах фонда. Николай Николаевич представляет в статье свое видение перспектив и роли Фонда, основная миссия которого — сохранение традиций, воспитание уважения к ценностям и культурам народов мира, реализация образовательных, научных и культурных проектов с целью защиты исторической памяти. Кроме этого, автор анализирует перспективы развития двусторонних отношений между Российской Федерацией и Независимым Государством Папуа — Новая Гвинея.

Ключевые слова: развитие научно-образовательных и международных проектов, Южно-Тихоокеанский регион, историческая память, научное наследие, Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, двусторонние отношения РФ (Российская Федерация) и ПНГ (Папуа — Новая Гвинея), экспедиции Академии наук СССР

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. Сохранение историко-культурного наследия и исторической памяти как инструмент развития научных, образовательных и международных проектов. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 20–43 DOI: 10.18254/S268684310021376-1

Work on the preservation of historical and cultural heritage and historical memory is the main goal of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage. The author, a great-grandson and full namesake of the famous scientist-traveler Nikolay N. Miklukho-Maklai is the founder and the head of the Fund. In the article, the author argues the goals of the foundation and talks about its main projects in the initial period of activity (2017-2020). The materials presented in the article demonstrate how the preservation of the scientific and ideological heritage of the Russian scientist Nikolay N. Miklukho-Maklai contributes to the development of scientific, cultural, and educational projects, including international ones. During his numerous voyages to Oceania, Australia, and Southeast Asia in 1870, Miklukho-Maclay carried out extensive expeditionary work and gathered unique factual material, which allowed him to rightfully enter the history of the world science as an outstanding ethnographer, anthropologist, and naturalist of broad profile. He made significant contributions to various scientific disciplines and developed and substantiated the doctrine of equality

of races and peoples. The article also discusses field expedition activities in the South Pacific today, contemporary Russian researchers, and their influence on the development of scientific projects and international scientific relations. The author talks about the expeditions of scientists of the Academy of Sciences of the USSR, who conducted research on the territory of Papua New Guinea in the 20th century and shares his experience about the expeditions in the 21st century, organized by the Miklukho-Maklai Foundation. He shares his experience of the expeditions of the 21st century organized by the Miklouho-Maclay Foundation and the use of their results in the projects of the Foundation. The author presents in the article his vision of the prospects and role of the Foundation, the main mission of which is to preserve traditions, raise respect for the values and cultures of the peoples of the world, implement educational, scientific, and cultural projects to protect the historical memory. In addition, the author analyzes the prospects of bilateral relations between the Russian Federation and the Independent State of Papua New Guinea.

Keywords: development of educational, and international projects, South Pacific, historical memory, scientific heritage, Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, bilateral relations between the Russian Federation and PNG (Papua New Guinea), expeditions of the Academy of Sciences of the Soviet Union.

For citation: Miklouho-Maclay Nikolay N. Preservation of Historical and Cultural Heritage and Historical Memory as a Tool for the Development of Scientific, Educational, and International Projects. *Oriental Courier.* 2022. No. 1. Pp. 20–43. DOI: 10.18254/S268684310021376-1

Н. Н. Миклухо-Маклай в памяти потомков

«Человек с Луны» — так называли знаменитого российского антрополога, этнографа, биолога и путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая *(Илл. 1)* папуасы Берега Маклая[1], расположенного на северо-востоке острова Новая Гвинея, не только за белый цвет кожи, но и за неповторимую харизму [Бутинов, Бутинова, 2001]. Здесь в 1870–1880-х гг. ученый проводил исследования и вел дневники, прославившие его на века [Лебедева, 2018]. Рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая[2] *(Илл. 2a, 2b)*, на которых с фотографической точностью запечатлены коренные жители деревень Горенду *(Илл. 3)*, Бонгу (*Илл. 4*) и Гумбу, их жилища и детали быта, — один из наиболее значимых источников в области этнографии, культурологии и истории региона [Чининов, 2019], а философское наследие великого ученого-гуманиста никогда не потеряет актуальности в масштабах человечества [Миклухо-Маклай, 2020].

На протяжении XX столетия образ отважного путешественника и мыслителя, представившего миру доказательства о равенстве человеческих рас в противовес существовавшей тогда теории о превосходстве «белых» людей над «черными», служил образцом для подражания четырем поколениям россиян. Особенно популярным гуманистическое наследие Н. Н. Миклухо-Маклая было в советский период. Именем ученого называли улицы городов, музеи и научно-исследовательские заведения, о нем были сняты фильмы и написаны художественные произведения.

1 В Папуа — Новой Гвинее Берег Маклая сегодня также носит название Rai Coast (*Здесь и далее прим. автора*).

2 Неизвестные рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая, автографы и дарственные надписи. *Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая.* URL: https://mikluho-maclay.ru/neizvestnye-risunki-n-n-mikluho-maklaya/ (accessed 20.04.2022).
Миклухо-Маклай глазами наших современников. *Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая.* URL: https://mikluho-maclay.ru/mikluho-maklaj-glazami-nashih-sovremennikov/ (accessed 21.04.2022).

Илл. 1. **Н. Н. Миклухо-Маклай-младший рядом с портретом своего знаменитого предка кисти А. И. Корзухина**
Сидней, Австралия. 2017 г. © Личный архив автора
Nikolay N. Miklouho-Maclay Jr. Standing Next to a Portrait of His Famous Ancestor Painted by Alexei I. Korzukhin
Sydney, Australia, 2017 © Author's Archive

Илл. 2а. **Папуас Саул, северо-восток о. Новая Гвинея**
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая, 1877 г. © Научный архив Русского географического общества (РГО)
Papuan Saul, Northeast of New Guinea Island. New Guinea Drawing by N. N. Miklouho-Maclay, 1877
© Academic Archive of the Russian Geographic Society

Илл. 2b. **Ахмат — слуга, подаренный Н. Н. Миклухо-Маклаю султаном** (впоследствии Н. Н. Миклухо-Маклай дал Ахмату свободу) Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая. Малаккский полуостров, 1874–1875 г. © Научный архив Русского географического общества (РГО)
Akhmat, a servant given to Miklouho-Maclay by the Sultan (later Miklouho-Maclay set Akhmat free). Drawing by N. N. Miklouho-Maclay. Malacca Peninsula, 1874–1875 © Academic Archive of the Russian Geographic Society

Илл. 3. **Деревня Горенду, о. Новая Гвинея.** Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая, 1872 г. © Научный архив РГО
Gorendu Village, Island of New Guinea. New Guinea. Drawing by N. N. Miklouho-Maclay, 1872
Source: Acaedmic Archive of the Russian Geographic Society

Илл. 4. **Деревня Бонгу. Общий вид.** Фото Д. Д. Тумаркина, 1971 г.
© Фонд им. Миклухо-Маклая
A View of Bongu Village. Photo by D. D. Tumarkin, 1971
Source: Miklouho-Maclay Foundation Archive

Многое изменилось в «лихие девяностые», когда кардинальные реформы в обществе привели к смене культурных ориентиров на фоне политического и экономического кризиса в стране. И если многие люди старшего возраста сегодня могут сказать, что в свое время на их жизненный выбор или принятые решения повлиял пример знаменитого путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая, его принципы уважения к коренному населению изучаемых земель, бескорыстного служения Отчеству, то современное молодое поколение, к сожалению, знает о нем очень мало. Также мало известно в настоящее время и о достижениях России в регионе Южных морей, об отечественных первопроходцах. Возникает необходимость донести до умов нового поколения значение научного, культурного, философского и идеологического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, иначе его научное наследие в скором времени может быть забыто. Чтобы этого не произошло, нужна комплексная и разноплановая работа.

Цели Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая

В 2017 г. некоммерческий Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая (далее — Фонд им. Миклухо-Маклая)[3] объеди-

3 *Фонд им. Миклухо-Маклая.* URL: https://mikluho-maclay.ru/ (accessed 21.04.2022).

нил вокруг себя увлеченных людей, исследователей, заинтересованных в сохранении памяти об отечественном путешественнике и готовых использовать его научное наследие в работе.

Ключевая идея Фонда им. Миклухо-Маклая — не просто чтить память выдающегося отечественного деятеля, но и пользоваться плодами его трудов на практике, ведь именно для этого работал ученый. Важно преподнести содержательную часть работ знаменитого путешественника в современной форме — удобной и понятной не только профессиональным исследователям, но и широкому кругу читателей, и главное — молодежи. На начальном этапе была поставлена цель адаптировать его наследие для современного общества, представить труды, книги исследователя в удобной и понятной для восприятия научно-популярной форме, через оцифрованную литературу, что позволит многим открыть для себя выдающего деятеля и его работы. Вспомним, что слава к ученому пришла после его легендарной экспедиции на остров Новая Гвинея в 1871 г., когда он успешно наладил дружественный контакт с папуасами северо-востока острова, хотя их в то время считали кровожадными людоедами, а путешествие — смертельно опасным. Н. Н. Миклухо-Маклай первым провел уникальные разносторонние исследования в тех местах, а его работы и книги, основанные на собранном фактическом материале, дневниковых записях, стали ценным источником для исследователей региона. Один только поисковый запрос о регионе Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании приведет к работам великого исследователя, которые не оставят равнодушными ни специалистов, ни широкие массы читателей.

Однако популярность ученого Н. Н. Миклухо-Маклая десятилетиями поддерживалась отчасти тем, что превосходно поданный научный материал с интересом изучали не только специалисты, но и обыкновенные читатели. И не зря его книги, являя собой научный труд, в книжных магазинах зачастую стояли на полках рядом с литературой о приключениях, а истории о его путешествиях нашли отражение в художественных и документальных фильмах XX в. Люди советского периода хорошо знают Н. Н. Миклухо-Маклая, и особенно его наиболее популярную работу — «Путешествия на Берег Маклая» [Миклухо-Маклай, 1956], которая описывает путь первопроходца и привлекает молодых людей к исследовательской и научной деятельности, показывая пример того, как можно наладить контакт с самыми «кровожадными людьми» на планете.

О первых шагах Фонда им. Миклухо-Маклая

Миссия некоммерческого Фонда им. Миклухо-Маклая — сохранение гуманистических традиций, заложенных выдающимся ученым, а также воспитание уважения к ценностям и культурам народов мира. Фонд реализует всероссийские и международные проекты в культурной, научной, гуманитарной и экономической сферах, сохраняя преемственность как среди ученых, так и среди тех, кто неравнодушно относится к духовному и научному наследию, оставленному потомкам Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Создавая организацию, автор статьи руководствовался принципом своего предка — «О человеке можно судить по его целям», старался определить цели организации, сопоставимые с масштабом личности самого Н. Н. Миклухо-Маклая.

Великий ученый руководствовался всю жизнь этими принципами и правилами:

1. Помни, что каждый вечер мы делаемся беднее на один день
2. Твои права заканчиваются там, где начинаются права другого
3. Не делай другому того, что не желаешь, чтобы сделали тебе
4. Не обещай: раз обещав, старайся исполнить
5. Никогда не раскаивайся в том, что сделал, но, если осознал, что сделал плохо, — не повторяй
6. Не берись за дело, не будучи уверенным, что его выполнишь

7. Раз начав работу, старайся ее кончить как можно лучше — не переделывай ее несколько раз. На следующей работе не повторяй ошибок первой
8. Если не сделаешь, когда можешь, не сможешь сделать, когда и захочешь
9. Людей следует ценить по тем целям, которые они перед собой ставят
10. Все, куда человек стремится, является бесконечным
11. *In promisso tuo sis fudelis* — Будь верен своему обещанию (слову) (*лат.*).

Последнее выражение стало девизом всего рода Миклухо-Маклаев, включая автора статьи.

С самого начала работы Фонд сфокусировался на просветительских проектах. Первым его значимым проектом стала научно-исследовательская экспедиция 2017 г. (*Илл. 5а, 5б*): поставив перед собой цель пройти по следам Н. Н. Миклухо-Маклая, посетив северо-восточное побережье острова Новая Гвинея (Берег Маклая), а также Австралию для исследования в области этнологии, сбора предметов материальной культуры, съемки документального фильма. Исследователи хотели собрать устные легенды о Миклухо-Маклае, передающиеся папуасами из поколения в поколение, и проследить изменения, произошедшие за последние 40 лет после отечественных экспедиций в 1971 и 1977 гг. Подготовка к путешествию заняла более двух лет — столько времени понадобилось для отработки планов не только самих исследований, но и проектов их применения для популяризации наследия ученого и новых открытий.

Илл. 5а. **Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. на первой праздничной встрече с местными жителями северо-востока**
О. Новая Гвинея, 2017 г. Фото © Д. Шаромов. Архив Фонда им. Миклухо-Маклая
N. N. Miklouho-Maclay Jr. At the first festive meeting with local citixens in Northeastern New Guinea
New Guinea, 2017. Photo © D. Sharomov. Miklouho-Maclay Foundation Archive

Илл. 5b. **Н. Н. Миклухо-Маклай-мл., И. Чининов, С. Цергель (участники экспедиции) планируют маршрут с проводником Бохемом.** Фото © Д. Шаромов. Архив Фонда им. Миклухо-Маклая
N. N. Miklouho-Maclay Jr., I. Chininov, S. Tsergel (Members of the expedition), planning the route together with the guide named Bohem. Photo © D. Sharomov. Miklouho-Maclay Foundation Archive

Об экспедициях в Океанию советского периода

1971 год был выбран Президиумом Академии наук СССР для проведения экспедиции прежде всего потому, что на него пришелся двойной юбилей выдающегося отечественного этнографа и натуралиста Н. Н. Миклухо-Маклая — 125 лет со дня рождения и 100 лет со дня его первой высадки на берег Новой Гвинеи [Аксенов, Белоусов, 1975]. В тот год научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» с командой ученых из разных областей наук отправилось в Океанию из Владивостока и зашло в Папуа — Новую Гвинею через Сингапур. Затем маршруты экспедиций 1971 и 1977 гг. пролегали через Токио, Сидней, Брисбен, Науру, Вануату, Новую Каледонию, Фиджи, Самоа, Тувалу, Кирибати и Тонга.

Хотя в каждом пункте назначения участники советских экспедиций проводили не более 4–5 дней, а ученых из так называемого «этнографического отряда» было совсем немного — всего 8 человек в первой экспедиции и 5 человек во второй — удалось собрать богатейший материал, на основе которого были написаны фундаментальные работы по этнографии, истории, политике, экономике, фольклористике и лингвистике, до сих пор не потерявшие своей научной значимости [Бутинов, 1975; Крюков, 1989; Ме-

ликсетова, 1976; *На берегу Маклая…* 1975; Плахова, Алексеев, 1981; Путилов, 1975; Тумаркин, 2012; *Россия и Океания…* 2020].

Советские научные экспедиции на Берег Маклая, ключевой «этнографический отряд», который возглавил замечательный этнограф Даниил Давидович Тумаркин[4] (научный сотрудник Института этнографии АН СССР, ныне — Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), служили не только научным целям, но и несли важную миссию по укреплению связей между СССР и Независимым Государством Папуа — Новая Гвинея — сегодня самое богатое ресурсами и густонаселенное государство Океании, а в 1971 г. оно еще было частью Австралии. Независимость Папуа — Новая Гвинея обрела в 1975 г. Следовательно, во время второй экспедиции 1977 г. советские ученые смогли собрать уникальные сравнительные данные об изменении образа жизни папуасов Берега Маклая после обретения страной суверенитета.

В 1970-е гг. Советский Союз был крайне заинтересован в продвижении благоприятного имиджа за рубежом, а в Океании с середины 1960-х гг. активно шел процесс деколонизации бывших британских владений: на карте мира одно за другим появлялись новые государства, потенциально способные стать партнерами СССР в мировой политике. Для этих целей советские научные экспедиции в Океанию подходили как нельзя кстати. Эта гуманитарно-политическая задача, поставленная перед «этнографическим отрядом», была наряду с другими блестяще выполнена его участниками.

В научные цели участников советских экспедиций входил сбор этнографических и культурных сведений в первую очередь о жителях Берега Маклая, в тех деревнях, где 100 лет тому назад вел свою работу Н. Н. Миклухо-Маклай. Ко всеобщему удивлению и радости, о харизматичном путешественнике жители Берега Маклая не забыли —современники Маклая сложили о нем предания и легенды, передававшиеся из поколения в поколение благодаря живой устной традиции. Более того, в папуасских селениях, где работал ученый, именами «Николай» и «Маклай» коренные жители до сих пор называют детей: в этом можно убедиться, посмотрев документальный фильм «Человек с Луны» режиссера Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего[5], а впервые это было зафиксировано советской экспедицией 1971 г. (*Илл. 6, 7*):

«В деревне Бил-Бил сохранилось предание о Маклае. Один из жителей по имени Габ рассказывает: “На острове Били-Били есть место Айру. Там жил Маклай, там у него были друзья Каинг и Марамай. Как-то раз Маклай был на Били-Били и посетил человека, по имени Балим. Его жена ждала в то время ребенка. Балим назвал родившегося вскоре мальчика именем Маклай”. Этот папуас Маклай умер в 1951 году, а сейчас в деревне Бил-Бил живет семья его сына Дамуна. Дамун тоже помнит предание о Миклухо-Маклае. Он рассказал: “Маклай жил в деревне Бонгу. Он был очень хорошим человеком. На остров Били-Били Маклай привез топор, семена дыни и кукурузы. Маклай часто приезжал на лодке и, если погода была плохая, оставался ночевать”» [Аксенов, Белоусов, 1975].

Сегодня папуасы Берега Маклая в немного измененном виде используют русские названия предметов быта и продуктов питания, которые Н. Н. Миклухо-Маклай ввел в обиход в 1870-х гг., например: «глеба» (хлеб), «гугруз» (кукуруза), «топорр» или «схапор» (топор). Этот интереснейший факт был запечатлен при посещении папуасских деревень, находящихся на тех же местах, что и столетием раньше, советскими учеными в ходе экспедиций 1971 и 1977 гг., а затем подтвержден участниками новейших экспедиций в 2017 и 2019 гг.

4 Интервью Д. Д. Тумаркина можно увидеть в документальном фильме «Человек с Луны», 2019, реж. Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wJyq8hcXhMk (accessed 30.04.2022).

5 *Человек с Луны.* 2019. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wJyq8hcXhMk (accessed 30.04.2022).

Илл. 6. **Экспедиции 1971 и 1977 гг. прошли под руководством выдающего этнографа Д. Д. Тумаркина** (1971 г.). Фото © Фонд им. Миклухо-Маклая
Expeditions in 1971 and 1977 were led by the outstanding anthropologist D. D. Tumarkin (1971)
© Miklouho-Maclay Foundation Archive

Илл. 7. **Известный фольклорист и этнограф Б. Н. Путилов записывает на магнитофон папуасскую мелодию** (1971 г.). © Фонд им. Миклухо-Маклая
The famous folklorist and anthropologist B. N. Putilov records on a tape recorder some Papuan melody, 1971
© Miklouho-Maclay Foundation Archive

В ходе двух советских экспедиций в Океанию судно «Дмитрий Менделеев» заходило в порты четырех новых независимых островных государств — Западного Самоа, Науру, Тонга и Фиджи. Плодотворная встреча на высшем уровне состоялась в 1977 году в Тонга. Это государство получило независимость в 1970 г., а в 1975-м первым из стран Океании установило дипломатические отношения с СССР. Тонга — это королевство, во главе которого находится монарх, в те годы — король Тауфаахау Тупоу IV. По воспоминаниям участников экспедиции 1977 г., король Тонга оказался умным, образованным и очень начитанным человеком. У короля-интеллектуала было интересное хобби — коллекционирование русских балалаек. Узнав об этом, Д. Д. Тумаркин приобрел в Москве концертную балалайку в изящном футляре и во время аудиенции у тонганского короля вручил ему этот красивый подарок, которым тот остался очень доволен [Тумаркин, 2015, с. 147]. В дальнейшем сын короля Тауфаахау Тупоу IV, наследный принц Джордж Тупоу V, несколько раз приезжал в СССР с частными визитами, первый из которых состоялся в феврале 1987 г., а последний раз он побывал в России незадолго до кончины в 2012 г. [Соколов, 2008].

Две советские экспедиции в Океанию успешно совместили научные задачи с политическими, создав благоприятный имидж СССР в новых островных государствах. В 1976 г., спустя всего год после обретения независимости, Папуа — Новая Гвинея установила с Советским Союзом дипломатические отношения, и в Москву с официальным визитом прибыл ***Маори Кики (Maori Kiki)*** (*Илл. 8a, 8b*), занимавший сразу три должности: заместителя премьер-министра, министра иностранных дел и внешней торговли, а также министра обороны Папуа — Новой Гвинеи.

Маори Кики прославился на весь мир автобиографической книгой «Десять тысяч лет в одну жизнь», в которой он ярко и интересно описал свой удивительный жизненный путь. Книга была издана в СССР в 1981 г. Находясь в Москве, в ходе официального визита 8 июля 1976 г. Маори Кики посетил Институт востоковедения Академии наук СССР (совр. Институт востоковедения РАН) — научное заведение с единственным в стране отделом по изучению истории, международных отношений, экономики и политики стран Океании, который с 2020 г. возглавляет Н. Н. Миклухо-Маклай-младший (ныне — Центр изучения Южно-Тихоокеанского региона).

Илл. 8a. **Маори Кики, заместитель премьер-министра, министр иностранных дел и внешней торговли, министр обороны Папуа — Новой Гвинеи** (1976 г.). © Фонд им. Миклухо-Маклая
Maori Kiki, Deputy Prime Minister, Minister of Foreign Affairs and Foreign Trade and Minister of Defense of Papua New Guinea (1976). © Miklouho-Maclay Foundation Archive

Илл. 8b. **Обложка программы первого официального визита Маори Кики в СССР** (1976 г.) © Фонд им. Миклухо-Маклая
Cover of the Program of Maori Kiki's first official visit to the USSR (1976). © Miklouho-Maclay Foundation Archive

За новыми открытиями в Папуа — Новую Гвинею

Две первые в новейшей истории России научные экспедиции в ПНГ 2017 и 2019 гг. под эгидой Фонда им. Н. Н. Миклухо-Маклая послужили импульсом для последующих более широкомасштабных исследовательских и научно-популярных проектов.

Необходимость направить научную экспедицию на Берег Маклая была продиктована отсутствием свежих материалов полевых исследований, новых фактических материалов, необходимых для проведения системной научной деятельности в изучении региона и наследия Н. Н. Миклухо-Маклая и других российских ученых. Так как перерыв в исследованиях на Берегу Маклая был весьма значительный — более 40 лет, а команда научной экспедиции 2017 г. под руководством Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего провела лишь две недели в Папуа — Новой Гвинее и две недели в Австралии, что недостаточно для сбора полной информации, пришлось организовать вторую научную экспедицию уже в 2019 г. В состав второй экспедиции под неизменным руководством Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего вошел уже упомянутый выше этнолог И. В. Чининов, а также был включен новый участник — Ольга Темпл (бывшая гражданка СССР), лингвист из Университета Папуа — Новой Гвинеи в Порт-Морсби[6].

Отечественная наука располагает уникальной летописью культурных изменений на Берегу Маклая. Она необычна тем, что, во-первых, первое описание региона сделано ученым, а не представителем колониальной администрации или миссионером, и содержит полную характеристику культуры и языка. Во-вторых, культурная динамика фиксируется через каждые 10–20 лет, что также является очень большой редкостью. В-третьих, местные жители по-прежнему сохраняют высокий уровень уважения к европейцам, и в особенности к согражданам Н. Н. Миклухо-Маклая. Все эти три особенности делают сведения о динамике культуры Берега Маклая уникальным историческим и этнографическим проектом. Однако этот проект может стать еще более ценным, если исследования будут продолжены. Научная экспедиция на Берег Маклая в 2017 году под руководством автора статьи позволила объединить ученых Российской академии наук из Москвы (И. В. Чининов, к. и. н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН) и Санкт-Петербурга (А. А. Лебедева, к. и. н., научный сотрудник Отдела этнографии Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера РАН).

Кроме того, эта экспедиция стала отправной точкой для налаживания и расширения культурных, образовательных и научных контактов между Россией и Папуа — Новой Гвинеей, послужив залогом укрепления дружбы и всестороннего сотрудничества на межгосударственном уровне.

Одним из важных аспектов исследований в ходе этнографических экспедиций является сбор предметов материальной культуры, которые впоследствии могут быть представлены широкой публике в образовательно-просветительских целях.

В далеком 1886 г. Н. Н. Миклухо-Маклай, вернувшись из путешествия в Санкт-Петербург, организовал выставку антропологических и этнографических предметов, собранных им в Океании, которые затем были переданы Императорскому русскому географическому обществу, а впоследствии — Императорской академии наук. Выставка стала сенсацией: ее посетило множество людей, включая представителей высшего общества и даже царскую семью. Океанийская коллекция, собранная Н. Н. Миклухо-Маклаем, находится в фондах Кунсткамеры — Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. К слову, от Кунсткамеры берет свое начало одно из старейших научных

6 *Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая. Экспедиции XX–XXI вв.* URL: https://mikluho-maclay.online/ekspediczii/ (accessed 28.04.2022).

учреждений России — Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

С 1986 г. в Кунсткамере проводятся ежегодные конференции этнографов — «Маклаевские чтения», которые также проходят в городе Окуловка Новгородской области, расположенном между Санкт-Петербургом и Москвой, где родился и вырос знаменитый ученый. В Музее им. Миклухо-Маклая в Окуловке действует постоянная выставка уникальных экспонатов, привезенных путешественниками в XX веке, а затем пополненная автором статьи материалами, собранными в ходе научных экспедиций на Берегу Маклая в 2017 и 2019 гг.

15 июля 2021 г., в преддверии Дня этнографа, который с 1970-х годов празднуется в России в день рождения выдающегося ученого-путешественника — 17 июля, в Круглом зале Кунсткамеры торжественно открылась выставка «Николай Николаевич Миклухо-Маклай: к 175-летию со дня рождения», на которой были представлены уникальные экспонаты, собранные ученым в ходе его путешествий, а также его знаменитые рисунки. Широкой публике была впервые представлена собранная путешественником коллекция фотографий с изображениями туземцев[7].

Что касается научных экспедиций XXI в. в Папуа — Новую Гвинею, организованных Фондом им. Миклухо-Маклая, то ее участникам удалось привезти в Россию уникальную коллекцию из более 50 предметов бытового и ритуального назначения. Большинство этих предметов аналогичны артефактам из коллекции, собранной в XIX в. Н. Н. Миклухо-Маклаем в этом регионе, которая до 2017 года оставалась единственной и первой в мире коллекцией предметов материальной культуры жителей Берега Маклая. Каждый из артефактов, вошедших в современную коллекцию, имеет историю бытования, подтвержденную достоверными фото-, видео- и дневниковыми записями их персонализированной передачи, что позволяет проследить их историю. Предметы, безусловно, являются историко-культурной ценностью мирового масштаба. Фотоматериалы подтверждают, что привезенные артефакты используются местными жителями в быту, а также для отправления религиозных обрядов. Одним из предметов гордости современной экспедиции и его руководителя явился тот факт, что вся коллекция была передана ему безвозмездно как потомку почитаемого до сих пор папуасами «их белого друга». Это стало результатом долгого разговора со старейшинами деревень Гумбу, Гореду и Бонгу. Верный тон в общении и уважительный подход, который пропагандировал Н. Н. Миклухо-Маклай, помог и его потомку наладить доверительные отношения с папуасами, осознававшими, что подаренная коллекция сможет освежить память россиян об этом уникальном месте на планете, которое так хорошо описал в своих дневниках-книгах их «большой брат — Тамо Боро».

По итогам первой научно-исследовательской экспедиции 2017 г. 16 предметов пополнили коллекции Кунсткамеры, 1 предмет — Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ, 1 предмет — Музей Мирового океана, еще 42 артефакта хранятся в частной коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего. Часть экспонатов из этой личной коллекции выставляется в образовательно-просветительских целях в различных музеях России (*Илл. 9*)[8].

Помимо пополнения фондов музеев в России, в 2021 г. Фонд им. Миклухо-Маклая открыл виртуальный «Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-

7 В Кунсткамере открылась выставка «Николай Николаевич Миклухо-Маклай: к 175-летию со дня рождения». *Кунсткамера.* 15.07.2021. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/museum/v_kunstkamere_otkrylas_vystavka_nikolaj_nikolaevich_mikluhomaklaj_k_175letiyu_so_dnya_rozhdeniya (accessed 2.05.2022).

8 В Детском музейном центре в Новгородском кремле открылась выставка «Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая». ГТРК *Славия. Великий Новгород.* 12.03.2021 URL: https://vesti53.com/projects/vesti-velikij-novgorod/6443-v-detskom-muzejnom-tsentre-v-novgorodskom-kremle-otkrylas-vystavka-ekspeditsii-trekh-vekov-po-sledam-miklukho-maklaya.html (accessed 23.04.2022).

Илл. 9. **Передача Музею Мирового океана ритуального блюда Табир в рамках 13-го Дня мецената в Санкт-Петербургском Государственном Эрмитаже** (2018 г.). © Фонд им. Миклухо-Маклая
Giving the Tabir ritual dish to the World Ocean Museum as part of the 13th Patron's Day at the St. Petersburg State Hermitage Museum, 2018. © Miklouho-Maclay Foundation Archive

Маклая», где можно ознакомиться с несколькими десятками предметов, привезенных из Папуа — Новой Гвинеи экспедициями 2017 и 2019 гг. Это беспрецедентный проект в России: онлайн-музей собирает множество просмотров и вызывает большой интерес у публики за счет простоты подачи материала и удобства для пользователей. На сайте «Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая» размещены рубрики, в которых представлена обширная систематизированная информация, дающая представление о ценном наследии великого ученого и других исследователей Южно-Тихоокеанского региона.

В ходе экспедиций 2017 и 2019 гг. российские ученые смогли сделать подробное описание жизни и быта коренных жителей Берега Маклая. Кроме того, им удалось взять интервью у старейшин деревень и записать легенды о «своем Маклае», которые они сохраняют и передают из уст в уста до наших дней[9].

Также в народной памяти остались дружественные визиты советских ученых в 1971 и 1977 гг. и визит Маори Кики в СССР, который показал, что Россия — это не только культурный, но и политический союзник.

В 2017 г. помимо грандиозного приема с оказанием почестей и исполнением национального гимна жителями Берега Маклая, одетыми в национальные костюмы, с участниками первой российской научной экспедиции и лично с Н. Н. Миклухо-Маклаем-младшим пожелал познакомиться выдающийся политик ***Майкл Сомаре (Michael Thomas Somare)*** (*Илл. 10a, 10 b*) (1936–2021) — экс-премьер-министр Независимого Государства Папуа — Новой Гвинеи, который привел страну к независимости в 1975 г. В Папуа — Новой Гвинеи М. Сомаре заслужил огромную любовь своего народа и звание «Grand Chief» (англ. «Великий вождь») или «Father of the Nation» (англ. «отец нации»).

9 Папуа — Новая Гвинея вместе с Россией отпраздновала 146-летие высадки Миклухо-Маклая на берег «Рай». *Комсомольская правда*. 25.09.2017. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/26735/3763020/ (accessed 26.04.2022).

Илл. 10a. **Почетный гость на Берегу Маклая — экс-премьер-министр Папуа — Новой Гвинеи Майкл Сомаре** (2017 г.) © Архив Фонда им. Миклухо-Маклая
The guest of honor on the Maclay Coast is former Prime Minister of Papua New Guinea Michael Thomas Somare, (2017) © Miklouho-Maclay Foundation Archive

Илл. 10b. **Н. Н. Миклухо-Маклай-младший (лицо раскрашено красной краской, традиционной для молодых мужчин-папуасов) и М. Сомаре.** © Архив Фонда им. Миклухо-Маклая
N. N. Miklouho-Maclay Jr. (Face Painted Red, Traditional for Young Papuan Men) and Michael Somare © Miklouho-Maclay Foundation Archive

Илл. 11. **Телемост «Россия — Папуа — Новая Гвинея».** Слева Н. Н. Миклухо-Маклай-младший, в центре М. Сомаре (20 сентября 2017 г.). © Фонд им. Миклухо-Маклая
Russia and Papua — New Guinea teleconference. N. N. Miklouho-Maclay Jr. on the left and Michael Somare in the center (September 20, 2017). © Miklouho-Maclay Foundation Archive

М. Сомаре прибыл на Берег Маклая (*Илл. 11*) по приглашению автора статьи, чтобы лично пообщаться с участниками российской научной экспедиции. Контакт с «отцом нации» помог в налаживании связей и способствовал не только успешному выполнению научных задач, но и установлению прочных культурных и образовательных связей между Россией и Папуа — Новой Гвинеей, а также упрощению визового режима между двумя государствами, что очень помогает в налаживании туристического обмена.

Научная экспедиция 2017 г. позволила российским ученым провести не только комплексные исследования, но и наладить прерванные со времен распада Советского Союза контакты с научными и образовательными учреждениями. Это стало возможным благодаря организованным мероприятиям, докладам российских ученых в городах Маданг и Порт-Морсби[10] и представленной там выставке фотографий предметов коллекции, собранной Н. Н. Миклухо-Маклаем на Берегу Маклая в 1870-х годах, которые по сей день хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)[11].

Ход экспедиции и ее итоги широко освещались ведущими российскими и зарубежными СМИ[12], включая издание с мировой известностью *Daily Mail*[13], сайт которого посещает более 10 млн читателей в день, что, безусловно, являлось одной из важнейших задач Фонда им. Миклухо-Маклая.

Известно, что Н. Н. Миклухо-Маклай мечтал, чтобы его друзья-папуасы увидели Россию. «Когда он [Н. Н. Миклухо-Маклай. — *Н. Н. М.-М.*] собирался ехать в Россию, он взял с собой двух людей с острова. Но один из них испугался и выскочил из лодки, а другой доплыл до острова Сег и там остался. Потом он вернулся на Били-Били», — так передавал коренной житель Берега Маклая в беседе с участниками советской экспедиции 1971 года устные легенды об этом событии [Аксенов, Белоусов, 1975].

И вот в октябре — ноябре 2018 г. Фонд им. Миклухо-Маклая инициировал визит в Россию пяти общественных деятелей Папуа — Новой Гвинеи — преподавателей политологии и социальных наук университетов г. Порт-Морсби и Маданг. Мечта Миклухо-Маклая была осуществлена его потомком при поддержке партнеров Фонда им. Миклухо-Маклая в рамках программы Президента РФ «Новое поколение» (*Илл. 12a, b*). Целью этого визита стало развитие общественных, деловых и научных связей между странами. Первая в новейшей истории РФ делегация из Папуа — Новой Гвинеи посетила Санкт-Петербург и Москву. Члены делегации ближе познакомились с Россией и в дальнейшем, благодаря сложившимся доверительным отношениям, стали опорой в последующей работе Фонда им. Миклухо-Маклая в ПНГ[14]. Подробнее об этой поездке в Россию можно узнать из доку-

10 Фрагмент программы *«Международное обозрение» с рассказом об экспедиции «Миклухо-Маклай XXI век. Берег Маклая», 2017.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=fk5wMtdwDxY&t=116s (accessed 5.05.2022).

11 *Экспонаты. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).* URL: http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?query=Берег%20Маклая&person=1242078078 (accessed 11.05.2022).

12 Russian Group Visits Madang. *The National.* 25.09. 2017. URL: https://www.thenational.com.pg/russian-group-visits-madang/ (accessed 6.05.2022).
По следам знаменитого предка. Что изменилось на земле папуасов за 146 лет? *Пятый телеканал.* 21.09.2017. URL: https://www.5-tv.ru/news/154457/ (accessed 3.05.2022).
Папуасы с почестями встретили потомка Миклухо-Маклая в Новой Гвинее. *Телеканал НТВ.* 10.10.201. URL: https://www.ntv.ru/novosti/1938840/ (accessed 30.04.2022).

13 The Fascinating Story of the 19th Century Explorer Who Became the First White Man to Meet Spear-wielding New Guinea Tribe, as His Great-great-nephew Returns 150 Years Later to Meet Locals Named After His Ancestor. *Daily Mail.* 08.03.2018. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5468789/Russian-explorer-white-man-meet-PNG-tribe.html (accessed 30.04.2022).

14 В Петербург прибыла делегация из Папуа — Новой Гвинеи. *ОТР.* 23.10.2018. URL: https://otr-online.ru/news/v-peterburgpribyla-delegaciya-iz-papua-novoy-gvinei-113418.html (accessed 29.04.2022).

Илл. 12a. **Группа из Папуа — Новой Гвинеи после произведенного вместе Н. Н. Миклухо-Маклаем полуденного выстрела с Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге** (2018 г.). © Фонд им. Миклухо-Маклая
A group from Papua New Guinea with N. N. Miklouho-Maclay after a midday shot from the Peter and Paul Fortress in St. Petersburg, 2018. © Miklouho-Maclay Foundation Archive

Илл. 12b. **Н. Н. Миклухо-Маклай-младший и члены первой в новейшей истории России делегации из Папуа-Новой Гвинеи в Русском географическом обществе впервые знакомятся с рисунками Н. Н. Миклухо-Маклая** (2018 г.). © Фонд им. Миклухо-Маклая
N. N. Miklouho-Maclay Jr. and members of the first delegation from Papua New Guinea in modern Russian history to the Russian Geographical Society are shown the drawings by N. N. Miklouho-Maclay (2018) © Miklouho-Maclay Foundation Archive

ментального фильма «Путешествие папуасов в Россию»[15].

Научно-исследовательская экспедиция 2017 г. во многом послужила фундаментом для развития дальнейших отношений России и Папуа — Новой Гвинеи, в том числе и на высшем уровне. В период саммита АТЭС,[16] состоявшегося в столице Независимого Государства Папуа-Новая Гвинея г. Порт-Морсби в 2018 г., российская правительственная делегация впервые посетила Папуа — Новую Гвинею (*Илл. 13a, 13b*). На столь представительном международном форуме присутствовала и делегация Фонда им. Миклухо-Маклая, которая организовала для участников саммита серию культурных мероприятий, включающих фотовыставки и фильмы на английском языке об истории связей России и Папуа — Новой Гвинеи. В ходе двусторонней встречи на высшем уровне состоялась презентация иллюстрированного издания «Путешествие на Берег Маклая» (автор Н. Н. Миклухо-Маклай-младший) на английском языке. Кни-

Документальный фильм «Путешествие папуасов в Россию». URL: https://www.youtube.com/watch?v=j6PhpouGwlE&t=330s (accessed 29.04.2022).

15 *Документальный фильм «Путешествие папуасов в Россию».* URL: https://www.youtube.com/watch?v=j6PhpouGwlE&t=330s (accessed 29.04.2022).

16 Форум АТЭС, учрежденный в ноябре 1989 г., — межправительственный диалоговый механизм, не имеющий статуса международной организации.

Илл. 13a. **Заместитель министра иностранных дел РФ И. В. Могулов, основатель Фонда им. Миклухо-Маклая Н. Н. Миклухо-Маклай, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Папуа — Новой Гвинее (по совместительству) Л. Г. Воробьева на полях саммита АТЭС,** 2018 г. © Фонд им. Миклухо-Маклая
Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation I. V. Mogulov, Founder of the Miklouho-Maclay Foundation N. N. Miklouho-Maclay. N. Miklouho-Maclay, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to Papua New Guinea (Concurrently) L. G. Vorobyeva on the Margins of the APEC summit, 2018
© Miklouho-Maclay Foundation's Archive

Илл. 13b. **Подписание меморандумов о сотрудничестве с научными и образовательными учреждениями Папуа — Новой Гвинеи.**
Фото с издания «Путешествие на Берег Маклая» на английском языке, 2019 г. Из архива автора
Signing Memoranda of Cooperation with academic and educational institutions in Papua New Guinea.
Photo from the English Edition of Journey to the Maclay Coast, 2019. © Author's Archive

Илл. 14. **Мемориальный памятник Н. Н. Миклухо-Маклаю на Берегу Маклая, который сохраняют местные жители.** © Фонд им. Миклухо-Маклая
N. N. Miklouho-Maclay memorial monument on the Maclay Coast preserved by local residents
© Miklouho-Maclay Foundation Archive

га рассказывает о тесной исторической связи между народами наших стран и о современных экспедициях.

Мероприятия широко освещались в международной прессе, что способствовало укреплению и развитию деловых контактов и созданию позитивного имиджа России в мире[17]. Российская пресса также не обошла вниманием этот форум: информация была широко представлена в ведущих СМИ («Первый канал», НТВ, РИА Новости и др.)[18].

Следующая научно-исследовательская экспедиция с командой ученых под руководством Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего в Папуа — Новую Гвинею состоялась в апреле 2019 г. и прошла с участием телеканала «Россия 24», специалисты которого подготовили ряд сюжетов, в том числе и для авторской программы Евгения Примакова «Международное обозрение».

Участникам экспедиции предстояло более глубокое изучение различных сторон культуры жителей Берега Маклая и народа *моту*, проживающего в деревнях к востоку и западу от Порт-Морсби[19].

Лингвист О. Темпл была включена в состав экспедиции, так как было необходимо продолжить традицию изучения языка бонгу, начатую Н. Н. Миклухо-Маклаем, который в конце XIX в. впервые записал несколько сотен слов на данном языке. Словарь ученого был использован во время советских экспедиций в 1971 и 1977 гг.: бонгуанский язык, зазвучавший из уст этнографов-маклаеведов, позволил быстро наладить доверительный контакт с жителями Берега Маклая, что немало способствовало проведению успешной научной работы[20] и более тесному и обстоятельному знакомству российских ученых с обычаями и традициями бонгуанцев. Впоследствии это позволило внести существенный вклад в мировую этноокеанистику [Тумаркин, 2012, с. 9, 14].

Образование, политика, культура и международные отношения

Начиная с 2017 г., сразу же после проведения первой научно-исследовательской экспедиции, Фонд им. Миклухо-Маклая начал осуществлять всероссийские и международные проекты в научной, культурной и деловой сферах, направленные на развитие добрых и конструктивных отношений между Россией и странами Южно-Тихоокеанского региона (*Илл. 14*). Фонд осуществляет популяризацию научных исследований региона россиянами, что способствует просвещению и привлечению молодого поколения к научной деятельности, сохранению преемственности и воспитанию молодого поколения на примерах российских исследователей южной части Тихого океана. Проекты разрабатываются и реализуются командой Фонда при участии экспертов, преподавателей средних и высших учебных заведений, а также молодых

17 Russia and Papua New Guinea Signed a Number of Documents on Cooperation in the Humanitarian Sphere. *International News.* 18.11.2018. URL: https://www.tellerreport.com/news/--russia-and-papua-new-guinea-signed-a-number-of-documents-on-cooperation-in-the-humanitarian-sphere-.By3ZLuRa7.html (accessed 23.04.2022).

18 Дмитрий Медведев принял участие в работе саммита АТЭС, который в этом году состоялся в Папуа — Новой Гвинее. *Первый канал.* URL: https://www.1tv.ru/news/2018-11-17/355817-dmitriy_medvedev_prinyal_uchastie_v_rabote_sammita_ates_kotoryy_v_etom_godu_sostoyalsya_v_papua_novoy_gvinee (accessed 26.04.2022).
Миклухо-Маклай подарил министру культуры Папуа — Новой Гвинеи зимний пейзаж. *Телеканал НТВ.* URL: https://www.ntv.ru/video/1664827/ (accessed 28.04.2022).
Журналистам на саммите АТЭС подарили кофе и книгу про Миклухо-Маклая. *РИА Новости.* URL: https://ria.ru/20181117/1532989164.html (accessed 21.04.2022).

19 Экспедиция «Миклухо-Маклай. XXI век. Берег Маклая». 2019. *Фонд им. Миклухо-Маклая.* URL: https://mikluho-maclay.ru/expedition/ (accessed 12.04.2022).

20 Словарь Берега Маклая. *Фонд им. Миклухо-Маклая.* URL: https://mikluho-maclay.ru/slovar-berega-maklaya/ (accessed 22.04.2022).

ученых РАН. Особенно тесно сотрудничает Фонд с новым Центром изучения Южно-Тихоокеанского региона Центра ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН[21].

Запущенный в 2019 г. Фондом им. Миклухо-Маклая просветительский проект «Россия и Океания XIX–XXI вв.» включает проведение выставок, издание научно-популярных книг и чтение лекций на площадках российских культурных и образовательных центров — школ, высших учебных заведений, библиотек, музеев и т. п. В проекте приняли участие ведущие специалисты в области изучения Австралии и Океании: А. Я. Массов (д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета), А. А. Гарин (к. и. н., сотрудник Института востоковедения РАН, Москва), И. В. Чининов (к. и. н., сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), С. Е. Пале (к. и. н., сотрудник Института востоковедения РАН).

За годы работы Фонда им. Миклухо-Маклая были представлены комплексные образовательно-просветительские проекты, осуществляемые как в России, так и в Папуа-Новой Гвинее, которые включают в себя фотовыставки, лекционные программы, образовательно-просветительские конференции, музейные проекты с использованием коллекций предметов, собранных в экспедициях, выпуск книг и журналов.

Таким образом, наука, образование, политика, культура и международные отношения переплетаются в полотно истории, создаваемое под эгидой Фонда им. Миклухо-Маклая здесь и сейчас на благодатном материале развития дружественных отношений России и Папуа-Новой Гвинеи. Это способствует укреплению имиджа Российской Федерации не только в южной части Тихого океана, но и во всем мире. Автор скромно надеется, что дальнейшая работа Фонда им. Миклухо-Маклая принесет еще более ощутимые результаты в обозримом будущем.

Список литературы / References

Аксенов А. А., Белоусов И. М. *Загадки Океании.* М.: Мысль, 1975. — 156 с. [Aksenov A. A., Belousov I. M. *Mysteries of Oceania.* Moscow: Mysl, 1975. — 156 p. (in Russian)].

Бутинов Н. А. *Путь к Берегу Маклая.* Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1975. — 303 с. [Butinov N. A. *The Way to the Maclay Coast.* Khabarovsk: Khabarovsk Publ., 1975. — 303 p. (in Russian)].

Бутинов Н. А., Бутинова М. С. Образ Н. Н. Миклухо-Маклая в мифологии папуасов Новой Гвинеи. *Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Серия «Мыслители». Вып. 8. Сб. в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 300 [Butinov N. A., Butinova M. S. The Image of N. N. Miklouho-Maclay in the Mythology of the Papuans of New Guinea. *Myth's Senses: Mythology in History and Culture. Series "Mysliteli". Issue 8. Compilation in Honor of the 90th Anniversary of the Professor M. I. Shakhnovich.* Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Philosophical Society, 2001. P. 300 (in Russian)].

Крюков В. М. *Этот таинственный остров Эроманга.* М.: Букинист, 1989. — 128 с. [Kryukov V. M. *This Mysterious Eromanga Island.* Moscow: Bukinist, 1989. — 128 p. (in Russian)].

Лебедева А. А. Очерк современной культуры папуасов Берега Маклая (социум, экономика, объекты культуры, самоопределение). *Кунсткамера.* № 1. 2018. С. 170–184 [Lebedeva A. A. Sketch of Modern Papuan Culture of the Maklay Coast (Society, Economy, Objects of Culture, Self-Determination). *Kunstkamera.* № 1. 2018. Pp.170–184 (in Russian)].

Меликсетова И. М. *Встреча с Океанией 70-х годов.* М.: Наука, 1976. — 143 с. [Meliksetova I. M. *Encounter with Oceania in the 1970-s.* Moscow: Nauka, 1976. — 143 p. (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. *Собрание сочинений.* В 6 т. 2-е изд. СПб., 2020. [Miklouho-

21 Конференция «О русских названиях географических объектов в Океании». *Институт востоковедения* РАН. URL: https://www.ivran.ru/novosti-nauki?artid=16660 (accessed 30.04.2022).

Maclay N. N. *Collected Works in Six Volumes.* 2nd Edition. Saint-Petersburg, 2020 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. *Путешествия на берег Маклая.* М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. — 415 с. [Miklouho-Maclay N. N. *Travels to the Maclay Coast.* Moscow: Geograficheskaya Literatura Publ., 1956. — 415 p. (in Russian)].

На Берегу Маклая. (Этнографические очерки). Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1975 [*On the Maclay Coast. (Ethnographic Sketches).* N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].

Плахова М. Л., Алексеев Б. М. *Океания далекая и близкая. Путевой дневник художников.* М.: Наука, 1981. — 256 с. [Plakhova M. L., Alekseev B. M. *Oceania Distant and Close. Artists' Travel Diary.* Moscow: Nauka, 1981. — 256 p. (in Russian)].

Путилов Б. Н. Песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев. *На Берегу Маклая. (Этнографические очерки).* М., 1975. С. 227–257 [Putilov B. N. Song and Music Folklore of the Bonguans. *On the Maclay Coast. (Ethnographic Sketches).* Moscow, 1975. Pp. 227–257 (in Russian)].

Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX–XXI вв. Отв. ред. Н. Н. Миклухо-Маклай. Ред. А. Я. Массов. СПб., 2020. — 200 с. [*Russia and Oceania. Research and Travels of Russians in the 19th–21th Centuries.* Eds. N. N. Miklouho-Maclay, A. Y. Massov. Saint-Petersburg, 2020. — 200 p. (in Russian)].

Соколов Ю. М. Практическая деятельность по развитию отношений СССР и России со странами Океании в 1987–1992 гг. (на примере Новой Зеландии, Западного Самоа, Королевства Тонга и Островов Кука). *Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. по изучению Австралии, Новой Зеландии и Океании «Южнотихоокеанский регион: место встречи Востока и Запада».* 25–26 октября 2007 г. М.: ИВ РАН, 2008. [Sokolov Y. M. Practice in the Development of Relations between the USSR, Russia, and the Countries of Oceania in 1987–1992 (On the Example of New Zealand, Western Samoa, the Kingdom of Tonga and the Cook Islands). *Proceedings of the 28th International Scientific Conference on the Study of Australia, New Zealand and Oceania: "South Pacific: The Meeting Point of East and West".* 25-26 October 2007. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2008 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. Король и балалайка. Советские этнографы на островах Тонг. *Вестник антропологии.* 2015. № 3 (31). С. 147 [Tumarkin D. D. The King and the Balalaika. Soviet Ethnographers on the Tonga Islands. *Vestnik Anthropologii.* 2015. № 3 (31). P. 147 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. *Миклухо-Маклай. Две жизни «белого папуаса».* Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2012. — 454 с. [Tumarkin D. D. *Miklouho-Maclay. Two Lives of the "White Papuan".* Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012. — 454 p. (in Russian)].

Чининов И. В. Материальная культура жителей деревень Горенду и Бонгу (Новая Гвинея) в начале XXI века: традиции и инновации (по материалам полевых исследований). *Вестник антропологии.* 2019. № 3 (47). С. 243–255 [Chininov I. V. The Material Culture of the Inhabitants of Gorendu and Bongu Villages (New Guinea) at the Beginning of the 21th Century: Traditions and Innovations (Based on Field Research). *Vestnik anthropologii.* 2019. No. 3 (47). Pp. 243–255 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

В Детском музейном центре в Новгородском кремле открылась выставка «Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая». *ГТРК Славия.* Великий Новгород. 12.03.2021 ["Expeditions of Three Centuries. In the Footsteps of Miklouho-Maclay" Exhibition Opened in the Children's Museum Center in the Novgorod Kremlin. *"Slavia" Russian Television and Radio.* Veliky Novgorod. 12.03.2021 (in Russian)]. URL: https://vesti53.com/projects/vesti-velikij-novgorod/6443-v-detskom-

muzejnom-tsentre-v-novgorodskom-kremle-otkrylas-vystavka-ekspeditsii-trekh-vekov-po-sledam-miklukho-maklaya.html (accessed 23.04.2022).

В Кунсткамере открылась выставка «Николай Николаевич Миклухо-Маклай: к 175-летию со дня рождения». *Кунсткамера.* 15.07.2021 [”Nikolay Nikolaevich Miklouho-Maclay: On the 175th Anniversary of the Birth” Exhibition Opened in the Kunstkamera. *Kunstkamera.* 15.07.2021 (in Russian)]. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/museum/v_kunstkamere_otkrylas_vystavka_nikolaj_nikolaevich_mikluhomaklaj_k_175letiyu_so_dnya_rozhdeniya (accessed 2.05.2022).

В Петербург прибыла делегация из Папуа — Новой Гвинеи. *OTP.* 23.10.2018 [A Delegation from Papua New Guinea Arrived in Saint-Petersburg. *OTR.* 23.10.2018 (in Russian)]. URL: https://otr-online.ru/news/v-peterburgpribyla-delegaciya-iz-papua-novoy-gvinei-113418.html (accessed 29.04.2022).

Дмитрий Медведев принял участие в работе саммита АТЭС, который в этом году состоялся в Папуа — Новой Гвинее. *Первый канал* [Dmitry Medvedev Participated in the APEC Summit Held in Papua New Guinea This Year. *Perviy Kanal* (in Russian)]. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-11-17/355817-dmitriy_medvedev_prinyal_uchastie_v_rabote_sammita_ates_kotoryy_v_etom_godu_sostoyalsya_v_papua_novoy_gvinee (accessed 26.04.2022).

Документальный фильм «Путешествие папуасов в Россию». [Documentary ”Journey of Papua New Guineans to Russia” (in Russia)]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=z0UNBm7u-EA (accessed 29.04.2022).

Журналистам на саммите АТЭС подарили кофе и книгу про Миклухо-Маклая. *РИА Новости* [Journalists at the APEC Summit Were Given Coffee And a Book About Miklouho-Maclay. *RIA Novosti* (in Russian)]. URL: https://ria.ru/20181117/1532989164.html (accessed 21.04.2022).

Конференция «О русских названиях географических объектов в Океании». *Институт востоковедения РАН* [Conference “Russian Names of Geographical Objects in Oceania”. *Institute of Oriental Studies RAS* (in Russian)]. URL: https://www.ivran.ru/novosti-nauki?artid=16660 (accessed 30.04.2022).

Миклухо-Маклай глазами наших современников. *Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая* [Miklouho-Maclay Through the Eyes of Our Contemporaries. *Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage* (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.ru/mikluho-maklaj-glazami-nashih-sovremennikov/ (accessed 25.04.2022).

Миклухо-Маклай подарил министру культуры Папуа — Новой Гвинеи зимний пейзаж. *Телеканал НТВ* [Miklouho-Maclay Presented a Painting of a Winter Landscape to the Minister of Culture of Papua New Guinea. *NTV TV Channel* (in Russian)]. URL: https://www.ntv.ru/video/1664827/ (accessed 21.04.2022).

Неизвестные рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая, автографы и дарственные надписи. *Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая* [Unknown Drawings by N. N. Miklouho-Maclay, Autographs and Inscriptions. *Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage* (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.ru/neizvestnye-risunki-n-n-mikluho-maklaya/ (accessed 25.04.2022).

Папуа — Новая Гвинея вместе с Россией отпраздновала 146-летие высадки Миклухо-Маклая на берег «Рай». *Комсомольская правда.* 25.09.2017 [Papua New Guinea Together with Russia Celebrated the 146th Anniversary of the Disembarking of Miklouho-Maclay on the Rai Coast. *Komsomolskaya Pravda.* 25.09.2017 (in Russian)]. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/26735/3763020/ (accessed 26.04.2022).

Папуасы с почестями встретили потомка Миклухо-Маклая в Новой Гвинее. *Телеканал НТВ.* 10.10.2021 [Papuans Met a Descendant of Miklouho-Maclay with Full Honors in New Guinea. *NTV TV Channel.* 10.10.2021 (in Russian)]. URL: https://www.ntv.ru/novosti/1938840/ (accessed 30.04.2022).

По следам знаменитого предка. Что изменилось на земле папуасов за 146 лет? *Пятый*

телеканал. 21.09.2017 [In the Footsteps of the Famous Ancestor. What Has Changed on the Land of Papuans for 146 years? *5 TV Channel.* 21.09.2017 (in Russian)]. URL: https://www.5-tv.ru/news/154457/ (accessed 3.05.2022).

Словарь Берега Маклая. *Фонд им. Миклухо-Маклая* [Dictionary of the Maclay Coast. *Miklouho-Maclay Foundation* (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.ru/slovar-berega-maklaya/ (accessed 22.04.2022).

Фонд им. Миклухо-Маклая (вебсайт) [*Miklouho-Maclay Foundation (Website)* (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.ru/ (accessed 21.04.2022).

«Человек с Луны». 2019. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай-младший [*"The Man From the Moon"*. 2019. Directed by. N. N. Miklouho-Maclay, Jr. (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.ru/slovar-berega-maklaya/ (accessed 22.04.2022).

Экспедиция «Миклухо-Маклай XXI век. Берег Маклая». 2019. *Фонд им. Миклухо-Маклая* ["Miklouho-Maclay 21th Century. Maclay Coast" Expedition. 2019. *Miklouho-Maclay Foundation* (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.ru/expedition/ (accessed 12.04.2022).

Экспонаты. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) [*Exhibits. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera)* (in Russian)]. URL: http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?query=Берег%20Маклая&person=1242078078 (accessed 11.05.2022).

Russia and Papua New Guinea Signed a Number of Documents on Cooperation in the Humanitarian Sphere. *International News.* 18.11.2018. URL: https://www.tellerreport.com/news/--russia-and-papua-new-guinea-signed-a-number-of-documents-on-cooperation-in-the-humanitarian-sphere-.By3ZLuRa7.html (accessed 23.04.2022).

Russian group visits Madang. *The National.* 25.09.2017. URL: https://www.thenational.com.pg/russian-group-visits-madang/ (accessed 6.05.2022).

The Fascinating Story of the 19th Century Explorer Who Became the First White Man to Meet Spear-wielding New Guinea Tribe, as His Great-great-nephew Returns 150 Years Later to Meet Locals Named After His Ancestor. *Daily Mail.* 08.03.2018. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5468789/Russian-explorer-white-man-meet-PNG-tribe.html (accessed 30.04.2022).

Из истории иранского масонства в шутку и всерьез (поэма)

From the History of Iranian Freemasonry Seriously and in Jest: A Poem

© 2022 **Завен Артемович Арабаджян**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
arabzava@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5743-2002

Zaven A. Arabadzhyan

PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
arabzava@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5743-2002

Автор предлагаемого вниманию читателя произведения активно исследует проблематику иранской истории XIX–XX веков, изучая в том числе проблемный спектр, связанный с иранским масонством, о котором выпустил ряд монографий (см. в списке литературы). На определенной стадии погружения в тему наряду с научными произведениями автор начал перелагать отдельные исторические эпизоды и оценки событий на поэтический лад. Некоторые из них уже были опубликованы в журнале Вестник Института Востоковедения РАН, в качестве своего рода эпиграфов или эпиграмм к научным статьям. Небольшая поэма «Из истории иранского масонства в шутку и всерьез», публикуемая ныне, освещает часть 200-летней истории иранского масонства и в шутливой форме показывает нелегкий путь Ирана по пути модернизации и болезненный переход от традиционного общества к обществу эпохи модерн. Этот процесс сопровождался как рассуждениями представителей местной элиты в масонских ложах и обществах в XIX веке, так и активными действиями в период кровавых расправ во время Конституционной революции 1905–1911 гг., когда иранские масоны становились и жертвами, и палачами одновременно. Примечательно, что все исторические события, описываемые в поэме, действительно имели место — ни одно из них не является плодом фантазии сочинителя.

Ключевые слова: Иран, масонство, Амир Кябир, Мальком-хан, Конституционная революция в Иране

Для цитирования: Арабаджян З. А. Из истории иранского масонства в шутку и всерьез (поэма). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 44–53.

The author offering this work to the reader's attention is actively working on the problems of Iranian history of the 19th-20th centuries, incl. studying the problems associated with Iranian Freemasonry. He has published several monographs on this topic (see the Literature section). And once, along with scientific works, he began to shift individual historical episodes and assessments of events in a poetic way. Some of them have already been published in the Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, as a kind of epigraphs or epigrams to scientific articles. A short poem "From the history of Iranian Freemasonry (in jest and earnest)", published now, covers a part of the 200-year history of Iranian Freemasonry, and in a joking form shows the difficult path of Iran along the path of modernization and the painful transition from traditional to modern society. This process was accompanied both by the reasoning of representatives of the local elite in Masonic lodges and societies in the 19th century and by active actions during the period of bloody massacres during the Constitutional Revolution of 1905–1911 when Iranian Masons became both victims and executioners at the same time. It is noteworthy that all the historical events described in the poem indeed took place and none of them is a figment of the author's imagination.

Keywords: Iran, Freemasonry, Amir Kabir, Malkom Khan, Constitutional Revolution in Iran

For citation: Arabadzhyan Zaven A. From the History of Iranian Freemasonry Seriously and in Jest: A Poem. *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 44-53.

Илл. 1. **Портрет Мирзы Таги-хана Ферехани Амир Кябира — иранского канцлера (садр-е азам) в 1847–1851 гг.**
По: URL: https://www.wikiwand.com/de/Amir_Kabir (accessed 13.06.22)
Portrait of Mirza Taghi Khan-e Farahani Amir Kabir, Iranian Chancellor (Sadr-e-aa'zam) in 1847–1851
Source: URL: https://www.wikiwand.com/de/Amir_Kabir (accessed 13.06.22)

Илл. 2 a, b. **Мирза Мальком-хан в 1858 г. основал Фарамушхане — первую масонскую ложу в Иране Он является отцом иранского либерализма.** © Архив автора
По: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мирза_Мальком-хан (accessed 13.06.22)
In 1858, Mirza Malkam Khan founded the first Masonic Lodge in Iran called Faramushhane He is considered the father of Iranian liberalism. © Author's archive
Source: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мирза_Мальком-хан (accessed 13.06.22)

Из истории иранского масонства (в шутку и всерьез)

Иран изрядно отставал:
Он опоздал на пышный бал,
Где три великие державы
Зело могучи, величавы
Делили мировой пирог.
Средь них он быть уже не мог.
Причин тому не можно счесть,
Но, ей же Богу, Ваша честь,
Куда ему в калашный ряд,
Имея старенький наряд:
Ни армии, ни ремесла,
Ни корабля и ни весла
Казна пуста, как барабан,
Есть лишь мулла, на нем тюрбан.
Есть очень много важных ханов,
Которые едят баранов,
И наслаждаются в гаремах,
Не беспокоясь о проблемах.
С таким правлением, увы,
Не удержать своей страны.
Один лишь реформатор был,
Но Насреддин его убил[1].

А звался он Амир Кябир,
Мужик серьезный, не жуир.
Хотел налоги собирать,
Модернизировать всю рать
И учредить гражданский суд
И добывать побольше руд,
Хотел он, как в Европе, школу,
Чтоб всякий, кто умен и молод,
Образованье получил
Да лучше родине служил.
Но после гибели Амира,
Уж не осталось здесь кумира.

1 Мирза Таги-хан Ферехани Амир Кябир был иранским канцлером (садр-е азам) в 1847–1851 гг. Начал проведение комплексных реформ, но вскоре впал в немилость в связи с подозрением Насер эд-Дин-шаха в желании узурпировать престол. Был отправлен в отставку и по приказу шаха умерщвлен в январе 1852 г. (*Илл. 1*).

Считай почти чрез десять лет,
Когда истлел его скелет,
В Иране появился новый,
Он для масонов стал основой.
Известный ныне Мальком-хан,
Что из Джульфинских был армян,
Собрал вокруг себя кружок,
Народа много приволок.
Он, обманувши шаха ловко,
Ну вот же бестия, плутовка!
Согласье быстро получа,
С Насер эд-Динова плеча,
Там Дом забвенья[2] учредил,

Сплотив в нем много разных сил.
От шахзаде[3] Джелал эд-Дина
И до врача простолюдина,
От тегеранского имама
До фармацевта из Илама.
Так новые совсем идеи
Распространяли прохиндеи.
Что можно, ограничив власть,
Самим навластвоваться всласть.
Про распрекрасные законы,
Слова доселе незнакомы.
Про разделение властей
Болтал он много, без затей.
Про главный, Основной закон
Пошел оттуда первый звон.
А маскировка хороша:
Тут и Хафезова свеча,
И опыт химии прекрасной,
Реакционерам, чтоб не ясно,
Чем занимаются они
В сей ложе, потушив огни.
Так долго длиться не могло
И вот однажды занесло
В ту ложу шахова шпиона,
А тот проведал — ложа она,
Ужасные творя дела,
Корону разорит дотла.
И дорогому суверену
Смутьяны могут взрезать вены.
Когда он это доложил,
Используя весь раж и пыл,
Насер эд-Дин пришел во гнев:
Арестовать смутьянов всех
Он приказал дворцовой страже
И шахзаде досталось даже.
И только матери слова,
Как доносила нам молва,
Его сумели убедить,
Не обрывая жизни нить,
Иных отправить далеко,
Чтоб там жилось им нелегко.
Других лишить домов, земли,
Чтоб взбунтоваться не могли.
И только хитрый армянин,
Оставшийся почти один,
В столице прожил года два.
А после шах сказал: «Пора»!
И направлял его послом,
Чтоб позабыл про отчий дом,
Чтоб был в Иране крайне редко.
И Турция, его соседка,
Малькома быстро приняла
И пропитание дала.
Затем ее сменил Каир,
Где тот штаны протер до дыр.
Потом в Европу он попал,
А там не жизнь, а карнавал.
Но масонерии идеи,
Что Мальком-хан с трудом посеял,
В Иране все же проросли.
И лишь зажгутся фонари,
Идут различные людишки,
В руках у них газеты, книжки
И обязательно «Канун»[4]

2 Масонская ложа, созданная Мальком-ханом (*Илл. 2 a, b*), называлась Фарамушхане, что в переводе означает «Дом забвения». Причина заключалась в том, что масоны хранили в секрете все события, происходившие в ложе, и на любые вопросы отвечали: «Я забыл» (*фарамуш кярдам*). Подробно о Фарамушхане см. [Арабаджян, 2019, с. 61-91; Algar, 1970, p. 279-283].

3 Шахзаде — сын правившего шаха.

4 «Канун» — издававшаяся в Лондоне Мальком-ханом газета либерального толка, полуподпольно ввозившаяся в Иран (*Илл. 3*).

(صفحهٔ ۱) قانون نمرهٔ (۲)

کتیبه

قانون

پرنس میرزا ملکم خان ناظم الدوله

هفته یك نمره طبع و توزیع میشود

قیمت یك نسخه دوعباسی

قیمت اشتراك سالیانه
درطهران ۲۰ قران
سایر ولایات داخله ۲۵
خارجه ۳۰

اتفاق عدالت ترقی

محل صدور این جریده در دفتر خانه کمپانی انطباعات شرقی در کوچهٔ لومبارد نمرهٔ ۳۸ در لندن

محل توزیع در طهران وتبریز کتابخانه تربیت

بنا بر این آن وجود های قابل که در ایران حاضر خدمت ملت هستند دیگر حق نخواهند داشت که بگویند هنر های ما مشتری ندارند . ما خودمان این جریده را مشتری نقد هستیم . هر فضل وهنری که دارید به پول وبه قیمت عالی خواهیم خرید .

بدیهی است که در اینجا مراد ما از فضل وهنر آن هنر هاست که بقوت عمل وبقدرت قلم بتوان درخدمت ملت ظاهر ساخت .

سبق قدرت قلم را هنوز اهل ایران درست ملتفت نشده اند زیرا که درجهٔ قدرت قلم بسته بدرجهٔ آزادی قلم است .

در هر دولتی که مردم ماذون هستند افکار حسنهٔ خودرا بطرزهای حسنه بیان نمایند قلم فضلا بهترین مشعل ترقی است

جمیع وزرای نامی فرنگستان اشخاصی هستند که هنر وشرافت خودرا بزور قلم بروز داده اند .

جمیع تنظیمات و ترقیات دنیا و کل نعمات استقلال و شوکت ملل حاصل قدرت قلم است . اما کدام قلم ، قلمی که بحکم قانون مختار حرف باشد .

از آزادی قلم در اینجا چند فقره نمونهٔ ضعیف میاوریم

مامورین خارجه از ایران خواه محرمانه خواه آشکار در تحریرات خود این مضامین را دایم شرح میدهند که مردم ایران وبخصوص اهل نظام از وضع حالیه دولت خود بحدی بیزار و متنفر هستند که در مقابل هیچ دشمن خارجه یك تیر خالی نخواهند کرد بلکه هرلشکری که از خارج بیاید به میل و بتشکر باستقبال خواهند آمد .

یکی از سرتیپهای ما که سر پر شور و دل پر خون دارد مضامین فوق را شنیده اینطور مینویسد .

والله مامورین خارجه درست فهمیده اند . لشکر ایران چرا بجنگد و از برای چه بجنگد .

روح لشکر در ناموس شخصی و در غیرت دولتخواهی است و دولت ما بر خود ختم کرده است که لفظ ناموس را در زبان فارسی منسوخ بکند .

کدام خواری کدام پستی است که بر آحاد لشکر و بر عموم نوکرهای دولت وارد نیاورده باشند .

مواجب و جیره و مستمری نمیرسانند سهل است به بیند مناصب و حقوق و شأن نظامی را در چه نوع رذالتها و تا بچه درجه آلت سخریه دنیا ساخته اند .

ما اهل ایران یقین صاحب غیرت هستیم و یقین

Илл. 3. **Номер газеты либерального толка «Канун», выпускавшейся Малькомом-ханом в Лондоне и контрабандой ввозившейся в Иран**
По: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Qanun_(newspaper)#/media/File:Qanun_newspaper.jpg (accessed 13.06.22)
An iossue of the liberal newspaper "Qanun" published by Malkam Khan in London and smuggled into Iran
Source: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Qanun_(newspaper)#/media/File:Qanun_newspaper.jpg (accessed 13.06.22)

Илл. 4, 5. **Члены масонской Ложи Пробуждения Ирана, расположившиеся в виде пирамиды и усеченной пирамиды – традиционных масонских символов.** © Архив автора
Members of the masonic Iranian Awakening Lodge, arranged in the form of a pyramid and a truncated pyramid — traditional masonic symbols. © Author's archive

Читают до последних лун.
Броженье в сферах началось,
Мол, время шахов кончилось,
Давай нам Основной закон
Иль убирайся быстро вон[5]!

Был не в отца тогдашний шах,
Воскликнул в ужасе он: «Вах!»
Поупирался для порядка,
А после быстро, без оглядки
Им подарил Мелли Меджлис,
Чем только раззадорил крыс,
Которые в масонской ложе
Сказали: «Это нам негоже,
Нам конституцию давай,
Чтоб был в руках у нас весь край».

Так затравили старика,
Придя к нему издалека,
И из придворных из кругов,
Что бедный был на все готов.
И умирая, Музаффар
Под взором глаз, что ярче фар,
Все ж ту бумагу подписал,
В предсмертный удалившись зал[6].
А те канальи и злодеи,
Придумав новые затеи,
Вдруг возжелали «Дополнений»[7],
На чем стояли без сомнений.
Молодой же падишах
Тот за совесть, не за страх
Управлял своей страной,
А ему кричат: «Долой»!
Но новый шах не промах —
Сухим хранил свой порох.
И вот однажды в ясный день
За кавалькадой, словно тень,
Крались федаи[8] с бомбой
Рассчитывая по лбу
Попасть монарху своему,
И тем пустить его ко дну.
Но все же не сложилось,

5 [Раен, 1357, с. 147].

6 Умирающий Мозаффар эд-Дин-шах подписал конституцию [текст конституции см. Brown, 1910, p. 361-371] за несколько дней до смерти под давлением либералов, большая часть которых являлась масонами, под угрозой загробных мук, если он этого не сделает, со стороны представителей духовенства, по своим мотивам поддерживавших ограничение шахской власти [Арабаджян, 2020, с. 21].

7 Имеются в виду Дополнения к конституции [Brown, 1910, p. 372-384], которые ослабляли власть шаха даже больше, чем сама конституция.

8 Покушение федаев (боевиков, сторонников Конституционной революции) состоялось 28 февраля 1908 г. [Арабаджян, 2021, с. 54-57].

Илл. 6. **Иранские масоны на выставке картин Мохаммеда Гафари Кемаль уль-Молька** (третий справа в первом ряду), **придворного художника династии Каджаров, основателя новой школы живописи и члена Ложи Пробуждения Ирана.** Обращает на себя внимание большая картина в центре, написанная на библейский сюжет. Не исключено, что это копия, или подражание европейской живописи на указанную тематику, выполненная самим Кемаль уль-Мольком. © Архив автора

Iranian freemasons at an exhibition of paintings by Mohammad Ghaffari Kamal-ol-Molk (Third from right in the front row), **court painter of the Qajar dynasty, founder of a New School of Painting and member of the Iranian Awakening Lodge.** Of particular note is the large painting in the center, on a Biblical subject. It is possible that it is a copy or imitation of a European painting on the above subject executed by Kamal-ol-Molk himself. © Author's archive

Скажите-ка на милость!
Ведь не в автомобиле
Сидел монарх наш милый.
Он восседал в коляске
И слушал байки, сказки,
А рядом сам Шапшал[9]
На лошади скакал.
Поэтому две бомбы,
Взорвавшись очень громко,
Водителя убили
Да крылья повредили,
А также десять лучших слуг
Перепугалися не вдруг.
Разгневан страшно падишах,
Его съедает гнев и страх:
Да что ж это творится
В моей родной столице!
Но добрые шпионы
С далека Альбиона:
«Вам, — говорят, — бы сдаться,
К масонам бы поддаться
И стали бы тогда

9 С. М. Шапшал — выпускник восточного факультета Петербургского университета. Служил в качестве учителя Мохаммед Али-шаха (*Илл. 7*) еще в его бытность наследником престола, пользовался его доверием. Даже заняв престол, Али-шах попросил Шапшала остаться при нем и присвоил ему чин генерал-адъютанта.

Любимы навсегда».
А русский же Извольский
Министр родом польский,
Масон французской ложи[10]
Поддакивает тоже.
Но Магомед-Али падшах (*Илл. 7*),
Лапши не любит на ушах,
Сказал своим казакам:
«Не пятьтесь вы, как раки,
И дайте нахлобучку,
Перестреляйте лучше
Проклятых инсургентов.
Да действуйте ургентно»!

И тут полковник Ляхов
(Из русских, не из ляхов)
Велел ребятам лучшим
Пяток поставить пушек
И по прямой наводке
После стакана водки
Обстреливать Меджлис,
Чтобы враги сдались.
Была победа полной.
И начались тут волны
Судов и трибуналов
По цвету очень алых.
Народных депутатов,
Масонов бородатых
На площадях и в парках
(А было их не жалко)
Казнили от души
В столице и в глуши.
Но все же, как бывает,
Ничто не забывают.
И ровно год спустя,
Счастливы, как дитя,
И с севера, и с юга,
Кивая друг на друга,
К столице две орды[11],
Собой очень горды,
Приходят из-за гор
Судьбе наперекор.
Одеты и обуты
На англичанки фунты,
При помощи английской
Подходят совсем близко
И город взять хотят
При помощи гранат.
Но власти перемены
Не будет без измены,
И бахтиарский хан
К переговорам зван[12].
Он, получив пять тысяч,
(Его кнутом бы высечь)
Фронт покидает в ночь,
Чтобы врагу помочь.
Зайдя в Техран, как воры,
Они, забив все поры,
Казармы осадили,
По казакам открыли
Убийственный огонь:
Попробуй только тронь!
Сардар Аршад бесстрашный
В папахе из барашка
Ведет отряд в Меджлис,
Чтоб раздавить там крыс.
Но счастье изменило,
Ведь перевес был силы
На стороне другой.
И над большой ордой
Античная богиня,
Крыла свои раскинув,
Подыгрывала им
Сквозь шум пальбы и дым.
Итог боев был скверный:
Повержен воин верный,

10 А. П. Извольский — министр иностранных дел России, либерал, англофил, впоследствии член ложи Великого Востока Франции, возможно, в то время еще не состоял в числе членов этой ложи: скорее всего, он вступил в нее после отставки с должности министра в 1910 г. и назначения послом России в Париже.

11 С севера на Тегеран наступали отряды революционеров под командованием Сепахдара Азама Тонекабуни, а с юга — отряды племени бахтиар во главе с Сарда Асадом Бахтиари.

12 Отряд бахтиар, стоявших на стороне шаха, возглавлял бахтиарский хан Эмир Мофаххам, получивший 5000 фунтов и ночью открывший дорогу в Тегеран, что позволило конституционалистам без боя занять столицу [Арабаджян, 2021, с. 126].

Илл. 7. **Мохаммед Али-шах – последний самовластный монарх из династии Каджаров**
По: URL: https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/385945 (accessed 13.06.22)
Mohammad Ali Shah, the last autocratic monarch of the Qajar dynasty
Source: URL: https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/385945 (accessed 13.06.22)

Илл. 8. **Малолетний Солтан Ахмед-шах был посажен на престол после свержения отца и оказался последним шахиншахом из династии Каджаров**
© Архив автора
The young Ahmad Shah Qajar was put on the throne after the overthrow of his father and was the last Shah of the Qajar dynasty. © Author's archive

И падишах могучий
Теперь чернее тучи
Со всей семьею сразу,
Не выстрелив ни разу,
Теряет свой престол.
Кто ж на него взошел?
Масоны были хитры.
На утро после битвы
Они пошли на принцип —
Мальчоночку-кронпринца
В монархи возвели
Иранской всей земли.
Такой монарх им люб,
Пуглив чтоб был, не груб,
Чтоб то, что написали
Ему масоны сами,
Покорно бы читал,
Годами если мал (*Илл. 8*).

И снова казни начались,
Теперь уж за других взялись.
Среди казненных шейх Нури[13],

13 [Арабаджян, 2021, с. 132]

Повешен быстро, до зари.
А между казнями банкеты,
Там речи кровью подогреты.
Какой же здесь урок
Извлечен быть бы мог?
Пока масоны слабы,
Их голос очень сладок,
Но как нальются силой,
Ты будешь им не милый.
И очень, очень быстро
Придут к тебе артисты
И под предлогом добрым
Отправишься в дорогу
Безвластья и упадка,
Где жить совсем несладко.
Они же порезвятся
И враз обогатятся.
И именем свободы
Разрушат все заводы,
Народы разорят,
Устроив сущий ад.
Ты берегись масона,
Какого бы фасона
Он ни имел костюм,
Был весел иль угрюм.
Отсюда, друг мой милый,
Ты наберись-ка силы
И сделай вывод ясный,
Что скверно, что прекрасно.
Живи своим умом,
Чтоб не грустить потом.

Список литературы / References

Арабаджян З. А. *Иранское масонство и его роль в социально-экономическом развитии страны (от истоков по начало XX века)*. М.: КМК, 2019. — 169 с. [Arabadzhyan Z. A. *Iranian Freemasonry and Its Role in the Socio-Economic Development of the Country (From the Origins to the Feginning of the Twentieth Century)*. Moscow: KMK, 2019. — 169 p. (in Russian)].

Арабаджян З. А. *История иранского масонства в XX веке.* М.: КМК., 2020. — 172 с. [Arabadzhyan Z. A. *History of Iranian Freemasonry in the 20th century.* Moscow: KMK, 2020. — 172 p. (in Russian)].

Арабаджян З. А. *Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. — 239 с. [Arabadzhyan Z. A. *The Unknown Pages of Iran's 1905–1911 Constitutional Revolution.* Moscow: Dmitry Pozharsky University Publishing House, 2021. — 239 p. (in Russian)].

Раен Э. *Фарамушхане ва фарамасонери дар Иран* (Фарамушхане и иранское масонство). Т. 1. 714 с. Т. 2. 755 с. Тегеран: Амир Кябир, 1357. [Ryan E. *Faramushhane and Freemasonry in Iran*. Vol. 1. 714 p. Vol. 2. 755 p. Tehran: Amir Kabir, 1357. (in Persian)].

Algar H. An Introduction to the History of Freemasonry in Iran, Source. *Middle Eastern Studies.* 1970. Vol. 6. No. 3. Pp. 276-296.

Brown E. *The Persian Revolution of 1905–1909*. London: Cambridge University Press, 1910. 470 p.

DOI: 10.18254/S268684310021361-5

Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении Часть II[1]

Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies Part II

© 2022 **Станислав Владимирович Михайлов**

BA (экономика) университета Торонто, Канада
преподаватель Московского государственного Института международных отношений (МГИМО Университет), Москва, Россия; func@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-2830-2687

Stanislav V. Mikhailov

BA (Econ), University of Toronto, Canada; Lecturer of the Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia; func@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-2830-2687

Вторая[1] часть интервью[2] с историком-китаеведом, искусствоведом, журналистом и писателем Динарой Викторовной Дубровской, главным редактором журнала «Восточный курьер», в 2022-м году возглавившей Отдел искусства и материальной культуры Института востоковедения РАН. В беседе поднимаются ключевые вопросы, связанные с саморепрезентацией и самоосознанием китайской цивилизации, вопросы взаимодействия Срединного государства с непосредственными соседями и с миром в исторической ретроспективе и в современности. Автор и интервьюер разбираются в причинах того, почему китайские империи не интересовались распространением своих учений за рубежи Поднебесной и в самом понятии

1 Первую часть интервью читайте в предыдущем выпуске «ВК»: [Михайлов, 2021].

2 Редакция искренне благодарит выпускниц Восточного факультета ГАУГН Анну Александровну Осмоловскую и Дарью Витальевну Ситникову за расшифровку интервью.

«рубежей» в понимании традиционных китайцев. Речь идет о самодостаточности китайской культуры — истинной и предполагаемой, о концепции «пожирания шелковичного листа», проводятся сравнения понимания контактных зон древнекитайской и древнеегипетского государств.

Ключевые слова: история востоковедения, Институт стран Азии и Африки, МГУ, Институт востоковедения РАН, история науки, устная история, интервью, ориентализм, оксидентализм

Для цитирования: Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении. Часть II. 2022. № 1. *Восточный курьер / Oriental Courier*. С. 54–62. DOI 10.18254/S268684310021361-5

This is the second part of an interview with a Sinologist, art historian, journalist and writer Dr Dinara V. Dubrovskaya, editor-in-chief of the Vostochnyi Courier (Oriental Courier) magazine, who in 2022 headed the Department of Art and Material Culture of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The conversation raises key issues related to the self-representation and self-awareness of Chinese civilization, the issues of interaction of the Middle Kingdom with its immediate neighbors and with the world in general in historical retrospective and in modern times. The author and the interviewer look into the reasons why the Chinese empires were not interested in spreading their teachings beyond the borders of the Celestial Empire and in the very concept of 'frontiers' in the understanding of the traditional Chinese. We are talking about the self-sufficiency of Chinese culture — true as well as supposed, about the concept of 'devouring a mulberry leaf', comparing the understanding of the contact zones of the ancient Chinese and ancient Egyptian states.

Keywords: History of Oriental studies, Institute of Asian and African Countries, Moscow State University, Institute of Oriental Studies (RAS), history of science, Oral history, Interview, Orientalism, Occidentalism

Для цитирования: Mikhailov Stanislav V. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies. Part II. 2022. No. 1. *Oriental Courier*. Pp. 54–62. DOI 10.18254/S268684310021361-5

— С. М.: Мы немного поговорили о прошлом (см.: [Михайлов, 2021]), о том, как воспринимались и воспринимаются востоковедные институты, об элитарно-эгалитарных аспектах этого восприятия, о некоторых ключевых фигурах и о великих людях. Все эти темы можно продолжать, углублять: то, что вы сказали про М. Ф. Юрьева, например, совершенно душераздирающе. И в целом хочется вернуть к жизни людей, которых общественные катаклизмы выбросили за борт, хотя бы post mortem. Мы начали разговаривать о поистине бездонной теме оксидентализма и ориентализма, начавшегося с Эдварда Саида, которого вы упомянули…

— Д. Д.: … в контексте особо острого отношения к тому, какой метод используется *ориенталистами* для изучения Востока.

— С. М.: Вы очень живо и понятно описали великие восточные цивилизации, но я предлагаю в первую очередь все-таки сфокусироваться на Китае. Понятно, конечно, что востоковедение — это все, что не «западноведение»... Хотя африканистика же, наверное, не входит в востоковедение?

— Д. Д.: Востоковедение и африканистика — это братья. Или сестры.

— С. М.: Мы понимаем, что Китай осознает себя в роли планетарного столпа, непрерывной цивилизацией длиной 5–6 тысяч лет. При этом он же представляет собой и источник большого количества повседневных для Запада вещей, во многом его «кормушку», и это, наверное, не всегда хорошо для самого Китая. Понятно, что не до такой степени, как во времена Опиумных

войн… и все же всем знакомы образы детей, работающих на заводах по сборке айфонов, и прочие символы эксплуатации дешевого труда. Относятся ли китайцы к такому положению вещей как к какому-то временному злу? Или их вообще не волнует, что условно бедный Китай (а он объективно беден по сравнению с Западом) обслуживает интересы богатого Запада, и отношение скорее прагматичное?

— Д. Д.: Китай, насколько понимаю, счастлив (а вернее — спокоен). Для китайцев иметь работу — добро, а не зло: так всегда было, и на том стоит китайская земля — на том, что людской ресурс присутствует во множестве и все эти люди работают, просто в разных сферах. И если ты выучился (а конфуцианское общество основано на абсолютной ценности обучения), доказал на экзаменах свою компетентность и тебя правящий аппарат подтянул в этот самый правящий аппарат, — молодец, хорошо. Не выучился — что ж, работаешь на семью, на старших родственников, на то же самое государство. То есть китайская конфуцианская цивилизация не видит ничего плохого в том факте, что все жители Поднебесной работают. То, что они при этом производят хорошо продающиеся товары, тоже прекрасно и тоже входит в китайскую онтологическую концепцию.

— С. М.: Вы упомянули африканистику и востоковедение. Известно, что Китай весьма активно осваивает Африку (как, впрочем, и весь мир — благодаря новообретенному богатству). Ведутся ли какие-нибудь исследования в институте на эти темы, какие-то дисциплины на стыке возникают? Ведь это относительно новый феномен.

— Д. Д.: Насколько мне известно, профильных углубленных исследований именно в этой зоне пересечения в нашем институте прицельно не ведется (если мы говорим о современности, а не о временах Чжэн Хэ[3]), но оговорюсь, что это не вполне моя тема. Вы справедливо отмечаете, что Китай благодаря высокой платежеспособности успешно проецирует свою «мягкую силу» по всему миру; у них, по большому счету, есть планы сотрудничества со всеми. Просто они воспитаны уже упомянутой конфуцианской идеологией и практически всегда предпочтут средний путь, а потому и немного иначе выстраивают эти отношения, понимая, что условная инвестиционная колонизация в долгосрочной перспективе куда эффективней. Наша западная ментальность, насколько мне представляется, более дихотомическая, более черно-белая.

— С. М.: Это очень интересно. Понимаю, что сейчас безнадежно упрощаю, но тем не менее: Запад устанавливал и устанавливает колониальные и постколониальные отношения в значительной степени силой. То есть и сами колонизационные процессы, естественно, сопровождались большим насилием, но и сейчас, когда прямой колониальной динамики уже нет, либо она уже устоялась и симбиотические отношения установились, китайская колонизация носит строго экономический характер. Они не вводят ни к кому войска, не посылают никуда дроны.

— Д. Д.: Да, это скорее подсаживание на эдакую финансовую иглу.

— С. М.: Если предположить, что мы действительно установили такой тренд, для всего человечества в принципе, на ваш взгляд, это скорее хорошо или плохо? Иными словами, если опираться на ваше знание того, как исторически функционирует китайская государственность, могли бы они стать общей объединяющей силой? Или все же это маловероятно, и они будут в первую очередь заботиться о своих интересах?

— Д. Д.: Однозначно о своих. Но вопрос общечеловеческой ценности Китая как глобального лидера очень сложен. Так сложилось исторически, что китайцы, как мы только что проговорили, любят и умеют трудиться и способны сделать все. И способны не только благодаря мобилизации огромных, не имеющих аналогов трудовых ресурсов, но и потому что они очень

3 См. о плаваниях китайского адмирала Чжэн Хэ материал Д. В. Дубровской в этом же номере [Дубровская, 2022] и [Дубровская, 2008. № 8. С. 148–158].

талантливый народ — достаточно посмотреть в интернете, как они делают рисовую бумагу, режут арбузы или складывают пододеяльники.

— С. М.: Неспроста же есть выражение “whatever you do, there’s an Asian who does it better”.

— Д. Д.: Абсолютно верно. Так вот, это талантливейшие люди, которым человечество *уже* обязано массой технических, экономических и культурных прорывов. Другой вопрос, что какие-то из них известны каждому, вроде так называемых «четырех великих изобретений» (компаса, пороха, бумаги и книгопечатания), о которых писал Джозеф Нидем [Needham, 1954], а какие-то не известны вовсе, вроде великой хроники Сыма Цяня «Ши цзи» [Сыма Цянь, 1972–2010]. Но это все делалось и делается, естественно, для себя, потому что есть Поднебесная, а все остальное — постольку поскольку. Продается — хорошо; если для того, чтобы продавалось, надо как-то обеспечить это договорами, подстроиться под внешние системы — тоже пожалуйста. Но в целом для исконно китайской цивилизации глубокая заинтересованность в чужих землях никогда не была характерна.

— С. М.: А в культурах?

— Д. Д.: Это многовекторный вопрос, и, пожалуй, все не так однозначно, как хотелось бы видеть самим китайцам (и конфуцианцам). Конечно, это самодостаточная цивилизация, которой, чтобы развиваться, по большому счету вроде бы ничего ни от кого не нужно. Но при этом наивно отрицать, что она в течение значительной части своей истории постоянно получала и идейные, и художественные, и материальные, и языковые, и этнические вливания, приходившие и через Великий шелковый путь, и через Великую степь, и через контакты с южными народами. Китайцы не любят это отмечать, потому что, во-первых, пищеварительная «соляная кислота» этого мощного организма переваривала и ассимилировала всё, и оставалась в итоге Поднебесная; а во-вторых, такой взгляд на вещи подрывает веру в тотальность упомянутой самодостаточности. А между тем на протяжении истории этот культурный осмос практически никогда не прекращался и зачастую усиливался. Например, контакты с Великой степью для Китая — вообще цивилизационно формирующий аспект. Не только Стена, но и вообще вся идея централизации, идея структуризации государства во многом возникла (здесь я сошлюсь еще на одного прекрасного ученого, с которым работаю, — Алексея Леонидовича Рябинина, который занимается этим [Рябинин, 2021]) как *ответ* на постоянную угрозу с севера. Север для китайцев — некое проклятие: у них все хорошее располагается на юге. На юге хороший климат, на юге был культивирован рис. А с севера как раз вечно приходили варвары, разрушали, грабили и так далее. (Почему основная историческая столица оказалась на севере, хотя имелась столица и на юге, — вопрос отдельный.) И вот Китай прекрасно жил бы и горя не знал, но возникают нужды, не удовлетворяемые всецело внутренними ресурсами страны. Скажем, с плодородными землями всегда были проблемы, и нехватка даже не плодородных, а в принципе пахотных земель — также один из регулирующих факторов развития китайской цивилизации. Все анекдоты про распаханную землю между рельсами — это не шутки, это всерьез… Я уже неоднократно делилась впечатлением о путешествии по Транссибу в Китай, когда ты едешь через бесконечные тысячи километров нашей Сибири, переезжаешь границу в Китай, и то, что только что было безжизненной пустыней, встает колосящимся гаоляном. Земли Китаю всегда не хватало, и вот по такой исторически, наверное, не очень оригинальной причине (а также и по многим другим причинам) они периодически «выплескивались». Бывало, как и на любых других территориях в мировой истории, и обратное: кто-нибудь на них наседал, — скажем, Тюркские каганаты — их надо было удерживать; или захотелось в эпоху Хань верховых лошадей из района современной Ферганы… Впрочем, установить, что именно послужило настоящей причиной экспансии, всегда довольно тяжело — причиной походов ханьского императора У-ди

стали те самые лошади в той же степени, в какой Первая Мировая началась из-за убийства герцога Фердинанда; основными были все же мотивы противостояния кочевой периферии (сюнну, по популярному мнению — будущим гуннам). Возвращаясь к вашему вопросу, я бы подытожила так: хотя культурно это самодостаточная цивилизация, самодостаточность эта достигалась и впитыванием нередких и часто обильных культурных вливаний. Так, готовность Китая к военным конфликтам и великолепная традиция организации армии и использования оружия очень серьезно выиграли как раз от близости кочевой периферии: оттуда пришла культура всадничества, техника и мастерство великолепных китайских лучников, позже технология осадных машин и прочее.

— С. М.: Мы говорили о том, насколько Китай с учетом традиций герметичной государственности мог бы стать объединяющей цивилизационной силой. Вы разъясняете, что в первую очередь все, что они делают, направлено на защиту и продвижение собственных интересов, а какими-то наднациональными соображениями они руководствуются в значительно меньшей степени. И есть собирательный Запад, с одной стороны, — с ООН, выросшей из Лиги Наций, и некими едиными цивилизационными гуманистическими ценностями; а с другой стороны есть Китай, который, несмотря на все мировые институты, в которых так же состоит, в первую очередь самодостаточен. Будет ли справедливо сказать, что они сами определяют для себя аналогичные ценности? Или они уже их связанно сформулировали и живут в соответствии с ними?

— Д. Д.: Да, вполне справедливо. Более того, сравнение этих ценностей вопреки расхожему представлению может быть не в пользу Запада. Если мы возьмем античное наследие, которое лежит в основе нашей философии, упоминавшихся вами гуманистических ценностей и пр., то у нас всегда была культура героев, неотвязно связанная с культурой жертвенности. И в Китае тоже, конечно же, есть герои — описанные в «Троецарствии», например, или уже в коммунистических «Бай мао ню» всевозможные «седовласые девушки» (白毛女) — которые жертвовали собой, совершая патриотические подвиги. Но по большому счету в китайской онтологии самая большая ценность — это жизнь, причем каждого конкретного человека, будь ты крестьянин или сановник; достойное существование в этом мире и после смерти. (У них не было, кстати, как таковой традиции трупосожжения, что тоже о многом говорит.) Ты должен сохранять как можно дольше гибкость членов: жизнь — это здоровье. Потому-то наш романтический (но многажды воплощавшийся на практике) идеал чахоточного героя, которому приличествует красиво погибнуть молодым, как и в целом вся эта танатофильская эстетика, китайцам не близки, а глубоко укоренены, наоборот, уважение к длинной жизни, к старости, безусловное почитание старших. Но, с другой стороны, в отличие от Запада, для Китая абсолютно нехарактерен просветительский дух, и потому ценности эти были в Китае до относительно недавнего времени инкапсулированы. Китай с древности был светочем, — я всегда его сравниваю с Римской империей, всему *Pax Romana* принесшей просвещение, вплоть до Иудеи, Британии и Испании распространившей систему дорог, счет, медицину… — но китайцы ни миссионеров, ни легионов, перед которыми военные строители выкладывали дороги, ни к кому не посылали. Вместо этого они придумали данническую систему: приехал некто из Японии, например, к китайскому двору и принес дань (то есть подарки). А китайцы одарили ответными подарками, которые обычно эту дань превышали по ценности. И в этой завуалированной форме международной торговли передали, помимо подарков, еще и знание своего календаря, иероглифики, предоставили в пользование элементы повседневной культуры. Это отнюдь не означает, что китайские эмиссары ездили по свету и говорили: «Значит, так: будете теперь жить по Конфуцию». Нет, они совершенно этим не были озабочены. Да и до сих пор, если посмотреть на динамику

как в быту, так и даже в научных сообществах, у меня не складывается ощущения, что китайцы ощущают некий священный цивилизационный долг поделиться с миром своим опытом в области, допустим, той же самой китайской онтологии (это не касается, конечно, более универсальных вещей вроде математики, физики и т. п.). Более того, они прекрасно понимают, что никто не сможет это знание абсорбировать на адекватном уровне. Прекрасные старые фильмы с Жан-Клодом Ван Даммом, если помните их, очень верно отражают истинное положение вещей: существует базовое недоверие к белому (западному) человеку, по факту своего рождения и культурной принадлежности не способному понять не только древние философские системы, но даже проистекающие из них физические практики. Могу подтвердить как человек, недолгое время практиковавший ушу и «гонявший облака»: протечения энергии *ци* через вселенную и через себя я, увы, не почувствовала… В лучшем случае этот западный человек воспринимает внешнюю сторону, и, хотя есть люди, которые ее чувствуют хорошо и продвигают это знание на Запад, это все же единицы, уникумы; в целом же даже и в таких исключительных случаях, на мой взгляд, это проникновение в многотысячелетнюю культуру на уровне «Шантарама»[4].

— С. М.: Мне кажется, это вопрос включенности в эту культуру сызмальства, как вы и говорите.

— Д. Д.: Да, именно включенности. И это касается не только того, о чем все мы наслышаны: ушу или взращивания здоровья через правильное питание. Это касается абсолютно всего, всех аспектов жизни… как сохранять, например, зубы здоровыми. Если пересказать советы китайцев, понимаешь, что при желании подобные практики повторить не столь сложно, но *понять* до конца толком невозможно — как и зачем надо правильно *щелкать перед сном зубами*, если можно просто их почистить «Колгейтом»? Для нас подобные советы звучат чрезвычайно странно: «Щелкать? Какими конкретно зубами? Как правильно? Почему?». Но им-то щелкать помогает; и такое встречается на каждом шагу. Поэтому и культуры миссионерства в Китае не возникло за очевидной для китайцев бессмысленностью этого предприятия. И когда монах Сюань Цзан отправлялся в Индию за буддийскими писаниями, он поехал просто потому, что ему нужно было *вернуть* истинные писания, а не чтоб хорошенько втолковать кому-то что-то про Китай и его систему мысли.

— С. М.: Да, путешествие Сюань Цзана совершенно четко описывается как путешествие *за* чем-то, чтобы привести это, а не кого-то чему-то научить и кому-то что-то показать.

— Д. Д.: Конечно. Точно так же и упоминавшиеся походы на Фергану за лошадьми (пусть даже и с параллельным решением вопросов с Великой степью) были сугубо прагматичны — выплеск на дальние рубежи делается зачем-то, решает конкретную задачу. Здесь приходит на ум мой любимый адмирал Чжэн Хэ, забытый и переоткрытый лидер «Семи путешествий», который добрался с удивительной конструкции грандиозными кораблями-сокровищницами до Африки (*Илл. 1*), о нем подробно писал великий китаист, работавший в нашем институте, Алексей Анатольевич Бокщанин (еще имя вам в копилку!) [Бокщанин, 1968]. Почему Чжэн Хэ воспринимается как исключение из правила? Потом что в начале эпохи Мин Китаю вдруг становится интересен внешний мир. Но ведь и Чжэн Хэ плавал не просто так. Он успешно выкрал зуб Будды, привез жирафов и прочие диковины. Да, с ним путешествовала огромная военная мощь, но он никого не собирался завоевывать, это было скорее гарантией безопасности. В остальном же он смотрел, как живут хуацяо (как мы сейчас называем китайцев в диаспоре), помогал им бороться против пиратов. Иными словами, это был такой интересный дипломатический выплеск с буддистским подтекстом, проекция мощи последней истинно-китайской

4 «Шантарам» (*Shantaram*) — нашумевший роман бежавшего из тюрьмы австралийского писателя Грегори Дэвида Робертса, достигшего Индии и, в меру своего понимания, проникшегося мудростью индийской цивилизации.

Илл. 1. **Корабль-сокровищница адмирала Чжэн Хэ** (реконструкция)
По: URL: https://www.thegamecrafter.com/games/admiral-zheng-he (accessed 16.06.2022)
Fig. 1. **Treasure Ship of Admiral Zheng He** (reconstruction)
See: URL: https://www.thegamecrafter.com/games/admiral-zheng-he (accessed 16.06.2022)

династии после завоевания Поднебесной монголами. Но и эта эпоха кончилась: Чжэн Хэ и его плавания забыли, как нечто никому не нужное, да чуть ли не позорное.

— С. М.: Это удивительная парадигма, подразумевающая, что народ существует в каких-то комфортных пределах. «Сейчас нам удобно в этом объеме, и мы будем находиться в этом объеме, потому что за ним что-то непонятное, и нам может быть плохо. А дальше, если будет желание, мы будем потихонечку распространяться».

— Д. Д.: Это и есть проявление той самой старинной китайской концепции «пожирания листа шелковичным червем». Недавно Максим Александрович Лебедев, наш блестящий египтолог, делал доклад о Древнем Египте. Я не стала приводить эту параллель в ходе его лекции, но внутреннее прыгала от возбуждения, потому что это очень похожая ситуация. Египтяне считали, что живут в раю: вокруг — пустыни, а в долине Нила — боги, которые дали им территорию, где можно сажать посевы, выращивать и жать злаки, можно нормально питаться, поклоняться тем же самым богам и так далее. А за пределами этой узкой полосы (или в случае с Китаем — этого петуха (*Илл. 2*), ведь Китай на карте напоминает эту птицу) все просто *не так*: с севера степи, на юге варвары, на западе бесконечные пустыни, на востоке — «пребесконечный океан».

— С. М.: Насколько помню, Максим в докладе сказал, что не совсем верно применительно к древнеегипетской культуре говорить о границах — правильнее о контактных зонах. Если мы принимаем, что такое мышление и мировосприятие более характерно для некой древней идеологии, то не удивительно, что оно могло сохраниться также и в Китае, эволюционировав через все катаклизмы и перипетии, прийти в современный мир и в современном мире быть уже не особенно понятным. Ведь современный мир — мир все же послевоенный, где порядок вещей во многом обусловлен сакральностью границ. И в эту концепцию Китай, наверное, встраивается ровно в той степени, в которой сам хочет.

— Д. Д.: И это восприятие, кажется, обусловлено простыми причинами. Во-первых, Китай (как и Египет, если взглянуть на карту) как минимум с двух сторон был четко ограничен: с севера — Великой Китайской стеной, с востока — морем, это понятные «естественные» границы,

Илл. 2. **По остроумному наблюдению, абрис Китая на карте напоминает петуха**
По: URL: https://geology.com/world/china-satellite-image.shtml (accessed 16.06.2022)
Fig. 2. **According to a witty observation, the outline of China on the map resembles a rooster**
See: URL: https://geology.com/world/china-satellite-image.shtml (accessed 16.06.2022)

где никаких контактов и упоминавшегося культурного осмоса не было. Меньше ясности было с югом и западом, но все же «пятно» было довольно четко очерчено. В Европе же всегда жили народы, которые, хотя и сравнительно быстро конституировались в раздельные владения-политии, до того располагались в провинциях Римской империи, где «плавильный котел» плавил и перемешивал их тысячелетиями. Одним из результатов этого, кстати, стали промежуточные спорные территории-«укрепрайоны» — марки, пошедшие в основном от Карла Великого: тоже

своего рода «контактные зоны», но скорее недружественные. Здесь взаимопроницаемости разных культур просто на порядок больше, чем в Китае, где ситуация совершенно иная: там всегда была четко сегрегированная *цивилизация*, а вокруг нее располагались некие текучие народы. Китайцы же недаром породили концепцию «варваров четырех стран света»: у них не было ощущения, что вокруг у кого-то есть структурированная государственность. Поэтому, естественно, концепция границ для них имеет исторически иное значение: они сами себе построили с севера каменную границу, чтобы защититься от кочевнических волн.

Завершение интервью читайте в следующем номере.

Список литературы / References

Бокщанин А. А. *Китай и страны Южных морей* в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968. — 217 с. [Bokschanin A. A. *China and the Countries of Southern Seas in 14th–16th Centuries*. Moscow: Nauka, 1968. — 217 p. (in Russian)].

Дубровская Д. В. Сокровищницы адмирала Чжэн Хэ. *Вокруг света.* 2008. № 8. С. 148–158 [Dubrovskaya D. V. Zheng He's Treasure Ships. *Vokrug Sveta.* 2008. No. 8. Pp. 148–158 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Naviget, Haec Summa Est, или Последний квест адмирала Чжэн Хэ. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 2. С. 78–98. [Dubrovskaya D. V. Naviget, Haec Summa Est, or the Last Quest of Admiral Zheng He. *Oriental Courier.* 2022. No. 2. Pp. 78–98. (in Russian)].

Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении. Часть I. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 39–57 [Mikhailov S. V. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies. Part I. *Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 39–57 (in Russian)].

Рябинин А. Л. Восток, Запад и всемирная история. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2021. № 3–4. С. 57–68 [Ryabinin A. L. The East, the West, and the World History. *Oriental Courier.* 2021. No. 3–4. Pp. 57–68 (in Russian)].

Сыма Цянь. *Исторические записки.* В 9 т. М.: Наука, Восточная литература, 1972–2010 [Sima Qian. *Records of the Grand Historian* (*Shi Ji*). In 9 vols. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1972–2010 (in Russian)].

Needham J. *Science and Civilisation in China*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. — 352 p.

DOI: 10.18254/S268684310021413-2

Inter-Arab Relations and Perspective of the Syrian Reconciliation: Historical and Political Dimensions

Межарабские отношения и перспектива сирийского примирения: исторический и политический аспекты

© 2022 **Владимир Муртузович Ахмедов**

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
shamyarabist@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

Vladimir M. Akhmedov

PhD (History), assistant professor, Senior Research Fellow
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow
shamyarabist@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

The article studies main developments in Inter-Arab relations and its eventual implications on the Syrian crisis. The author pays special attention to the historical preconditions of Arab's interaction in the 20th century, focusing on its actual political, ethnic, ideological, regional dimensions that formed security and political environment for the Syrian Reconciliation. The author studies current situation in Syria in view of abilities to peacefully resolve the conflict by political instruments rather than military options. Main attention is paid to Arab's politics towards Syrian conflict and its ability to emerge Damascus from political isolation and support Syrian reconciliation processes. Political steps and tendencies of major regional and international players in the Syrian crisis are analyzed with regards of some differences among Arab states. The author supposes and demonstrates that the further

developments depend on the way Arab states interact with Russia, Turkey, and Iran in the field of Syrian crisis to provide transformation of their previous agreements on the security system in Syria. The author believes that despite all the complexity of this crisis and specific of Inter-Arab relations peace in Syria is quite possible. A lot depends on political will and the readiness for mutual compromises between key internal and external actors in the Syrian crisis.

Keywords: Inter-Arab relations, Syrian Crisis, Egypt, Qatar, Turkey, Saudi Arabia, Iran, Russia, Middle East

For citation: Akhmedov Vladimir M. Inter-Arab Relations and Perspective of the Syrian Reconciliation: Historical and Political Dimensions. *Oriental Courier.* 2022. No. 1. Pp. 63–69. DOI: 10.18254/S268684310021413-2

В статье исследуются основные события, последствия и результаты многолетнего сирийского кризиса через призму межарабских отношений. Автор обращает особое внимание на исторические предпосылки развития межарабского сотрудничества. Особое внимание отводится актуальным политическим, этническим, идеологическим, региональным разногласиям в арабском сообществе с точки зрения перспектив сирийского урегулирования. Автор исследует перспективы урегулирования конфликта политическими, а не военными методами, стремясь принять во внимание новые тенденции в развитии кризиса в САР. Большое внимание уделяется политике и действиям основных региональных и международных игроков на поле сирийского конфликта, прежде всего арабских стран Ближнего Востока. Автор отмечает особую роль арабских государств в урегулировании кризиса в САР и дает оценку возможностям арабских стран вывести Дамаск из политической изоляции и способствовать процессу сирийского примирения. Автор считает, что, несмотря на всю сложность сирийского кризиса, мир в Сирии вполне возможен. Многое зависит от политической воли и готовности к взаимным компромиссам между ключевыми внутренними и внешними акторами в сирийском кризисе.

Ключевые слова: межарабские отношения, сирийский кризис, Египет, Катар, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Россия, Ближний Восток

Для цитирования: Ахмедов В. М. Межарабские отношения и перспектива сирийского примирения: исторический и политический аспекты. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 1. С. 63–69. DOI: 10.18254/S268684310021413-2

The protracted process of political settlement in Syria caused concern in the Arab World. Many Arab states became anxious about the very fact that the ongoing crisis in SAR strengthens positions of Iran, Turkey and Israel not only in Syria, but in all the region as well. In their view, the lack of political stability in Syria poses real threat to their internal stability. The current situation in Lebanon, Iraq and Yemen proves their awareness. Most Arab elites assume that it was a mistake to politically isolate Syria under the pretext of the events of March 2011 as well as to grant support to anti-Assad forces in the country. They believe that by this stance towards Syrian crisis Arabs facilitated the way for the leading world powers, Turkey, Iran and Israel, to fortify their positions in the Middle East. Meanwhile the above-mentioned Arab position has its own historical roots and precedents.

Historically in similar situations Arab countries pursued the same politic towards Egypt, Iraq, Lebanon and Yemen. These behavioral patterns rooted in the essence of inter-Arab relations. With regards of this fact, we believe it is logical to present a brief characteristic of crucial aspects of inter-Arab politics.

After World War II most Arab states acquired political independence. At that time Arab leaders sought to create a United Arab State to form a single Arab nation. Indeed, Arab governments have established several pan-Arab economic and political institutions. One of these organizations was the League of Arab States (LAS), established in March 1945. It was founded by Egypt, Iraq, Transjordan (since 1949 — Jordan), Saudi Arabia, Syria and Lebanon. Yemen joined the Arab League in May 1945. In fact, this task was inevitably unreachable due to grave historical, religious, ethnic, and political obstacles [Naumkin, 2015].

The very doctrine of United Arab State and single Arab nation, stretching from North Africa to the Persian Gulf, appeared only in the 20th century. Long before this, only the native inhabitants of some parts of Arabian Peninsula, Mesopotamia and Syria enjoyed the status of "full-fledged" Arabs. The population of Egypt, North Africa, Somalia, Mauritania and Djibouti were not considered as genuine Arabs in the full sense of this meaning. Given the heterogeneity of the processes of Arabization and Islamization in the new territories in Africa and the Middle East during the Arab conquests their population became ethnically mixed. There are some ethnic groups in Maghreb (Arab's North Africa), Egypt, and Lebanon who till nowadays do not identify themselves as Arabs. They prefer to adhere to ancient views and traditions, rather than Arabism and Islam. In North African states some Berber tribes still demand autonomy and seek for independence [Bruce, 2011].

Most Arab perceptions and view of outside word, crucial security and political issues were determined by their geography. Arabs' conceptions of national identity, their ideological doctrines formed their choice of friends and enemies. Moreover, internal ethnic and confessional factors that united population and formed society in different Arab states, their geopolitical localization influenced inter-Arab relations. Traditional rivalry between Egypt, Iraq and Syria for leadership in the Middle East to some extend is rooted in their history. Indeed, these countries were major cultural and political centers of the Arab world. Historically their capitals for centuries served as power centers in the region.

In the 7th century Damascus became the capital of the Umayyad Caliphate. Later, Baghdad served as residence for Abbasid Caliphs and Cairo became the capital of Fatimids (Shia) Dynasty. The glorious legacy of ancient times forced claims for leadership in these countries. The rule of Pharaohs in Egypt keeps alive the feeling of "Pharaonism" till nowadays. These feelings became especially clear under Anwar Sadat's presidency. Former Iraqi leader Saddam Hussein frequently recalled the epoch of Babylonian Kingdom and Abbasid Caliphate. Since 1960s Saudi Arabia has begun to make similar claims, appealing to the status of the state of the two most significant Muslim shrines (Mecca and Medina). Eventually, these sentiments affected the character and specifics of inter-Arab relations. The ideological differences formed another source of divergence among the Arabs. In 1950–1960 political environment was marked by sharp ideological rivalry between secular, national and revolutionary regimes and conservative, religious states. This period in Arab contemporary history is known as Arab Cold War [Kerr, 1971].

After Islamic Revolution in Iran in 1979 the inter-Arab rivalry passed through the period when Islamic ideology prevailed. The politics towards the Muslim Brotherhood in Egypt in 1970s was one of the clear pieces of evidence for it. The lines of divergences in intra-Arab politics were marked by the differences in relations of the Arab countries with the leading world powers. Thus, during the Cold War, the Arab relations with the USSR and the West were largely determined by Arabs' political environment. Friendly ties with the USSR ensured normal bilateral relation between Arab countries that were in the Soviet orbit of influence.

Similar picture might be seen in Arab states that shared American policy in the Middle East. However, this political bipolarity could not serve as precondition for friendly nature of inter-Arab relations. The tense ties between Syria and Iraq, Iraq and Egypt provide a good proof for this fact.

After the end of the Cold War, Arab countries tried to adapt to the US policy in the Middle East, and this political trend largely influenced inter-Arab relations.

Arabic stand towards Israel and the problem of Palestine came as another dividing factor between Arab countries. Since the end of 1960s, the split line has been drawn between the Arab countries, which took uncompromising positions towards Israel, and states like Egypt, Jordan, and Morocco, attached to more flexible approach regarding the normalization with Tel Aviv. After the 1979 signing of the Camp David Accords between Egypt and Israel, this split deepened even more. Several Arab monarchies became increasingly inclined towards the possibility of changing their position towards Israel. States like Syria, Algeria, Lebanon and Iraq practiced a wait-and-see attitude. This fact was true for Syria and Lebanon that had unresolved territorial disputes with Israel.

Damascus and Beirut provided very balanced politics towards Tel-Aviv. The nature of inter-Arab relations was especially clearly manifested in Arabian Peninsula and, mainly, in the Persian Gulf. Over the past decades, some of the Arab countries tried to use influential regional powers, primarily Iran and Turkey, as a counterbalance in their relations with other Arab countries, to ensure their security interests or to prevent their Arab rivals from gaining political advantages. Thus, in 1950–1960s conservative Arab regimes sought for Iranian support against revolutionary Arab movements. This politics was clearly manifested in Yemen. After the 1962 coup in Yemen a civil war began and lasted until 1968–1970[1].

During the period of Yemeni civil war Egypt, Saudi Arabia, and Jordan were involved in it. A coup in Yemen overthrew the rule of the Zaidi imams and established a republic. Egypt supported the revolutionaries, and Saudis took the side of the Imamate. Egyptian involvement in Yemen, where Cairo clashed with Riyadh, seriously complicated the issue of regional security in the Persian Gulf. After Nasser's death in 1970 and Anwar Sadat's seizing of power, Cairo took a more pro-Western stance. Egypt sought to use Iran to balance the revolutionary forces in Syria. In the 1980s Damascus used Iran to strengthen its position in the face of its regional rivals — Egypt and Iraq. Therefore, Damascus supported Iran in the Iran-Iraq war, although almost all Arab countries took the side of Iraq. Damascus feared that in case of Iranian defeat, Iraq would become the leader of the Arab world and might try to overthrow the Alawite regime in SAR [Seale, 1988, p. 353].

In 1960–1970 after British withdrawal from the Persian Gulf and before the strengthening of the US military presence there, Iran, Iraq and the Saudis concurred for dominance in the region. In fact, these states sought to reach a certain consensus and distribute power among them in order to provide themselves with greater freedom of maneuver. Under these conditions, small states of the Persian Gulf viewed Iran (before the Islamic revolution) as a counterbalance to the ambitions of these countries. For a long time, Egypt, Iraq, Syria and Libya posed a threat to the Arab monarchies and their tribal power structure. In view of this Arab monarchy in Persian Gulf viewed Iran as a counterbalance to revolutionary regimes of the Arab East.

At the turn of 1970–1980 former conflicts between right and left forces, conservatives and radicals in the Arab countries lost their former sharpness. The situation in the ideological spectrum stabilized. Radical ideas gradually ceased to enjoy the support in Arab society. Therefore, radical Islam was seen by the Arabs as a threat to their security. After the Arab-Israeli war of 1973, Arab leaders realized the futility of a military victory over Israel, and the Palestinian question gradually began losing its urgency and significance for them. The American invasion in Iraq caused major changes in the regional balance of power.

The growth of radical and Jihad ideas in Iraq and the ongoing civil war seriously weakened Iraq's

1 Guldescu S. The Background to the Yemeni revolution of 1962. *Dalhousie Review 45.* 1965. No. 1. URL: https://dalspace.library.dal.ca/bitstream/handle/10222/59002/dalrev_vol45_iss1_pp66_77.pdf?sequence=1 (accessed 13.06.2022).

regional position in favor of Iran and Saudi Arabia. The events of March 2011 in Syria developed a similar situation in Levant. Iraq and Syria became an arena of confrontation between regional and international powers. Today, their fate largely depends on the outcome of the regional struggle for power.

Libya and Sudan, as a result of well-known events, turned into a subject of sharp inter-Arab rivalry. Egypt was noticeably weakened politically and economically as a result of the Arab Spring and the events that followed it. The military seize of power in Egypt and the growth of its dependence on Saudi Arabia and the UAE significantly limited the independence of Egypt's position in the Arab world. On the other hand, Saudi Arabia has become a key player in the Middle East. The Kingdom attempted to define the parameters of a future regional order. Saudi steps in this direction became especially noticeable after Mohammed bin Salman became crown prince. At the same time, Saudis engaged military in the Yemeni conflict. The UAE granted active support to Saudi Arabia. This caused conflict among the members of the GCC. Qatar opposed the policies of Saudi Arabia and UAE. At the same time, UAE was trying to take a leading position in the region, which caused tension with the Saudi Arabia, although outwardly friendly relations between the two countries remained[2].

The erosion of power systems in many Arab countries, which resulted in changes in the regional balance of power, negatively reflected on the nature of inter-Arab relations. Saudis view of Syrian crisis and Riyadh's declaration made it impossible for the Arabs to maintain normal relations with the Assad regime, made it difficult for other Arab countries to somehow normalize their relations with Damascus. Meanwhile, Saudi Arabia's hostilities toward Qatar demonstrated the limits of Saudis regional power and proved that Kingdom's security and political abilities still closely depend on the United States.

In general, recent developments in power dynamics, security balance and ideological paradigms in the Middle East had a great impact on the nature of inter-Arab relations. Former differences on ideological platforms in the Arab countries, led to an imbalance of inter-Arab forces. The current situation in the Middle East poses a real threat to the security and territorial integrity of many Arab countries. Most Arab leaders started to restore relations with Damascus and actively supported political settlement in Syria. These transformations were determined by their own interests. Arab rules are now trying to weaken the influence of major international and regional players in the Middle East. Given the specific Damascus place and role in regional events, political settlement in Syria, country's restoration and saving its territorial integrity acquires a special meaning today.

Depending on whether the armed crisis in Syria could be stopped, Damascus will be able to play both a positive and a negative role in developing the current situation in the Middle East. The process of Syrian normalizations occupies today primary place in political agenda of Turkey and Qatar. Ankara and Doha support the political settlement in Syria and coordinate their humanitarian assistance to the local population. At the same time, Qatar and Turkey are convinced that it is necessary to ensure a comprehensive settlement in Syria, and not follow the path of gradual pacification on provincial and district levels. Ankara and Doha highlight the problems of the Syrian refugees and the provision of humanitarian assistance as indispensable preconditions for achieving a lasting settlement in this Arab country. According to the statements of the Turkish ambassador to Qatar, both countries are seeking political settlement in Syria based on the well-known United Nations Security Council Resolution 2254 [Akhmedov, Kulagina, 2021, p. 146–150].

Both countries support Russia's efforts and initiatives on the Syrian settlement. This stance was reflected in joint communiqué with Russia during the meeting of their foreign ministers in March 2021. For its part, Qatar is the largest donor

2 Snyder S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War. *The World.* PRI, August 12, 2015. URL: https://www.pri.org/stories/2015-08-12/saudi-and-uae-boots-ground-intensify-yemen-war (accessed 15.03.2020).

of humanitarian aid in Syria. Since the early days of Syrian crisis Doha allocated about $2 billion to provide humanitarian assistance to the Syrian people. In September 2021, Turkey and Qatar launched a major joint project to rebuild northern Syria, called the Cities of Hope, which supposed to construct 1400 houses in this area (centered on Azaz) for 8800 Syrian refugees coming back home. The total estimated cost of the project is about $7.5 million[3].

Since the eruption of the civil war in Syria and its negative impact on the national social and economic dynamics, Damascus's ability to play its traditional role of the balancer has diminished. The unprecedented internalization of the Syrian crisis and the involvement of regional and international powers in the Syrian conflict further limited Damascus ability to play an effective and accepted role in Arab politics. Iran's engagement with some Shiite groups in Syrian military conflict was interpreted by Arab states as a sign of rising Tehran's influence in the region. This precedent resulted in partial isolation of Syria in Arab political environment and weakened Damascus role as a player in the broader context of Arab politics.

In the past two-three years Bashar Al-Assad with the help of Russia managed to defeat military opposition, regain its control over larger part of the Syrian territory, and secure its national sovereignty. Syrian president, his military and political environment proved their ability to keep power under unfavorable circumstances and forced the international community to recognize this very fact. Moreover, Syrian authorities gave start to vital process aimed at rebuilding national state institutions, modernizing the regime's political image, reconstructing key sectors of national economy and returning Syrian refugees.

In other words, Bashar Al-Assad and his associates regain control on Syria and restore the regime's image as a reliable partner in the political transition in Syria. On the regional and international level Syrian regime successfully works to end its political isolation and restore its former role in the region. Mentioned above political and military developments in Syria forced Arab countries to reconsider its attitude to the Syrian regime and start process of Syrian normalization to return Damascus in Arab "family". Nevertheless, considering differences among Arab states, Damascus have many chances to remain a player in Arab politics and potential counterweight to key regional players. This role could be enhanced if Syrian regime manages to justify vital expectation of the Syrian people, achieve peace in Syria, balance its relations with Iran, Turkey and Israel and finally emerge from its international isolation. If, however, military conflict lasts, Syria could become so weakened that it would become irrelevant to Arab and regional politics. Should Damascus avoid this choice, the state of its relationship with Arab counties will be considerably influenced by the changing dynamics of intra-Arab politics and the changing balance of power in the Middle East.

References / Список литературы

Akhmedov V. M., Kulagina L. M. *The Major Orientation of Iranian Policy towards Arab Countries in the Middle East (the 1990s — the Beginning of the 2020s)*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2021. — 208 p. (in Russian). [Ахмедов В. М., Кулагина Л. М. *Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.)*. Москва: ИВ РАН, 2021. — 208 с.].

Bruce M. *The Berber Identity Movement and the Challenge to North-African States*. Austin: University of Texas Press, 2011. — 304 p.

Kerr M. *The Arab Cold War. Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970*. Oxford: Oxford University Press, 1971. — 174 p.

Naumkin V.V. Deeply Divided societies in the Middle East: Hostilities, Violence and External Involvement. *Vestnik Moskovskogo Universiteta.* Vol. 25: International Relations and World Politics. 2015. No. 1. Pp. 66—96 (in Russian). [Наум-

3 Al-Any Taha. Ma aghammiya-t-daur Turkey-Katary fi-t-tad'im al-karar as-siyasy fi syria? *Alkhaleejonline* (in Arabic). URL: http://khaleej.online/3oBeBo (accessed 30.10.2021).

кин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. No. 1. С. 66–96.]

Seale P. *Asad: The Struggle for the Middle East*. Berkley: University of California Press, 1988. — 552 p.

Electronic Sources / Электронные источники

Al-Any Taha. Ma aghammiya-t-daur Turkey-Katary fi-t-tad'im al-karar as-siyasy fi syria? *Alkhaleejonline* (in Arabic). [Аль-Ани Таха. В чем значимость роли Турции и Катара в поддержке политического решения в САР? *Alkhaleejonline* (in Arabic)]. URL: http://khaleej.online/3oBeBo (accessed 30.10.2021).

Guldescu S. The Background to the Yemeni revolution of 1962. *Dalhousie Review 45*. 1965. No. 1. URL: https://dalspace.library.dal.ca/bitstream/handle/10222/59002/dalrev_vol45_iss1_pp66_77.pdf?sequence=1 (accessed 13.06.2022).

Snyder S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War. *The World*. PRI, August 12, 2015. URL: https://www.pri.org/stories/2015-08-12/saudi-and-uae-boots-ground-intensify-yemen-war (accessed 15.03.2020).

DOI: 10.18254/S268684310021367-1

Возрождение таджикского ювелирного искусства или рождение мифа?

The Revival of Tajik Jewellery or The Birth of a Myth?

© 2022 **Ирина Генриховна Иванникова**

Член Союза художников РФ, Таджикский народный мастер
5590209@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0079-5865

Irina G. Ivannikova

Member of the Union of Artists of the Russian Federation,
Tajik national master
5590209@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0079-5865

© 2022 **Александр Александрович Столяров**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН;
директор Международного научного центра изучения Южной Азии, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия
astol007@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Alexander A. Stolyarov

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS; Director of International Academic Center for South Asian Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia
astol007@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

В статье рассказывается о попытке возродить традиционное ювелирное искусство в Таджикистане, предпринятой в последние десятилетия существования там советской власти. Оценивается состояние традиционного ювелирного искусства в республике в годы советской власти и, в частности, в конце третьей четверти XX в., описывается творческий путь художников, ставших народными мастерами, излагается созданная ими концепция «трех свадеб», являющаяся с одной стороны опытом осмысления художественного творчества, объяснения символики произведения ювелирного искусства, а с другой — приложением этого опыта к различным этапам жизненного пути человека. Авторы объясняют связь между различными группами таджикских ювелирных украшений и возрастными градациями, существовавшими в традиционном таджикском обществе. Приводится трактовка некоторых символов: изобразительных, цветовых, нумерологических, использующихся в произведениях традиционного ювелирного искусства. В рамках статьи публикуется написанный в середине 1990-х гг. очерк, являющийся первым изложением концепции «трех свадеб» и приводящий характеристику разных групп традиционных женских таджикских украшений — оберегов, браслетов, ожерелий и прочих предметов, описанных параллельно в их традиционной и современной формах. В статье сопоставляется восприятие традиционных и современных ювелирных украшений, созданных в рамках одной ювелирной традиции.

Ключевые слова: таджикское ювелирное искусство, традиционное искусство, народное искусство, символика искусства, семиотический анализ

Для цитирования: Иванникова И. Г., Столяров А. А. Возрождение таджикского ювелирного искусства или рождение мифа? *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 70–85. DOI 10.18254/S268684310021367-1

The paper focuses on the attempt made in the last decades of the Soviet government to revive the traditional jewelry art in Tajikistan. The state of traditional jewelry art in the republic during the years of Soviet power and, in particular, at the end of the third quarter of the 20th century, is assessed. The creative path of the artists who have become folk craftsmen is described as well as the philosophical concept of the 'Three weddings' created by them. It is, on the one hand, an experience of comprehending their artistic creativity, explaining the symbolism of a work of jewelry art, and, on the other hand, the application of this experience to various stages of a person's life path. The connection between different groups of Tajik jewelry and age gradations that existed in the traditional Tajik society is explained. An interpretation of some symbols that are figurative, color, and numerological, which are used in the works of traditional jewelry art, is given. An essay written in the mid-1990s is incorporated in the paper, being the first exposition of the concept of the 'Three Weddings'. It gives a description of different groups of traditional Tajik women's jewelry — amulets, bracelets, necklaces, etc., described in parallel in their traditional and modern forms. It compares how traditional and modern jewelry created within the same jewelry tradition can be perceived.

Keywords: Tajik jewelry, traditional art, conventional art, folk art, symbolism of art, semiotics

For citation: Ivannikova Irina G., Stolyarov Alexander A. The Revival of Tajik Jewellery or The Birth of a Myth? *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 70–85. DOI 10.18254/S268684310021367-1

Ювелирное искусство народов Центральной Азии, и в частности, таджиков, хорошо представлено в музеях России, центральноазиатских республик и дальнего зарубежья. О нем написан не один десяток монографий и сотни статей, среди которых можно назвать работы: [Бикжанова, 1955; Борозна, 1974; 1975; Веселовский, 1886; Гаврилов, 1911; Гафуров, 1989; Григорьев, 1937; Кисляков, 1951; 1953; 1970; Майтдинова, 2003; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965; 1982; Семенов, 1903; Симаков, 1883; Сухарева, 1940; 1945; 1948; 1954; 1982; Сычева, 1984; Толстов, 1948; Чвырь, 1977; Neva, 2008]. Между тем, из изучения большей части научной литературы становится ясно, что речь в ней идет о предметах и изделиях, произведенных не позднее начала XX в.

С установлением в Центральной Азии советской власти с ее активной борьбой против «религиозных пережитков и предрассудков», а также «обрядов и обычаев», традиция ювелирного искусства в этих краях стала сходить на нет. Тем не менее, как показало исследование, проведенное Л. А. Чвырь [Чвырь, 1972], в предвоенные десятилетия в дальних кишлаках горных районов южного Таджикистана еще сохранялись отдельные надомные ювелиры, сочетавшие надомное ремесло с ведением хозяйства. Но уже к середине 1970-х гг. традиция изготовления ювелирных украшений практически исчезла[1]. Единичные мастера специализировались на двух-трех типах серег; сверх того же ничего больше не производилось — ни в Душанбе, ни в Бухаре, ни в Ура-Тюбе[2]. Браслеты не делал никто, не говоря уже об ожерельях и нагрудных украшениях. По серебру также практически не работали. Редкие подпольные ювелиры работали с золотом.

Ситуация стала меняться именно в это время, во второй половине 1970-х гг., когда сложился творческий союз Виталия Иванова (1931–2009) и одного из авторов этой статьи — Ирины Иванниковой. Таджикский Худфонд предложил им заполнить существующую нишу и возродить национальную традицию ювелирного мастерства. Образцами для первых изделий стали экспонаты из музейных и частных коллекций, иллюстрации из альбомов и статей, хранящихся в музейных библиотеках и в библиотеке Академии наук. В частности, украшение, представленное на *Илл. 2*, — это почти точная копия образца, хранящегося в частной коллекции.

Многое дали и поездки по кишлакам в поисках старинных образцов — серег, ожерелий, браслетов. В одну из таких поездок автору удалось познакомиться с заргаром (деревенским ювелиром) Исмаилом Якубовым из кишлака Рахоты, семья которого специализировалась на изготовлении одного изделия — «шейно-нагрудного украшения из металлических плоских листиков, чаще всего называемого *зирех*» [Чвырь, 1970, с. 117] или *зира*.

С годами совершенствовалось мастерство ювелиров, они стали постоянными участниками республиканских, всесоюзных и международных выставок. К концу 1980-х гг. В. Л. Иванов, И. Г. Иванникова и И. Якубов стали членами Союза художников СССР, им было присвоено высокое звание «Таджикский народный мастер». Изначально идея **«трех свадеб»** возникла в процессе подготовки выставок, когда требовалось разместить в логической последовательности созданные мастерами ансамбли традиционных украшений, состоявшие из многих элементов — нашейных и нагрудных ожерелий, серег, браслетов, пряжек, подвесок и проч. Постепенно она стала принимать вид концепции, проистекающей из естественного желания художника глубже осмыслить собственное творчество. Ко-

1 По свидетельству полевых исследований, проведенных И. Г. Иванниковой.

2 Ура-Тюбе — город на севере Таджикистана, один из древнейших городов Центральной Азии (в 2002 г. был отмечен его 2500-летний юбилей). С 2000 г. городу возвращено древнее название Истаравшан (первоначальное название — Кирополь (Курушкада) по имени основателя ахеменидской державы Кира-Куруша; 559–529 гг. до н. э.). Известен как торговый и ремесленный центр (изготовление художественно оформленных ножей). Население — 64600 чел. по оценке на 1 января 2019 г.

нечно, «три свадьбы» — это условность. Слово «свадьба» здесь следует понимать в расширительном смысле — как большой праздник, пиршество[3]. Сама концепция не была изобретением мастеров и возникла не на пустом месте: о существовании возрастных градаций в таджикских ювелирных украшениях, в частности, писали специалисты, изучающие традиционную одежду и украшения (см., например: [Чвырь, 1970]).

Большую роль в формировании концепции «трех свадеб» выполняют символы, скрытые в традиционных ансамблях женских украшений (см., например: [Давлатова, 2017]). Не случайно непременным их атрибутом являются разного рода амулеты, обереги. Понимать смысл символов очень важно: с символами играть нельзя, их нельзя смешивать произвольно. Это трудно объяснить логически, но это понятно каждой женщине. Есть украшения, к которым «душа не лежит» и надевать не хочется, а есть такие, которые сделаны только для тебя, в них чувствуешь себя превосходно, жить бы в них и снимать не надо.

Например, часто в традиционных серьгах, браслетах, нагрудных украшениях повторяется тема граната — плода, распространенного по всей Евразии от стран Южной Европы до Гималаев. В Таджикистане, Узбекистане гранат — символ любви, семьи, преданности. Он связан с кровью, выражен красным цветом. Купола мечетей в Центральной Азии, чаще всего, окрашены в сине-голубой цвет, цвет неба. В. Л. Иванов считал сине-голубой цвет неба символом надежды, а красный цвет граната — символом борьбы. В изделиях В. Л. Иванова и И. Г. Иванниковой эти мотивы переплетаются неоднократно.

Поиски смысла тех или иных символов мастера вели постоянно. По словам И. Г. Иванниковой, «если бы не концепция, основанная на символике, то все наши работы были бы простыми копиями музейных образцов».

Немалую роль в произведениях В. Л. Иванова и И. Г. Иванниковой занимает символика чисел, нумерология. Вот что говорит об этом искусствовед Елена Негматулаева, в настоящее время работающая в США и печатающаяся под псевдонимом Elena Neva, посвятившая книгу памяти **Виталия Иванова** — ювелира-философа (*Илл. 1*): «Никто лучше мастера не проанализирует его изделие, поэтому приведем высказывание художников-ювелиров о своей работе: “в основу комплексов заложены определенные принципы числовой и цветовой символики. Поэтому весь комплекс украшений надо рассматривать как единое украшение, состоящее из трех компонентов: металл, камень, человек.

Все фигуры геометрии начинаются из точки, все числа восходят из единицы, и все они являются различными видами единицы. Единицу тоже можно представить точкой. Первое число дает начало второму, первая фигура от точки — линия. Каждый из этих элементов в своем изначальном отсчете качественно отличается от другого, точно так же, как и в первые мгновения своего существования жизнь не имеет национальных черт, они проявляются лишь в дальнейшем. Это основа, исходя из которой шел поиск в создании украшений.

Из сочетания изначальных элементов возникают символы. Так, вертикальное изображение заключает в себе активное начало, горизонтальное — пассивное. Первое число реальности — три, первая фигура — треугольник, все последующие числа и фигуры есть только комбинация предыдущих… Украшения отчасти выполняют роль связующих звеньев, неравномерно соединяющих какие-то части жизненного пространства”» [Нева, 2010, с. 122–123].

***

Приводящийся ниже очерк был написан в начале 1990-х гг., почти тридцать лет назад, за полтора десятилетия до процитированной выше книги Елены Невы. Его автор — кандидат исторических наук, сотрудница Музеев Московского Кремля **Марина Леонидовна Хрипко**

3 *Туй, той* — свадьба у таджиков, узбеков, татар, башкир, азербайджанцев, туркмен; также: большой праздник, пиршество. Туйхона — свадебное пиршество.

Илл. 1. **Виталий Иванов в мастерской**
© Из личного архива авторов
Fig. 1. **Vitaly Ivanov in his workshop**
Photo © from the authors' archive

(1950–2001), в течение многих лет общавшаяся с В. Л. Ивановым и старавшаяся постичь его идеи. В основе очерка лежит серия интервью с В. Л. Ивановым, поэтому временами он может восприниматься как прямая речь. Концепция «трех свадеб» в изложении В. Л. Иванова не была стройной и законченной, но он отстаивал ее с такой силой убеждения, приводя в доказательство свои работы, что пишущему человеку невольно хотелось зафиксировать их, чтобы было над чем поразмышлять позже, после споров, в тишине.

После 1990 г. традиция ювелирного искусства, заложенная В. Л. Ивановым и И. Г. Иванниковой, оказалась утраченной: с уходом мастеров из республики её оказалось некому передать. Современные таджикские ювелиры работают, следуя традициям русской ювелирной школы. В их произведениях не чувствуется глубины. Изделия объемные, экстравагантные, но — пустые.

Уже нет в живых ни мастера, ни автора очерка. Остались произведения ювелирного искусства, которые хранятся во многих музеях России, республик Центральный Азии, и в частных собраниях, в том числе, за рубежом: в Голландии, Германии, Италии, Японии. Идеи В. Л. Иванова, изложенные в этом очерке, как бы экзотично они ни воспринимались на первый взгляд, продолжают осмысляться специалистами, изучающими традиционную материальную культуру народов Центральной Азии.

От праотцев в действительность — через три свадьбы (символика современного таджикского украшения). М. Л. Хрипко

Общеизвестна громадная роль, которую выполняют внеречевые формы коммуникации в условиях традиционного общества. Среди них одно из основных мест (если не самое основное) отводится одежде с присущей ей детализированной атрибутикой и символикой. В особенности важна роль традиционного (национального) украшения, являющегося концентрированным воплощением символики материала, формы и цвета. В связи с этим интересно проследить, как реализуется коммуникативная функция украшения в произведениях современного национального (таджикского) ювелирного искусства.

В основу цветовой символики рассматриваемого комплекса украшений работы В. Л. Иванова и И. Г. Иванниковой были положены следующие принципы: голубой цвет — символ надежды; коралловый (красный) цвет — универсальный символ борьбы. Весь комплекс можно рассматри-

Илл. 2. **Первая группа украшений** (лакайское[4] [первое свадебное]?)
По бокам поясные украшения с атрибутами, подвешенными под большими куполами[5]
Fig. 2. **The first group of jewelry** (Lakaian [first wedding]?)
On the sides are belt decorations with attributes suspended under large domes
Photo © from the authors' archive

вать как единый текст (фразу), начинающийся и завершающийся точкой — изначальным и конечным пунктом любого движения, в этом контексте олицетворяющем жизнь. Точки — суть звенья одной цепи; когда она рвется — теряется устойчивая связь, и это ведет к разрушению, — как земли, так и самого человека.

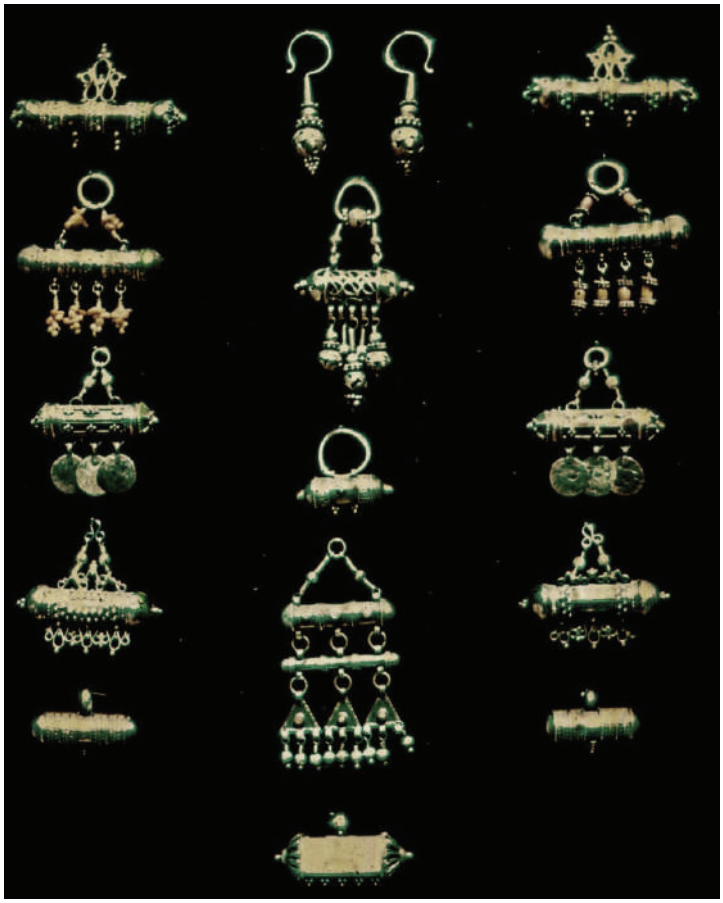
В первые мгновения своего существования жизнь не имеет четко выраженных национальных черт, они проявляются лишь в дальнейшем. Если представить жизнь в виде креста — растянутого во времени и соединяющего верх и низ, право и лево, то очевидно, что на всем протяжении эта связь распределена неравномерно. Украшения отчасти играют роль связующих звеньев, неравномерно соединяющих определенные части жизненного пространства. За основу здесь взят числовой принцип отсчета. Реальность при этом ведет начало от числа 3, потустороннее, запредельное — от числа 2. Человек должен находиться посередине, не замахиваться на небо, не тупо смотреть в землю, а идти вперед, соединяя взглядом на вечно недостижимой линии горизонта и небо, и землю.

Развитие образа через украшения реализуется группами.

Первая группа «варварских» украшений — встреча с прошлым, которого мы можем не знать, но которое тем не менее живет внутри нас. Вещи это простые, земные, но не приземленные: они

4 Локайцы / лакайцы — одна из многочисленных групп узбекского населения Таджикистана. До начала XX в. заселяли южные районы Узбекистана и Таджикистана, а также север Афганистана.

5 Здесь и далее все иллюстрации из личного архива авторов.



Илл. 3. **Бозубанды и туморы**
© Из личного архива авторов
Fig. 3. **Bozubands and tumors**
Photo © from the authors' archive

олицетворяют ритуальную связь человека с землей через опыт предков. В центре расположено шумящее и струящееся нагрудное украшение: строгие накосники, яркие крупные серьги и широкие браслеты (см. *Илл. 2*). Это суровое и чувственное варварство, вобравшее в себя образы неба и степи. Здесь начало всех начал: и чисел, и цвета (локальные вкрапления ярко-красных пятен цвета живой пульсирующей крови).

Этот комплект украшений, символизирующих человека-кочевника, обрамлен слева и справа поясными украшениями в виде двух столбов, которые олицетворяют незримую связь земли и неба (гимн миру) и связь вечного движения как формы жизни с ремеслом (гимн ремеслу). Гимн миру складывается из надежды и преодоления; он состоит из набора элементов, символизирующих простейшие жизненные атрибуты, украшенных голубой смальтой и соединенных под куполом неба звеньями цепи с точками красных кораллов. Это гимн ремеслу, гимн вечной борьбе, лишенной надежды. Из купола, олицетворяющего вечный вихрь движения, ниспадают цепи, украшенные красными кораллами.

Таким образом, первая группа украшений, несущая громадную смысловую нагрузку, необходимую для понимания всех последующих групп, — это начало начал, символ модели мира, аналогичный Корану, Библии, Талмуду, Ганджуру, символ ремесел, символ человека-кочевника. Это и начало всех точек, из которых разворачиваются впоследствии все линии и сочетания действительности. Отсюда идет и эволюция и деградация вещей, к которой ведет украшательство, обволакивающее чистую форму, а затем уничтожающее ее без остатка.

Илл. 4. **Второе свадебное украшение**
© Из личного архива авторов
Fig. 4. **Second set of wedding decorations**
Photo © from the authors' archive

Тема вечного отгорожена от нас стеной оберегов, соединяющих небо и землю (*Илл. 3*). Обереги (*бозубанды*[6], *туморы*[7]) — это гимн человеку рожденному, — то, что нельзя менять по желанию.

Перемена образа жизни с кочевого на оседлый принесла другие восприятия отношений, другие связи, формы.

Вторая группа украшений

За границей варварства начинается другая жизнь, ее этапы, воплощенные мастерами в виде двух комплектов украшений к трем свадьбам — второй и третьей. Первое свадебное украшение знаменует вступление в жизнь, пору юности, олицетворение начала человеческого самопознания. Все формы плоские, ряды голубого и красного разделены и никак не пересекаются.

Второе свадебное украшение — символ зрелости и осознанного понимания пройденного и предстоящего пути (*Илл. 4*). Однако это понимание иллюзорно, обманчиво, чрезмерно окрашено в цвет надежды. Здесь начало формы, объема. Это уже не только символ определенного этапа жизни, но и украшение само по себе. Вещи праздничные, нарядные, легкие: впереди длинная жизнь, предчувствие ее окрашено надеждой.

Третье свадебное украшение символизирует вступление в старость, порог смерти, обобщение пройденного человеком пути от праотцев в действительность через себя, детей, внуков и правнуков (*Илл. 5*).

6 *Бозбанд, бозубанд* (общетаджикское — по классификации Л. Чвырь [Чвырь, 1977]) — амулет прямоугольной или цилиндрической формы.

7 *Тумор* (общетаджикское) — амулет треугольной формы; нагрудное украшение.

Илл. 5. **Третье свадебное украшение**
© Из личного архива авторов
Fig. 5. **Third set of wedding decorations**
Photo © from the authors' archive

Это украшение надо рассматривать сверху, постепенно опускаясь вниз. Оно начинается из двух точек или полусфер, олицетворяющих мужское и женское начало. Прямые линии, по диагонали спускающиеся от них, ведут к третьей точке — их встрече. Ниже этой точки располагается событийный узел — свадьба. Еще ниже расположен стилизованный, но легко узнаваемый гранат, как символ продолжения рода. Все украшение — как бы производное жизненного пути женщины. Вещи более компактные, спокойные. Нагрудное украшение короче, чем во втором свадебном, но тяжелее его. Ощущается груз прожитых лет. Лицевая сторона кованных браслетов — там, где нет орнамента, с неровностями и вмятинами от ковки — отражение человеческого лица, покрытого морщинами. Именно эти неровности и вмятины придают украшению нужную степень индивидуальности; естественно, что эта часть украшения должна располагаться как можно ближе к ладоням с их неповторимыми линиями (*Илл. 6*).

Развитие украшений идет от первой свадьбы ко второй, от второй к третьей, а от третьей — назад, к предыдущим, с размывкой границ. Здесь уместно вспомнить, что все опорные пункты рассматриваемого комплекса — это точки (или полусферы), олицетворяющие начало и конец события. (Основной же точкой отсчета является сама плоть человека, для которой и создается украшения). Отсюда и изменение объемов вещи, стремление к объемности и округлости форм.

Илл. 6. **Браслеты к третьему свадебному украшению** (на основе граната)
© Из личного архива авторов
Fig. 6. **Bracelets for the third wedding decoration** (garnet-based)
Photo © from the authors' archive

***

Особое место в жизни женщины занимает Луна. Луна и ее меняющаяся символика, в представленных украшениях выполнена в форме нагрудного украшения мохинав[8] (*Илл. 7*).

Первый мохинав — это олицетворение молодого месяца, сопутствующего входящей в жизнь девочке-подростку. Обращает на себя внимание плоская форма украшения, его легкость, подчеркнутая рядность деталей.

Второй мохинав — объемная, утяжеленная форма украшения повзрослевшей девушки, чья жизнь находится в прямой и постоянной зависимости от небесного спутника Земли. Все украшение являет собой воплощение лунного календаря; красный и голубой цвета здесь четко разделены.

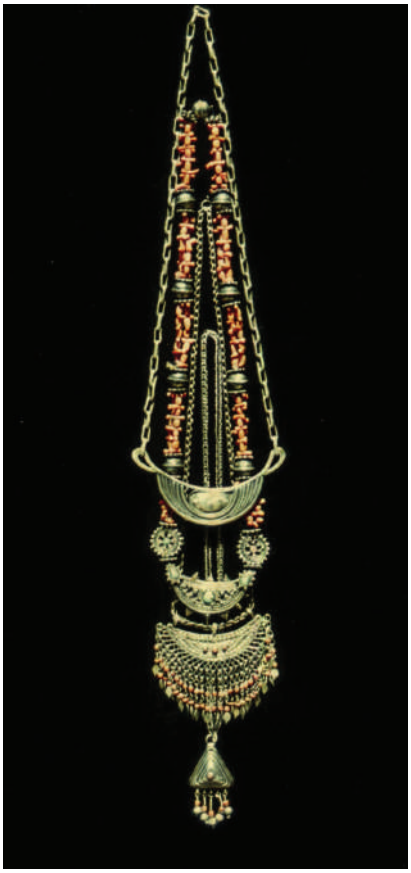
Третий мохинав — строгая изысканная форма, практически лишенная украшений, за исключением холодного перламутра. Это древняя и вечная Луна, свидетельница начала сотворения мира, создания царства минералов.

***

Между традиционными и современными украшениями расположена группа украшений без ярко выраженной национальной окраски, не несущих большой смысловой нагрузки (тавки[9], серьги). В этих ювелирных изделиях еще больше оттеняется суть женственности.

8 *Мохинав* (тадж.) — новая луна (женское имя); *мохи нав* (южнотаджикск.) — нагрудное украшение. Мохинав обычно дарился девочке по достижении половозрелости.

9 *Тавк*, *тавки гули*, *таук* (северотаджикск.) — нашейное украшение.



Илл. 7. **Три мохинава**
© Из личного архива авторов
Fig. 7. **Three mokhinavs**
Photo © from the authors' archive

Илл. 8. **Второе свадебное украшение**[10]
© Из личного архива авторов
Fig. 8. **The second wedding decoration**
Photo © from the authors' archive

Третья группа украшений — современный взгляд

Если первый комплект свадебных украшений являет собой повествование, данное в традиционном ключе: его отношение к реальности предполагается, но не всегда реализуется, то во втором комплекте повествуется о конкретных ощущениях. Современные украшения показывают, как человек наших дней воспринимает старое, традиционное и соединяет его с действительностью. Первое свадебное украшение отсутствует.

Второе свадебное украшение: неровные жесткие линии нагрудного украшения напоминают сложенный в гримасу изгиб губ. Голубой цвет не придает легкости изделию: его слишком много; пространство, переполненное голубым, начинает разрушаться, — так же, как разрушается человек, чья жизнь полна только надеждой. Красный цвет в украшении никак не переходит в голубой и наоборот. Анор[11] в центре выглядит отчужденно, обрамленный красным кантом (*Илл. 8*).

Третье свадебное украшение символизирует разрушение традиционного уклада жизни,

10 Серьги на этой иллюстрации расположены в перевернутом виде. Их традиционное название — «барг» (листик).
11 *Анор* (таджик.) — плод гранат; также — распространённый сорт граната.

Илл. 9. **Третье свадебное украшение (справа); слева два мохинава.** © Из личного архива авторов
Fig. 9. **The third wedding decoration (on the right); two mokhinavs on the left**
Photo © from the authors' archive

продолжает и углубляет идею разрыва надежды и борьбы. Оно имеет абрис опрокинутого минарета, образованного двумя половинами, соединенными шарнирами. Левая половина, украшенная голубой смальтой, вверху заканчивается тремя (нечетными) линиями, символизирующими линии неба. Правая, заполненная красными точками, напоминающими капли уже не живой, пульсирующей, а запекшейся крови, заканчивается вверху двумя линиями. Это символ бесцельной борьбы. Человек перестает быть вольным кочевником, живущим под куполом голубого неба. С любопытством и ужасом он застывает перед черной бездной Космоса. Черные жгуты олицетворяют космические дыры; четыре кольца, которыми они крепятся к двум половинам — круги судьбы. Украшение статично, плоско, и вместе с тем жестко-объемно. Контур его еще более напряженный, чем у предыдущего (второго свадебного). Поэтому безмолвное внутреннее напряжение, не имея выхода за пределы формы, начинает разрушать её самоё, выходя на оборотную сторону. Технически это выражено применением шарнирного соединения (*Илл. 9*).

Тема Луны присутствует и в этом комплекте украшении. Мастерам интересно понять, как традиционная форма Луны может восприниматься человеком наших дней.

Первым в «лунном ряду» стоит мохинав, в замысле которого воплотилось современное восприятие луны. Луны, реально достижимой, но по-прежнему недосягаемой. Украшение состоит из трех частей. Справа и чуть вверху на *Илл. 10* представлен символ вселенной, наполненной человеческой надеждой. Слева расположен противоположный знак — крест, окрашенный красным, с голубой точкой внутри. Вселенная и Земля соединены с символом

Илл. 10. **Мохинав**
© Из личного архива авторов
Fig. 10. **A mokhinav**
Photo © from the authors' archive

Илл. 11. ***Тумор* (внизу) и *бозубанд* (вверху)**
© Из личного архива авторов
Fig. 11. ***A bozuband* (above) and *a tumor* (below)**
Photo © from the authors' archive

Луны, который воспринимается здесь как треугольник надежды. Все три символа прикреплены цепями к некоему коромыслу судеб и находятся в постоянном движении. Украшение намеренно лишено равновесия.

Мохинав «инь-ян» воспринимается здесь уже не как украшение, а только как символ взаимодействия земли и неба. Причем в этом случае традиционное стремление обоих начал друг к другу нарушено: голубая половина «ян» пробита одним (нечетным) кольцом, в то время как два (четных) кольца красной половины «инь» вытолкнуты за ее пределы. При чисто формальном соблюдении принципа троичности связь становится искусственной. Таким образом, деформация идеи приводит к угрозе выхода из равновесия всей системы. Это выражено и в пластике формы: классический круг «инь-ян» трансформируется в лунный серп — мохинав.

Наконец, мохинав, символизирующий одновременно упадок, трагедию и надежду земной архитектуры форм, выполнен в виде «вечной восьмерки». Это, по сути, осколок графической конструкции, заключающий в себе все геометрические фигуры. На лицевой стороне мохинава (на красном фоне) голубая точка, а на

оборотной стороне (на голубом фоне) — точка красная. Противодействие должно возникнуть именно из них (*Илл. 10*).

Из прочих современных украшений хочется обратить внимание на тумор, представляющий собой треугольник с основанием внизу, условно изображающий человека, словно пронзенного в верхней части некоей силовой осью (*Илл. 11*). Внутри треугольника — пустота (и это при том, что суть тумора — быть оберегом!), символизирующая, что бремя, взятое на себя человеком современного мира, так велико, что лишает его содержания. Треугольник прикреплен к оси, и при этом постоянно смещается, как бы утрачивая равновесие. К этой же оси прикреплена полусфера – небеса, которая тоже постоянно смещается. Таким образом, оказывается, что человек должен балансировать [на оси], удерживая небеса, и тем самым достигать равновесия.

Органично продолжает идею трагического напряжения и бозубанд в виде *кокона*, в котором борьба и надежда, представленные как красный и синий треугольники, заключены в жесткую двенадцатирядную цикличность — олицетворение 12 месяцев, внутри которых вращается жизнь человека.

В целом современные украшения работы В. Л. Иванова и И. Г. Иванниковой можно охарактеризовать как трагически неспокойные, утратившие равновесие, но все же сохранившие надежду. Надежда эта дает основания для возрождения гармонии, возвращения к традиционным формам, заключающим в себе не только красоту, но мудрость и покой, так необходимый современному человеку.

Список литературы / References

Бикжанова М. А. Ювелирное искусство. *Народное декоративно-прикладное искусство советского Узбекистана*. Москва, 1955. [Bikjanova M. A. Jewelry. *Folk Decorative and Applied Arts of the Soviet Uzbekistan*. Moscow, 1955 (in Russian)].

Борозна Н. Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана. *Советская этнография*. Москва, 1974. № 1. С. 32–44 [Borozna N. G. Types of Female Jewelry of the People of Soviet Central Asia and Kazakhstan. *Soviet Ethnography*. Moscow, 1974. No. 1. Pp. 32–44 (in Russian)].

Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях Средней Азии. *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии*. Москва, 1975. С. 298–333 [Borozna N. G. Some Materials about Ornamental Amulets of Soviet Central Asia. *Pre-Moslem Beliefs and Ceremonies in Soviet Central Asia*. Moscow, 1975. Pp. 298–333 (in Russian)].

Веселовский Н. Бозбенд. *Записки Восточного отделения Русского археологического общества, издаваемые под редакциею управляющего Отделением Барона В. Розена*. Т. I. 1886. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887. Ч. 3. С. 161–168. [Veselovsky N. Bozbend. *Proceedings of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society.* Vol. I. 1886. Saint-Petersburg, 1887. Pt. 3. Pp. 161–168 (in Russian)].

Гаврилов М. Ф. Сартовсая свадьба. *Туркестанские ведомости*. Ташкент, 1911. № 150, 152 [Gavrilov M. F. Sart Wedding. *Turkestan Bulletin*. Tashkent, 1911. No. 150, 152 (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Душанбе: Ирфон, 1989. Кн. 1. — 377 с.; Кн. 2. — 390 с. [Gafurov B. G. *Tajiks: Primordial, Ancient and Mediaeval History*. Dushanbe: Irfon, 1989. Books 1. — 377 p., 2. — 390 p. (in Russian)].

Григорьев Г. В. Тус-Тупи: к истории народного узора Востока. *Искусство*. Москва, 1937. № 1. С. 121–143 [Grigoryev G. V. Tus-Tupi: On the History of the Oriental Folk Design. *Iskusstvo*. Moscow, 1937. No. 1. Pp. 121–143 (in Russian)].

Кисляков Н. А. Вотивные предметы горных таджиков. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Ленинград, 1970. Т. 26. С. 5–15 [Kislyakov N. A. Votive Articles of Mountain Tajiks. *Collected Volume of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Leningrad, 1970. Vol. 26. Pp. 5–15 (in Russian)].

Кисляков Н. А. Калым и приданое у таджиков. *Труды Института этнографии АН СССР*

им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Новая серия, Т. 14. С. 180–223 [Kislyakov N. A. Dower and Dowry among Tajiks. *Proceedings of the Nicholas Miklouho-Maclay Institute of Ethnography of the ASUSSR*. Moscow, 1951 New Series. Vol. 14. Pp. 180–223 (in Russian)].

Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Л., 1953. Т. 15. С. 291–316 [Kislyakov N. A. Wedding Face Covers of Mountain Tajik Women. *Collected Volume of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Leningrad, 1953. Vol. 15. Pp. 291–316 (in Russian)].

Майтдинова Г. М. *История таджикского костюма* / Акад. наук Респ. Таджикистан, Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Рос.-таджик. (славян.) ун-т. Т. 1: *Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье*. Душанбе: Акад. наук Респ. Таджикистан, 2003. — 277 с.; Т. 2: *Средневековый и традиционный костюм*. Душанбе: Акад. наук Респ. Таджикистан, 2004. — 252 с. [Maitdinova G. M. *The History of Tajik Dress* / Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, Russian-Tajik (Slavonic) Institute. Vol. 1: *Genesis of Tajik Dress: Ancient and Early Mediaeval Time*. Dushanbe: Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2003; Vol. 2. — 277 p.; *Mediaeval and Traditional Dress*. Dushanbe: Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2004. — 252 c. (in Russian)].

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. *История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века*. М.: Искусство, 1965. — 686 с. [Pugachenkova G. A., Rempel' L. I. *The History of Art in Uzbekistan since Primordial Time till Mid-19th Century*. Moscow, 1965. — 686 p. (in Russian)].

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. *Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье*. М.: Искусство, 1982. — 288 с. [Pugachenkova G. A., Rempel' L. I. *Essays of Art of Soviet Central Asia. Ancient and Mediaeval Time*. Moscow: Iskusstvo, 1982. — 288 p. (in Russian)].

Семенов А. А. *Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза: духовно-просветительское издание*. Москва: б.и., 1903. — 69 с. [Semenov A. A. *Ethnographic Essays of Zarafshan Mounains, Karategin and Darvaza: Spiritual Educational Edition*. Moscow: No Publ., 1903. — 69 p. (in Russian)].

Симаков Н. Е. *Искусство Средней Азии: Сб. средне-азиат. орнаментации, исполненный с натуры [чл. Самар. учен. экспедиции в Среднюю Азию] Н. Е. Симаковым, удостоенный серебряной медалью на Моск. худож.-пром. выставке в 1882 году*. СПб: Изд. Имп. О-ва поощрения художеств, 1883. — [12] с., 50 л. цв. ил. [Simakov N. E. *Art of Central Asia: Collection of Central Asian Ornamentals Drawn from Nature*. Saint Peterburg: Imp. Society for the Promotion of Art Publ., 1883. — [12] p., 50 color plates (in Russian)].

Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. *Среднеазиатский этнографический сборник*. М., 1954. Т. 1. С. 299–353 (Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 21) [Sukhareva O. A. Ancient Features of the Hattery of Central Asian People. *Middle Asian Ethnographic Collected Papers*. Moscow, 1954. Vol. 1 (Proceedings of the Nicholas Miklouho-Maclay Institute of Ethnography of the ASUSSR. Vol. 21). Pp. 299–353 (in Russian)].

Сухарева О. А. *История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М.: Наука, 1982. — 142 с. [Sukhareva O. A. *The History of the central Asian Dress. Samarkand (The Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)*. Moscow: Nauka, 1982. — 142 p. (in Russian)].

Сухарева О. А. К истории костюма населения Самарканда. *Бюллетень АН УзССР*. 1945. № 11–12. С. 38–41 [Sukhareva O. A. On the History of Samarkand Population's Dress. *Journal of the Academy of Sciences of Uzbek SSR*. 1945. No. 11–12. Pp. 38–41 (in Russian)].

Сухарева О. А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других райо-

нов Средней Азии. *Советская этнография. Сб. статей*. Москва, 1940. Вып. 3. С. 172–176 [Sukhareva O. A. Wedding Rites of Tajiks of Samarkand and Some other Areas of Central Asia. *Soviet Ethnography. Collected Papers*. Moscow, 1940. Pp. 172–176 (in Russian)].

Сухарева О. А. Художественные ремесла Узбекистана. *Звезда Востока*. 1948. № 9. [Sukhareva O. A. Uzbekostan's Arts of Handicraft. *Zvezda Vostoka*. 1948. No. 9. (in Russian)].

Сычёва Н. С. *Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XX веков. Из собрания государственного музея искусств народов Востока*. М.: Советский художник, 1984. — 180 с. [Sycheva N. S. *Traditional Jewellery from Soviet Central Asia and Kazakhstan. 19th and 20th Centuries. From the Collection of the Museum of Oriental Art*. Moscow: Soviet Artist, 1984. — 180 p. (in Russian)].

Толстов С. П. *Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования*. М.: Издание МГУ, 1948. — 352 с. 82 таб. [Tolstov S. P. *Ancient Khwarazm: The Effort of Historical and Archaeological Research*. Moscow: MSU Publ., 1948. — 352 p. 82 Tables (in Russian)].

Чвырь Л. А. Отражение возрастных градаций в таджикских ювелирных украшениях. *Советская этнография*. 1970. № 4. С. 115–121 [Chvyr' L. A. Repercussion of Age Gradations in Tajik Jewelry. *Soviet Ethnography*. Moscow, 1970. No. 4. Pp. 115–121 (in Russian)].

Чвырь Л. А. Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция в Таджикистане. *Советская этнография*. Москва, 1972. № 1. С. 39–51 [Chvyr' L. A. Goldsmiths-Craftsmen and Local Artistic Tradition in Tajikistan. *Soviet Ethnography*. Moscow, 1972. No. 1. Pp. 39–51 (in Russian)].

Чвырь Л. А. *Таджикские ювелирные украшения (Материалы к историко-культурному районированию Таджикистана)*. М.: ГРВЛ. 1977. — 144 с. [Chvyr' L. A. *Tajik Jewelry (Materials to the Historical and Cultural Regionalization of Tajikistan*. Moscow: GRVL Publ., 1977. — 144 p. (in Russian)].

Давлатова С. Семантика символов в узбекском традиционном ремесленном производстве. *Журнал Института экономического развития и социальных исследований*. 2017. Т. 3. Вып. 6. С. 53–64 [Davlatova S. The Semantics of Characters in the Uzbek Traditional Crafts. *Journal of Institute of Economic Development and Social Research*. 2017. Vol. 3, Iss. 6. Pp. 53–64 (in Russian)].

Neva E. *Jewelry of Central Asia*. Boston: Elena Neva, 2008. — 129 p.

Neva E. *Tajik Jewelry*. Boston: Elena Neva, 2010. — 211 p. [Нева Е. *Ювелирные украшения таджиков*. Бостон: Елена Нева, 2010. — 211 с. (in English and Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310021414-3

Экспедиция в Мали 2022 года

2022 Expedition to Mali

© 2022 **Дарья Владимировна Ванюкова**

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва, Россия
darya-29@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3208-9324

Darya V. Vanyukova

PhD (Art History), Senior Research Fellow
The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
darya-29@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3208-9324

© 2022 **Петр Анатольевич Куценков**

доктор культурологии, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
pkutsenkov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-4288-6167

Petr A. Kutsenkov

PhD (History of Art), DSc (Culturology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
pkutsenkov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-4288-6167

Полевой сезон 2022 г. (23 января – 23 февраля) оказался очень продуктивным: участникам экспедиции удалось прояснить историю миграций догонов из Страны манде на нагорье Бандиагара, собрать достаточно полную информацию о пророке Абире, предсказавшим возвращение догонов на историческую родину, получить совершенно новые сведения о марионетках бозо и бамбара и, наконец, приобрести множество интереснейших артефактов для коллекции Государственного музея Востока. Из-за невозможности посетить Страну догонов решено было сосредоточиться на районе г. Бугуни (регион Сикасо) на юге Мали и на Стране манде (регионы Куликоро и Кай, от г. Кангаба на западе до Бамако на востоке). В Бугуни были приобретены для коллекции Государственного музея Востока (ГМВ) два великолепных произведения традиционного искусства бамбара — маски «Обезьяна» (*Warabilen*) и «Дикий буйвол» (*Sigi*; *Sigifin*). В ходе работы были получены новые данные о миграциях догонов, бытующие в мандингском устном историческом предании: хотя сейчас накоплено и опубликовано, в том числе, на русском языке, много сведений относительно того, как догоны пришли на новую родину, мандингские устные традиции об исходе догонов до сих пор мало известны. Этот недостаток нам отчасти и удалось восполнить. Устные исторические предания об исходе догонов из Страны манде представляют собой изменчивые, внутренне противоречивые и крайне нестабильные повествования со спутанной хронологией, наполненные умолчаниями и невнятными намеками. Однако некоторые выводы сделать все-таки можно: почти не вызывает сомнений, что первопричиной ухода догонов на безжизненные скалы Бандиагара был некий тяжелый и кровавый конфликт, сопровождавшийся многочисленными жертвами. Понятно также, что произошло несколько волн переселения, и последние догоны ушли на нагорье в середине второй половины XIX в. Значительным успехом работы в этом сезоне можно считать также отбор марионеток бамбара и бозо для пополнения коллекции ГМВ. В процессе сбора предметов удалось выяснить, что марионетки вовсе не являются секуляризованным театром. Общество марионеток связано с обществом Коре — пожалуй, с одним из наиболее влиятельных традиционных социальных институтов бамбара и действует в рамках трех этносов: собственно бамбара, бозо (партнеры догонов по бракозапретительному шуточному родству) и марка (сонинке). Церемонии с участием марионеток бывают полностью сакральны (в них принимают участие только члены Общества), полусакральны (в них принимают участие только мужчины), и, наконец, общедоступны — в них принимают участие все, включая женщин и детей.

Ключевые слова: Мали, догоны, бамбара, бозо, Бугуни, миграции, маски, марионетки

Для цитирования: Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Экспедиция в Мали 2022 года. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 1. С. 86-102. DOI: 10.18254/S268684310021414-3

The 2022 field season (January 23 – February 23) turned out to be very productive: we managed to clarify the history of Dogon migrations from the Mande Country to the Bandiagara Highlands. We received quite complete information on the prophet *Abirɛ*, who predicted the return of Dogon to their historical homeland and completely new information about Bozo and Bambara puppets. Finally, we acquired many interesting artifacts for the State Museum of Oriental Arts. Due to the inability to arrive to the Dogon Country, it was decided to focus on the area of the city of Bougouni (Sikasso region) in southern Mali and on the Mande Country (regions of Koulikoro and Kayes, from the city of Kangaba in the west to Bamako in the east). Two magnificent, beautifully attributed works of traditional Bambara art were acquired in Bougouni for the collection of the State Museum of Oriental Arts: “Monkey” (*Warabilen*) and “Wild buffalo” (*Sigi*; *Sigifin*) masks. During the expedition, new and very significant data were obtained on the migrations of the Dogon from

the Mande Country to the Bandiagara Highlands. A lot of information has now been accumulated regarding how the Dogon came to their new homeland. They were published, including in Russian. But the Manding oral traditions about the exodus of Dogon are still little known. We have partially succeeded in making up for this shortcoming. Oral historical traditions about the exodus of the Dogon from the Mande Country are changeable, internally contradictory and extremely unstable narratives with confused chronology, filled with omissions and vague allusions. However, some conclusions can still be drawn: there is almost no doubt that the root cause of the Dogon leaving for the lifeless rocks of Bandiagara was some kind of difficult and bloody conflict, accompanied by numerous victims. It is also clear that there were several waves of resettlement, and the last Dogon left for the highlands in the middle of the second half of the 19th century. It was also possible to find out that the Bambara and Bozo puppets are not at all a secularized popular theater. The puppet society is associated with the *Koré* secret society, and is perhaps one of the most powerful Bambara societies, which in this case refers to three ethnic groups: the Bambara proper, the Bozo (Dogon partners in a marriage-prohibitive joking relations) and the Marka (Soninké). Ceremonies involving puppets are completely sacred (only members of the Society take part in them), semi-sacred (only men take part in them), and, finally, publicly available — everyone, including women and children, takes part in them.

Keywords: Mali, Dogon, Bougouni, migrations, masks, puppets

For citation: Vanyukova Daria V., Kutsenkov Pyotr A. 2022 Expedition to Mali. *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 86-102. DOI: 10.18254/S268684310021414-3

Научно-исследовательская экспедиция Института востоковедения РАН под руководством доктора культурологии П. А. Куценкова работает в Стране догонов с 2015 г. Задачей экспедиции является изучение трансформации традиционной культуры догонов в условиях глобализации, а также сбор этнографической информации (быт, нравы, особенности традиционного социального и политического устройства); сбор устных исторических преданий; изучение истории, бытования, а также трансформации художественной традиции в деревнях Страны догонов в современных условиях; сбор предметов этнографии и искусства для пополнения коллекции африканского собрания МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург) и Государственного музея Востока (Москва).

До 2019 г. все исследования были сосредоточены в Стране догонов (регион Мопти), причем, по преимуществу, в д. Энде (округ Банкасс, сельская коммуна Кани-Бонзони). Однако по причине резкого обострения положения в Мали, уже в 2020 г. все пошло не по плану: нам не удалось проехать в Страну догонов. Больше того, на блокпосте Гундака мы были задержаны на три дня по подозрению в пособничестве джихадистам (подробно см. [Ванюкова, Куценков, 2020, с. 14–16]). В силу этого обстоятельства при планировании исследований 2022 г. мы исходили из того, что Страна догонов будет по-прежнему недоступна. Так и получилось: мы были предупреждены, что, несмотря на отсутствие формальных запретов, наше присутствие в регионе Мопти было бы крайне нежелательно, т. к. могло помешать проводящейся там контртеррористической операции.

К слову, после появления в Мали российских военных инструкторов те задачи, с которыми французская армия не могла справиться на протяжении восьми лет, к моменту нашего приезда решались весьма успешно: регион Мопти был практически очищен от террористов. Явным показателем еще большего укрепления дружеского

Илл. 1. Марионетка в российской форме[1]
Fig. 1. Puppet in Russian uniform

Илл. 2. Полковник Ассими Гойта. Рисунок на грузовике
Fig. 2. Colonel Assimi Goita. Drawing on a truck

отношения к России может считаться тот факт, что марионетка, наряженная в форму с нашивкой «Армия РФ» заняла достойное место среди персонажей театра Соголон (см. ниже) (*Илл. 1*). Что касается военных переворотов в Мали в 2020 и 2021 гг., то не вызывает сомнения, что военная администрация во главе с полковником Ассими Гойта действительно пользуется всенародной поддержкой (*Илл. 2*).

Как бы то ни было, из-за нежелательности нашего присутствия в Стране догонов решено было сосредоточиться на Стране манде (регионы Куликоро и Кай, от г. Кангаба на западе до Бамако на востоке), и на районе г. Бугуни (регион Сикасо) на юге Мали.

Впервые мы посетили Бугуни в 2020 г. Тогда наша поездка носила предварительный характер: при первом посещении деревни естественная сдержанность ее жителей была вполне предсказуема, и мы не ожидали получить какую-либо значимую для самой деревни информацию или предметы традиционного искусства. С точки зрения деревенских жителей, мы были обычными проходимцами-*тубабу*, охотниками за артефактами, каковых в Мали видели немало. Несколько больше результатов удалось тогда получить в Стране манде. Так, поистине сенсационным результатом ее посещения стало твердое установление того факта, что догоны начали возвращаться на историческую родину: часть тиге Йалкуе (*Yalcouye, Yalkouye*), известная как «Суфи адама», т. е. суфии, стала возвращаться на историческую родину, которую они покинули во времена Самори Туре, т. е. примерно в 70-е гг. XIX в. Причиной их ухода с Нагорья Бандиагара стала угроза со стороны джихадистов (подробно см. [Ванюкова, Куценков, 2020, с. 20, 21]).

Поэтому в центре нашего внимания в 2022 г. и оказался г. Бугуни. Он расположен в 170 км к югу от Бамако, в 210 км к западу от регионального центра г. Сикасо и с 10 июля 1894 г. является административным центром одноименной

1 Здесь и далее все фото © авторов.

коммуны. Население города, являющегося важным транспортным узлом и центром хлопкоперерабатывающей промышленности, сейчас составляет ок. 50–60 тыс. человек. В этнографическом отношении город и его окрестности исследованы явно недостаточно: единственная обстоятельная работа по этнографии региона, «Священные шуты округа Бугуни» принадлежит перу Вивиан Пак и была опубликована еще в 1954 г. [Pâques, 1954]. Вместе с тем искусство этого региона представляет очень большой интерес своей необычностью.

Маски Бугуни

В этом сезоне мы посетили те же две деревни, что и в 2020 г. — Кола (*Kola*), расположенную на юге г. Бугуни, практически в городской черте, и Сиратого (*Siratogo*), находящуюся примерно в 20 км к северу от Бугуни по дороге на Бамако. На сей раз нас встречали как старых знакомых, что немало способствовало успеху миссии.

Еще в 2020 г., при посещении Кола, нам удалось обнаружить доселе неизвестный тип масок Чивара. Обычно эти маски представляют собой наголовники, а маски-личины были известны только в регионе Кай. Оказалось, что в Бугуни, наряду с наголовниками, тоже бытуют маски-личины Чивара, но стилистически они имеют мало общего с масками аналогичного типа из Кая.

Следует отметить, что эта маска и многие другие произведения искусства хранятся в музее, созданном местными жителями. Несколько лет назад здание музея было разрушено во время наводнения, и все артефакты были перенесены в совершенно неприспособленное для этого помещение, к тому же зараженное термитами, в результате чего многие скульптуры и маски оказались сильно повреждены насекомыми. В 2020 г., после консультации с реставратором ГМВ О. А. Мягковой, мы оставили устные рекомендации по обработке вещей и помещений музея для борьбы с термитами, но ничего сделано не было. В тот раз не имело смысла даже намекать на наше желание приобрести какой-либо из артефактов — это раз и навсегда испортило бы наши отношения с деревней.

Местные жители прекрасно осознают опасность безвозвратной утраты. Поэтому, после того как 8 февраля, во время визита к вождю деревни, мы предложили провести чистку музейных экспонатов и профилактику от дальнейшего заражения термитами, он с радостью согласился на это. При этом был задан вопрос: «Что вы хотите за это?». Мы честно ответили, что хотели бы получить одну из масок общества Коре, которые хранились в деревенском музее (*Илл. 3*). На следующий день сотрудники Государственного музея Востока Д. В. Ванюкова и А. В. Улитин закупили на рынке все необходимое, и мы явились в Кола. Тут же состоялось заседание попечительского совета музея (!), в который, к слову, наряду с мужчинами входят женщины деревни. Совет в течение 15 минут принял положительное решение. Следует отметить, что доверию к нам много способствовало то, что представлялись мы на языке бамана, и каждый из нас имеет малийское имя. Так, Дарья Владимировна Ванюкова зовется в Мали Мириам Гиндо (*Guindo Miriam*), Ольга Юрьевна Завьялова (Восточный факультет СПбГУ) — Джонтан Кейта (*Keiyta Jontan*), Андрей Викторович Улитин — Амаду Кейта (*Keiyta Amadou*), а Петр Анатольевич Куценков — Ансума Гиндо (*Guindo Ansouma*). Такое представление вызвало бурный восторг всех присутствовавших на собрании, и после этого между нами установились самые сердечные отношения. Затем Мириам и Амаду приступили к работе.

На первом этапе помещения были освобождены от предметов и столов, на которых размещалась местная экспозиция: участники экспедиции и члены попечительского совета разместили предметы под манговым деревом и приступили к обработке, которую вначале проводили только Амаду и Мириам. Деревенские жители внимательно следили за процессом работы и затем начали активно помогать. Обработка заняла несколько часов и сопрово-

Илл. 3. **Маска Обезьяны (Warabilen) общества Коре из деревни Кола**
ГМВ, Москва
Fig. 3. **Mask of the Monkey (Warabilen) of the *Koré* Society from Kola Village**
State Museum of Oriental Art, Moscow

ждалась вышучиванием по *сананкуйа*: Амаду и Мириам горячо и настоятельно рекомендовали вместо Кейта и Гиндо принять джаму Кулибали (как у всех жителей Кола). Уровень владения языком бамана не позволял, разумеется, отшучиваться на должной высоте, однако честь наших джаму посрамлена не была. Сананкуйа перемежалось расспросами о семьях, так что отдых от работы был занят увлеченным рассматриванием семейных фотографий из Москвы. Но П. А. Куценков и О. Ю. Завьялова в этом деле участия не принимали: перед ними стояла другая задача…

В деревне Сиратого в первый раз мы побывали в том же 2020 г. Там нас ожидал сюрприз в виде масок Сиги (*Sigi*), дикий буйвол, одна из масок общества Коре (*Koré*), которые в формально-стилистическом отношении гораздо ближе к искусству бобо, чем к «классическим» образцам традиционного искусства бамбара (особенно это относится к яркой полихромии).

Рядом с деревней Сиратого есть скала, называемая Сигифин (*Sigifin*, «Черное место», т. е. особое место, но также и «дикий буйвол»), где приносят жертвы местному «джинна» («духу»), исполняющему все желания. По словам местных жителей, как раз перед началом контртеррористической операции МАЛИКО в январе 2020 г., из Бамако приезжал очень важный военный, принесший на Сигифин жертву, дабы оградить себя от всех опасностей.

Тогда, в 2020 г., вождь деревни утвердительно ответил на вопрос, есть ли в деревне маски. Один из присутствовавших (как выяснилось впоследствии, вождь местного общества Коре) ушел и вернулся с двумя масками и с мальчи-

ком лет 10–11, который эти маски поочередно надевал. На наш вопрос, почему маску носит ребенок, вождь ответил, что в масках танцуют только дети. Таким образом, языческие обычаи в деревне живы, но соблюдение их возложено на детей. Иными словами, взрослые в деревне Сиратого, формально обращенные в ислам, снимают с себя ответственность за соблюдение языческих обрядов, но те все же продолжают исполняться.

Нам также показали несколько старых дверных засовов, но в ответ на вопрос, нельзя ли заказать такой же местному кузнецу, нам ответили, что того сейчас в деревне нет. Иными словами, приняли нас доброжелательно, но сохраняя вежливую дистанцию, что естественно для первого посещения деревни.

Во время второго визита в деревню 8 февраля 2022 г. положение изменилось: нас встретили уже как старых знакомых и сразу же отвели к Сигифин, где позволили принести жертву в виде красных («мужских») орехов кола и пообщаться с обитающим там джинна, которого тоже зовут Сигифин. После этого можно уже было завести разговор о приобретении артефактов. Тогда для коллекции ГМВ и было приобретено насколько дверных засовов, один из которых мы фотографировали в свой прошлый приезд еще закрывающим дверь [Ванюкова, Куценков, 2020, с. 24, *Илл. 6*]). Мы даже почти не торговались, поскольку цена была названа вполне разумная. Однако то, что в деревне есть те самые маски, вождь отрицал, утверждая, что их «увезли». Но вечером того же дня вождь деревни позвонил нам и сообщил, что есть возможность заказать маски у местного кузнеца, но выяснилось, что их изготовление займет не меньше двух недель, а таким временем мы не располагали. Тем не менее мы договорились встретиться на следующий день — на эту встречу и отправились О. Ю. Завьялова и П. А. Куценков, пока Д. В. Ванюкова и А. В. Улитин были заняты работой в музее д. Кола.

Когда мы приехали в Сиратого, вождя на месте на оказалось: он отправился на рынок. Казалось бы, встреча сорвалась, но, зная неторопливые малийские нравы, мы решили вождя дождаться. После полутора часов ожидания явился и вождь, который незамедлительно перешел к делу: по его приказу принесли объемистый мешок, из которого извлекли… те самые две маски (*Илл. 4*)! Трудно сказать, что повлияло на его решение продать их нам, но, вероятно, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что маски Сиги меняют каждые 15 лет, и как раз наступил срок такой замены. Возможно, повлияло на него и то, что мы проявили уважение к местным обычаям (принесли жертву Сигифин), а также наша щедрость при оплате прежних покупок.

Как бы то ни было, в Кола мы возвращались с заслуженным ощущением полного успеха. Там дела тоже шли хорошо: к нашему приезду обработка предметов и здания музея была закончена. Совет музея был настолько впечатлен деятельностью Мириам Гиндо и Амаду Кейта, что предложил нам выбрать еще одну вещь. Однако мы не стали злоупотреблять щедростью деревенских жителей, ограничились маской Обезьяны (*Warabilen*) общества Коре (*Илл. 3*), оставили подробные письменные инструкции по уходу за артефактами и расстались самыми добрыми друзьями.

В результате всех этих приключений ГМВ получил два великолепных, прекрасно атрибутированных произведения традиционного искусства бамбара, относящихся к малоизвестным типам. Так, если бы маска обезьяны попала бы к нам вне культурного контекста, мы бы были совершенно уверены, что это маска «Старая гиена» (*Surukukɔ̀rɔ*). Что касается маски «Дикого буйвола» (*Sigi*; *Sigifin*), то тут дело обстоит еще интереснее: во-первых, стилистически она имеет очень мало общего с другими масками общества Коре, и вообще с искусством бамбара; во-вторых, сам сюжет маски надежно укладывается в деревенский культурный контекст: главная деревенская святыня тоже носит название «Сигифин», и местное общество Коре явно связано с ней.

Илл. 4. **Маска Дикого буйвола (Sigi, Sigifin) общества Коре из деревни Сиратого**
ГМВ, Москва
Fig. 4. **Mask of the Wild Buffalo (Sigi, Sigifin) of the *Koré* Society from Siratogo Village**
State Museum of Oriental Art, Moscow

Исход из Страны манде Пророк[2] Амабире (Абире) Горо

В ходе экспедиции были получены новые и очень значимые данные о миграциях догонов из Страны манде на нагорье Бандиагара. Дело в том, что сейчас накоплено много сведений относительно того, как догоны пришли на свою новую родину — эти сведения, в том числе и записи устных исторических преданий, можно без труда найти в соответствующей, уже весьма обширной литературе (см. [Bilot, 2013, p. 4; Desplagnes, 1907, p. 193; Gallay et al, 1995, p. 26–28; L'Histoire de Endé[3]; N'Diaye, 1979, p. 190; Quand et comment Dogon et Bozo sont devenus cousins[4]]). Записи устных исторических преданий публиковались и на русском языке [Куценков, 2019; Описание деревни Семари, 2016].

Сейчас уже можно утверждать, что, несмотря на некоторые региональные различия между устными историческими традициями, и те, и другие вписываются в одну и ту же схему периодизации истории: сохраняется детальная информация об «историческом» периоде, который всегда начинается с того момента, когда данная группа приходит в деревню, как правило, существующую к тому времени. Предыдущий период, охватывающий время миграции данной группы и события, с ней связанные, описывается уже схематично — так, в памяти носителей устных исторических преданий сохраняются названия промежуточных населенных пунктов, где останавливалась данная группа, но их точное местонахождение они знают не всегда (д. Семари); обычно точно известны имена прародителей данной группы (д. Энде). В каждой традиции имеется также своего рода «доисторический» период — история деревни, предшествующая приходу данной группы. В случае с деревнями догонов, расположенными на скальном обрыве Бандиагара, можно говорить даже о до-доисторическом периоде: теллем предшествовала еще одна группа, которую в д. Сангха и ее окрестностях называют «толой» (*toloy*), а в районе Энде — «ногом» (*nôgôm*, *nɔgɔm*). Однако предание не сохранило ничего, кроме их названий. Типологически, эти исторические традиции ничем не отличаются от таковых у других народов Западной Африки (подробнее см.: [Куценков и др., 2020]).

Как уже говорилось выше, в ходе экспедиции 2020 г. нам удалось установить, что последняя миграция из Страны манде в Страну догонов случилась в 70-х гг. XIX в., из-за войн Самори Туре [Ванюкова, Куценков, 2020, с. 20, 21]. Однако нигде в литературе нам не удалось обнаружить какие-либо сведения относительно причин, заставивших догонов уйти из Страны манде в XIII–XV вв. В ходе экспедиции 2022 г. ясности в этом вопросе прибавилось: так, по сообщению профессионального гида из г. Кангаба Умара Кейта, догоны занимались разбоем и грабежами, и их сослали на дальнюю восточную границу империи Мали охранять ее. Версия, изложенная гриотами Дьембеле (*Djembelé*) из деревни Кела (*Kéla*, примерно в семи км к юго-западу от г. Кангаба) выглядит иначе: во-первых, исход догонов случился еще до правления Сунджаты Кейта, т. е. самое позднее в первой четверти XIII в. По словам гриотов, некогда в Кангаба жили два брата, которые поссорились со своими соседями. Конфликт произошел из-за женщины, которую звали Траоре (*Traoré*, имя одного из основных джаму (кланов) манде). Эта ссора переросла в спор о земле[5], и братья ушли сначала в деревню Сиби, а уже оттуда — на на-

2 Так (*prophète*) назвал его Сулейман Гиндо. По мнению же ван Беека, Сайе и Онгоиба более уместен термин «*voyant*», т. е. «ясновидящий».

3 L'Histoire de Endé. URL: http://ende-dogon-mali.over-blog.com/pages/LHistoire_de_Ende-2499366.html (accessed 17.12.2017).

4 Quand et comment Dogon et Bozo sont devenus cousins? Le Villageois. Quand les Traditions, Us et Coutumes meurent sous le poids de la Modernité. 27.09.2019. URL: https://levillageoissite.wordpress.com/2019/09/26/histoire-de-la-parente-a-plaisanterie-entre-dogon-et-bozo/ (accessed 02.10.2019).

5 Право на владение землей передается через жену.

горье Бандиагара. Одного из этих братьев звали Уологе (*Ouologué*), и от него происходит тиге (клан) Уологем (*Ouologuem*), вместе с кланом Тимбели (*Timbeli*) ставший основателем города Бандиагара.

К слову, версия гриотов-Дьембеле вроде бы окончательно опровергает «гриотскую» версию хартии манде, принятую в Курукан Фуга в 1236 г. Она восходит к гриоту Карамо Адама Диабате (*Karamɔ Adama Jabatɛ*) из Бананинкоро (*Bananinkɔrɔ*)[6]. По этой версии, среди воинов, принимавших участие в собрании, был некто Касим Гиндо, т. е. догон из тиге Гиндо, судя по имени, мусульманин. Во времена Сунджаты это было, мягко говоря, очень маловероятно: по некоторым версиям легенды об исходе из Страны манде в начале XIV в., тот был связан именно с неприятием ислама: «…во времена правления императора древнего Мали Канку Мансы Мусы четыре племени догонов (Ару, Дьон, Домно и Оно) отказались принять ислам и ушли в эту часть Сахеля» [Bilot, 2013, p. 4]. Если же исход догонов из Страны манде случился до правления Сунджаты, то ни о каком присутствовавшем на собрании Гиндо не могло быть и речи. Однако возможно и другое объяснение: предки Уологем были первой группой переселенцев, а Гиндо — второй или даже третьей, и, как следует из устного исторического предания квартала Энде-Во деревни Энде, они действительно ушли из Страны манде на рубеже XV–XVI вв., (подробно см.: [Куценков, 2019]). Многие другие информанты говорили, что догоны ушли из-за какого-то конфликта, но деталей этой истории они не знают, поскольку их она не касается.

Есть и третья версия, исходящая от смотрителя Дома охотников (*Donsoso*) по имени Дагаба Траоре (*Traore Dagaba*). По его словам, никакого конфликта вообще не было: догоны просто ушли из Страны манде. Любопытно, что в 2020 г. он утверждал нечто прямо противоположное: была междоусобная война, и охотники в этом конфликте выступили третейскими судьями, приговорив догонов к изгнанию. Но такая изменчивость не должна вызывать удивления: как заметили Валтер ван Беек, Антиме Доголу Сайе и Умару Самбо Онгоиба, «в Западной Африке эпос приспособлен к текущему политическому положению» [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 39]. Сейчас, во время борьбы с терроризмом, «текущее политическое положение» требует единства всех этнических и конфессиональных групп Мали, и поэтому носители устных традиций изымают любую информацию о конфликтах, даже тех, что давно стали историей. О четвертом варианте легенды об исходе догонов мы поговорим ниже. Оставался еще один вопрос, связанный на сей раз с возвращением догонов в Страну манде: откуда взялось пророчество о том, что рано или поздно догоны вернутся на историческую родину?

Как выяснилось, этого человека звали Абире (*Abirɛ*, сокращение от *Amabirɛ*, т. е. «Творение Господне») Горо (*Goro*). Ему посвящена только что упомянутая и недавно вышедшая монография [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020]. Однако те версии предания об Абире, что в ней изложены, заметно отличаются от рассказанной нам нашим давним информантом и другом Сулейманом Гиндо (д. Энде). Казус этот чрезвычайно интересен, и поэтому мы позволим себе остановиться на нем довольно подробно.

По краткой версии предания, изложенной нашим давним информантом Сулейманом Гиндо (*Илл. 5*), Абире родился от неизвестного отца. Уже будучи беременной, мать Абире вышла замуж за человека из тиге (клана, джаму) Горо. И вот, однажды Абире заговорил прямо из утробы своей матери. Старшая жена Горо услышала это, и тут же донесла тому, что его новая жена уже беременна. Горо немедленно ее прогнал.

По словам Сулеймана Гиндо, «*Абире родился слепым, но силою своего духа мог путешествовать по всему белу свету. Глаза его были закрыты, но он мог видеть и прошлое, и будущее. Он предсказал, что слова будут разноситься ве-*

6 La charte du Mandingue, 2015. Publication: 09.08.2015. URL : http://www.mandiana.com/publications/la-charte-du-mandingue (accessed 15.03.2021).

Илл. 5. **Сулейман Гиндо рассказывает О. Ю. Завьяловой (Восточный факультет СПбГУ) легенду об Абире**
Fig. 5. **Suleiman Gindo tells O. Yu. Zavyalova (Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University) the legend of *Abirɛ***

тром[7]*, и что для того чтобы путешествовать, люди будут заливать в автомобили бензин*[8]*. Наконец, он предсказал, что догоны рано или поздно вернутся на свою родину, в Страну манде. И действительно, туда вернулись уже 40 или 50 семей. И еще он предсказал, что будет некогда день, когда начнется большая война между пёль (фульбе) и догонами*[9]*.*

Аския Сонгаи Мухаммед прослышал об Абире, и велел ему явиться в Гао. Абире пришел туда и сказал: "Ты станешь таким же, как я". Тогда аския Мухаммед не понял, о чем идет речь, но перед смертью он ослеп. Тогда-то он и понял, о чем говорил пророк.

Амабире завещал похоронить его вместе со своим коне *(koné)*[10]*. Но из-за ревности и зависти злые люди похоронили его без* коне, *и тот исчез. Абире говорил, что, если похоронить его правильно, то родится великий пророк. Но, поскольку похоронили его неправильно, то родился всего лишь шейх Саля Карамбе.*

В день смерти Амабире видели сразу в двух местах — и в доме его матери, и в доме его отца[11]*, и в этом он подобен пророку Мухаммаду. Поэтому мы, догоны, считаем, что последним пророком был не Мухаммад, а Амабире — подобно Иисусу, отец его неизвестен, и, как Мухаммада, перед смертью его видели в двух местах.*

Есть две могилы Амабире — одна в доме отца, где покоится его тело, но нет его коне. Вторая могила находится в доме его матери, и она пуста. Обе могилы Амабире находятся в округе Коро.

Всего же в Мали было пять шейхов:
Саля Карамбе, догон;
Эль Хадж Умар Талль, тукулёр;
Секу Амаду из Масины, фульбе;
Секу Амаля, араб;
Аския Мухаммед из Гао».

Эта версия предания сильно разнится с теми, что можно найти в монографии ван Беека, Сайе и Онгоиба. Прежде всего, собранные ими традиции более детальны, но, подобно всем подобным историям, сильно варьируются от деревни к деревне. Сулейман не упомянул ни имени матери Абире, ни деревни, где он родился. В других версиях предания называется и то, и другое: мать Абире звали Йакумбо (*Yakumbo*)

7 По мнению догонов, переданному нам Сулейманом, речь шла о телефонах, причем, по преимуществу, сотовых.
8 «*Pour voyager, les gens vont verser de l'essence dans les voitures*».
9 По мнению Сулеймана Гиндо, Абире предсказал события 2012–2020 гг.
10 Щипковый струнный музыкальный инструмент, аналогичный нкони (*nkoni*) у народов манде.
11 Имеется в виду отчим Амабире, Горо.

по версии деревни Ирели (*Ireli*); по версии деревни Иби (*Ibi*) она носила имя Патен Буро (*Paten Buro*); в деревне Йендума (*Yendouma*) считают, что ее звали Агаджуне (*Agajune*) [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 13]. И это далеко не полный список имен. Не меньше вариантов и названий деревень, где, по разным версиям предания родился пророк. Эта сумятица традиций усугубляется тем, что даже само понятие «хронология» к ним неприменимо.

Так, Сулейман Гиндо заявил, что Абире жил в XVII–XVIII вв.; часть информантов ван Беека, Сайе и Онгоиба сообщала, что Абире жил в XVI в. [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 39], т. е. он действительно мог встречаться с аскией Мухаммедом (1493–1528). Другие утверждали, что Абире жил примерно 240 лет назад, т. е. около 1760 г., и именно эта дата представляется более обоснованной [Beek van, Saye, Ongoiba, 2020, p. 40]. Следовательно, ни о какой встрече с аскией Мухаммедом не может быть и речи. Однако само упоминание владыки Сонгаи в контексте легенды об Абире весьма симптоматично: во-первых, сонгаи являются партнерами догонов по шуточному родству; во-вторых, упоминание аскии Мухаммеда и малийских шейхов привязывает историю Амабире к исламу, точнее, помещает и пророчество о возвращении в Страну манде, и саму культуру догонов, и всю культуру Мали в контекст мусульманской цивилизации.

Мы бы не стали столь подробно останавливаться на предании об Абире, если бы не одно обстоятельство: с ним косвенно связана другая история, уже совершенно не легендарная. Когда Сулейман упомянул о том, что, во исполнение пророчества, уже 40 или 50 семей вернулись на историческую родину, у нас немедленно возник вопрос, кто это, поскольку в 2020 г. мы установили, что возвращаются туда по преимуществу «Суфи Адама» из тиге Йалкуе (подробно см. [Ванюкова, Куценков, 2020, с. 20, 21]). Тут-то и выяснилось, что, по сведениям Сулеймана, в деревне Догоро (*Dogoro*) живет догонская семья, переселившаяся туда уже довольно давно. Разумеется, на следующий день, 15 февраля 2022 г. мы выехали в Догоро.

По мнению жителей деревни, сообщенному нам ее вождем Каронка Кейта (*Keiyta Karonka*), именно она и была тем центром, откуда вышли все мандеязычные этносы, т. е. по происхождению они все манинка. Так, Кулибали (бамбара) из Сегу, как сообщают жители Догоро, тоже когда-то были манинка, и они тоже вышли из этих мест[12]. Что касается догонов, то, по версии Догоро, они покинули Страну манде из-за опасностей, которые несла работорговля: деревни Страны манде постоянно подвергались нападениям работорговцев, причем, как считают в Догоро, положение усугубилось уже «после Сунджаты», т. е. после принятия хартии Курукан Фуга в 1236 г., работорговлю запрещавшей. Следующая волна миграции догонов имела место при правлении Канку Мусы (1307/1312–1332/1337), сделавшего ислам официальной религией империи Мали. Прославился он прежде всего своим паломничеством в Мекку в 1324/1325 гг. Согласно устной традиции Догоро, причиной ухода второй волны переселенцев стало именно неприятие ислама. В этом традиция Догоро точно соответствует части догонских традиций. Наконец, третья волна связана с Самори Туре (около 1830–1900), в 1870-х гг. Надо заметить, что этот признанный борец за независимость Африки в Стране манде оставил

12 Косвенно об исходе из единого центра и о конфликте, бывшем причиной этого переселения, говорится в одном из вариантов легенды о том, как догоны и бозо стали братьями. В ней говорится о том, что однажды Бозо и Догона ложно обвинили в краже курицы: «*…Кейта не смог найти свою курицу. Он обвинил своих братьев в том, что те ее у него украли, и велел им принести курицу оттуда, где они ее прячут, — а иначе они будут нести ответственность за дальнейшие события. Кейта дал им время, но, если к назначенному времени он не увидит свою курицу, их убьют. Это решение напугало обоих обвиняемых, поскольку они знали, что их старший брат был человеком слова*». См.: Quand et comment Dogon et Bozo sont devenus cousins? *Le Villageois. Quand les Traditions, Us et Coutumes meurent sous le poids de la Modernité*. 27.09.2019. URL: https://levillageoissite.wordpress.com/2019/09/26/histoire-de-la-parente-a-plaisanterie-entre-dogon-et-bozo/ (accessed 02.10.2019).

Илл. 6. **Остатки оборонительных сооружений в Догорокоро**
Участники экспедиции стоят в северо-западном углу остатков крепостных стен
Fig. 6. **Remains of fortifications in Dogorokoro**
Members of the expedition stand in the northwestern corner of the remains of the fortress walls

о себе самую недобрую память: там он воевал не с французами, а с местным населением. По этой причине догоны и ушли на нагорье Бандиагара.

В деревне нам сообщили, что действительно на месте старой деревни Догоро, Догорокоро (*Dogorokoro*), в двух километрах от Догоро, живет семья догона-марабута Усмана Гиндо (*Guindo Ousman*). Визит к нему оказался очень интересным и полезным. Прежде всего, по словам Усмана Гиндо, он совершенно сознательно выбрал для поселения это место, поскольку именно оттуда когда-то вышли его предки. Указывая на окруженную невысокими холмами долину, в центре которой расположен его дом, Усман Гиндо сказал: «Все это — Страна догонов». Весьма симптоматично, что у сопровождавшего нас сына вождя Догоро, это замечание никаких возражений не вызвало, т. е. в сознании местных жителей земля, когда-то догонами покинутая, по-прежнему остается их собственностью.

Семья Усмана Гиндо, состоящая из него самого, двух его жен и пятерых детей, живет вне деревни, что совершенно нетипично для Страны манде, но является нормой для Страны догонов — во время поездок по нагорью Бандиагара нам попадалось множество таких «хуторов». Семья ушла из деревни Сонго, что расположена примерно в 20 км к северу от г. Бандиагара, в 2013–2014 г., причем, по словам самого Усмана, это не было связано с начавшейся в 2012 г. войной: переселение началось еще в 80-х гг. прошлого века. Впрочем, тут Усман Гиндо, возможно, слукавил: для *марабута* (т. е. суфия) и его семьи сунниты-джихадисты особенно опасны. Но Усман Гиндо произвел на нас впечатление чрезвычайно независимого и гордого человека, которому, разумеется, нелегко было сознаться в проявленной слабости. Да и с нами он вел себя более чем сдержано. Только узнав, что Сулейман тоже Гиндо, а двое из нас адоптированы кланом Гиндо, он слегка оттаял и показал нам свои владения. Тут-то и выяснилось, что они представляют собой интересный археологический объект: одно из полей расположено на месте старой, покинутой деревни, причем, хорошо видны следы оборонительных стен или валов почти квадратной формы (*Илл. 6*). Оборонительные сооружения в малийских деревнях — явление чрезвычайно редкое. Нам известна только одна деревня, где также сохранились следы оборонительных стен — это Кани-Гогуна в округе Бандиагара в Стране догонов.

На поле встречается подъемный материал в виде фрагментов керамики. Усман Гиндо рассказал, что во время обработки поля не раз находил также железные изделия и, что наиболее важно, фрагменты глиняных курительных трубок. Таким образом, поселение должно было существовать, по крайней мере, еще в XVIII в., когда в Западной Африке получил распространение табак. Но с учетом других сведений с высокой долей вероятности можно предположить, что деревня была покинута еще позже, а именно, во времена Самори Туре.

Таким образом, устные исторические предания об исходе догонов из Страны манде представляют собой изменчивые, внутренне противоречивые и крайне нестабильные повествования со спутанной хронологией, наполненные умолчаниями и невнятными намеками. Эти особенности вполне характеризуют специфику устных исторических преданий внутри полиэтничного традиционного общества, в котором во избежание разного рода конфликтных ситуаций действует система «сдержек и противовесов». Однако кое-какие выводы сделать все-таки можно: почти не вызывает сомнений, что первопричиной ухода догонов на безжизненные скалы Бандиагара был именно некий тяжелый и кровавый конфликт, сопровождавшийся многочисленными жертвами. Понятно также, что произошло несколько волн переселения, и последние догоны ушли на нагорье в середине второй половины XIX в.

Марионетки бозо и бамбара Соголон

Марионетки бамбара и бозо нельзя назвать малоизвестным жанром малийского традиционного искусства. Они довольно широко пред-

Илл. 7. **Выступление театра марионеток Соголон на фестивале Огобанья 28 января 2022 г.**
Fig. 7. **Performance of the Sogolon Puppet Theater at the Ogo Banya Festival on January 28, 2022**

ставлены в музейных и частных коллекциях. В частности, их много в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге в коллекциях, собранных в Мали выдающимся советским и российским этнографом В. Р. Арсеньевым (1948–2010). Эти вещи нередко появляются на аукционах африканского искусства, а в интернете можно найти немало видеозаписей церемоний с их участием. Однако серьезные академические публикации о театре марионеток практически отсутствуют. Пожалуй, самым информативным является небольшой каталог выставки, устроенной в 2004 г. в Лондоне *Handspring Puppet Company* [Jones, 2004]. Все остальные публикации представляют собой скорее критические статьи, чем серьезные академические штудии.

По умолчанию, считалось и считается, что театр марионеток представляет собой практически полностью секуляризированный и изрядно модернизированный жанр традиционного малийского искусства. Однако в 2022 г. близкое знакомство с Обществом Соголон (*Илл. 7*) в Бамако показало, что дело обстоит гораздо сложнее.

Лидер Соголон Йайа Кулибали является прямым потомком царя Сегу Мамари Битона Кулибали (1689–1755), его семья занимается марионетками уже семь поколений, т. е. не менее двухсот лет. Наиболее важным полученным от него сообщением оказалось то, что марионетки вовсе не являются секуляризованным театром. Общество марионеток связано с обществом Коре, и является, пожалуй, одним из самых влиятельных тайных обществ бамбара, под кото-

рыми в данном случае понимаются три этноса: собственно бамбара, бозо (партнеры догонов по бракозапретительному шуточному родству) и марка (сонинке). Церемонии с участием марионеток бывают полностью сакральны (в них принимают участие только члены Общества), полусакральны (в них принимают участие только мужчины, по преимуществу, вожди и старейшины), и, наконец, общедоступны — в них принимают участие все, включая женщин и детей, которые, как правило, не могут видеть сакральные церемонии и принимать в них участие. В целом, марионетки и их бытование в современном малийском обществе нуждаются в дальнейшем изучении, и им будет посвящена отдельная статья. Пока отметим лишь, что в Бамако и Сегу нам удалось приобрести несколько масок и марионеток — ключевых персонажей марионеточного действа — для коллекции ГМВ: нильского окуня (*Capitaine* или *Salen)*, Фаро *(Faro)*, невинной девушки (Нпоготиги, *Npogotigi)*, льва Вараба *(Waraba)*, Старую Гиену *(Surukukэrэ)*, а работа с информантами позволила сопоставить данные о марионетках и их производстве как в Маркала, откуда они поступают в Сегу, так и в Бамако, где Йайе Кулибали удалось не только продолжить семейную традицию работы в обществе марионеток, но и успешно войти в мир современного театрального искусства на международном уровне — Соголон регулярно проводит гастроли не только вне Мали, но и за пределами Африки, с успехом выступая во Франции, США, Юго-Восточной Азии.

***

В целом, малийский полевой сезон 2022 г. оказался очень продуктивным: если бы дело ограничилось только приобретением неизвестных до сих пор типов масок для коллекции ГМВ, то одно это было бы важным достижением. Однако нам удалось прояснить историю миграций догонов из Страны манде на нагорье Бандиагара, получить достаточно полую информацию о пророке Абире, предсказавшим возвращение догонов на их историческую родину, получить совершенно новые сведения о марионетках и, наконец, приобрести множество интереснейших артефактов для коллекции ГМВ.

Список литературы / References

Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Экспедиция в Мали в 2020 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 12–28 [Vanyukova D. V., Kutsenkov P. A. Expedition to Mali in 2020. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 3. Pp. 12–28 (in Russian)].

Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов). *Восток* (*Oriens*). 2019. № 4. С. 51–59. [Kutsenkov P. A. Oral Traditions of Endé Village (Dogon Country). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 51–59 (in Russian)].

Куценков П. А., Гиндо Б., Кассамбара М., Завьялова О. Ю. Периодизация истории в устных исторических преданиях догонов и манден. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2020. Т. 12. Вып. 1. С. 100–112. [Kutsenkov P. A., Guindo B., Kassambara M., Zavyalova O. Yu. Periodization of History in the Oral Historical Legends of the Dogon and Manden. *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies*. 2020. Vol. 12. Issue. 1. Pp. 100–112 (in Russian)].

Описание деревни Семари, составленное ее вождем Буреима Гандеба. Пер. и комм. П. А. Куценкова. *История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов.* Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2016 [Description of the Village of Semari, Compiled by Its Chief Bureima Gandeba. Tr. and comm. by P. A. Kutsenkov. *The History of Africa: People and Destinies: A Collection of Documents and Materials.* Ed. by T. M. Gavristova. Yaroslavl: Filigran', 2016 (in Russian)].

Beek van W. E. A., Saye A. D., Ongoiba O. S. *Chanter le baja ni. Abirè le Voyant Dogon*. ASC occasional publications, 37. Leiden: ASCL, 2020. — 288 p.

Bilot A. Un peuple étrange: les Dogon du Mali… *Mémoires de l'Académie des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Touraine*. 2013. Vol. 26. Pp. 1–9, 42.

Desplagnes L. *Le plateau central Nigérien: une mission archéologique et ethnographique au Soudan français*. Paris: Larose, 1907. — 504 p.

Gallay A., Huysecom A., Mayor A. Archéologie, histoire et traditions orales: trois clés pour découvrir le passé dogon. *Die Kunst der Dogon. Museum Rietberg Zürich*. Zürich: Museum Rietberg, 1995. Pp. 19–44.

Jones B. *Patrimony*. London: Creda Communications, 2004. —39 p.

N'Diaye B. *Groupes ethniques au Mali. Bamako*. Editions Populaires, 1979. — 480 p.

Pâques V. Bouffons sacrés du Cercle de Bougouni. *Journal de la Société des africanistes*. 1954. Tome 24. Fascicule 1. Pp. 63–110.

Электронные источники / Electronic Sources

L'Histoire de Endé. URL: http://ende-dogon-mali.over-blog.com/pages/LHistoire_de_Ende-2499366.html (accessed 17.12.2017).

La charte du Mandingue, 2015. Publication: 09.08.2015. URL: http://www.mandiana.com/publications/la-charte-du-mandingue (accessed 15.03.2021).

Quand et comment Dogon et Bozo sont devenus cousins? *Le Villageois. Quand les Traditions, Us et Coutumes meurent sous le poids de la Modernité*. 27.09.2019. URL: https://levillageois-site.wordpress.com/2019/09/26/histoire-de-la-parente-a-plaisanterie-entre-dogon-et-bozo/ (accessed 02.10.2019).

DOI: 10.18254/S268684310021415-4

Романтика по-лютерански
Миссионеры Транкебара в поисках спутниц жизни

Lutheran Romance
Missionaries of Tranquenar in Search for Life Companions

© 2022 **Ксения Дмитриевна Никольская**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
sniff0210@gmail.com
ORCID ID 0000-0001-5996-6318

Xeniia D. Nikolskaia

PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
sniff0210@gmail.com
ORCID ID 0000-0001-5996-6318

В начале XVII в. в Европе была создана Датская Ост-Индская компания, опорным пунктом которой в Индии стал город Транкебар в 250 км от Мадраса. В начале XVIII в. на Коромандельском побережье появились первые лютеранские миссионеры — Бартоломеус Цигенбальг и Генрих Плютшау. Именно в это время на индийском Юге была создана Датская королевская миссия, финансировавшаяся королем Фредериком IV, состоявшая в основном из немцев, выпускников университета саксонского города Галле, оплота пиетизма в Германии. С течением времени росло и количество европейских священнослужителей в Транкебаре, и количество новообращенных из числа местных жителей. Работа в многочисленной христианской общине требовала от миссионеров много сил и времени. Через три года после прибытия в Транкебар миссионеры приняли решение о необходимости некоторым из них вступить в брак с девушками из Германии, способными стать надежными помощницами в их нелегком труде. Статья повествует о поисках миссио-

нерами невест в Европе и о двух брачных союзах, которыми эти поиски увенчались: Цигенбальг женился на Марии Доротее Зальцман, а его друг Иоганн Эрнст Грюндлер вступил в брак в Транкебаре, не дожидаясь невесты из Европы. Изложенные матримониальные истории позволяют нагляднее понять, как в истории миссионерского движения выглядел «пиетизм в действии» и одновременно оживляют историю христианизации Востока частными деталями, добавляя человеческие черты основоположникам востоковедной науки — каковым, безусловно, является для тамилистики Бартоломеус Цигенбальг.

Ключевые слова: Индия, Транкебар, Цигенбальг, Датская королевская миссия, Университет Галле

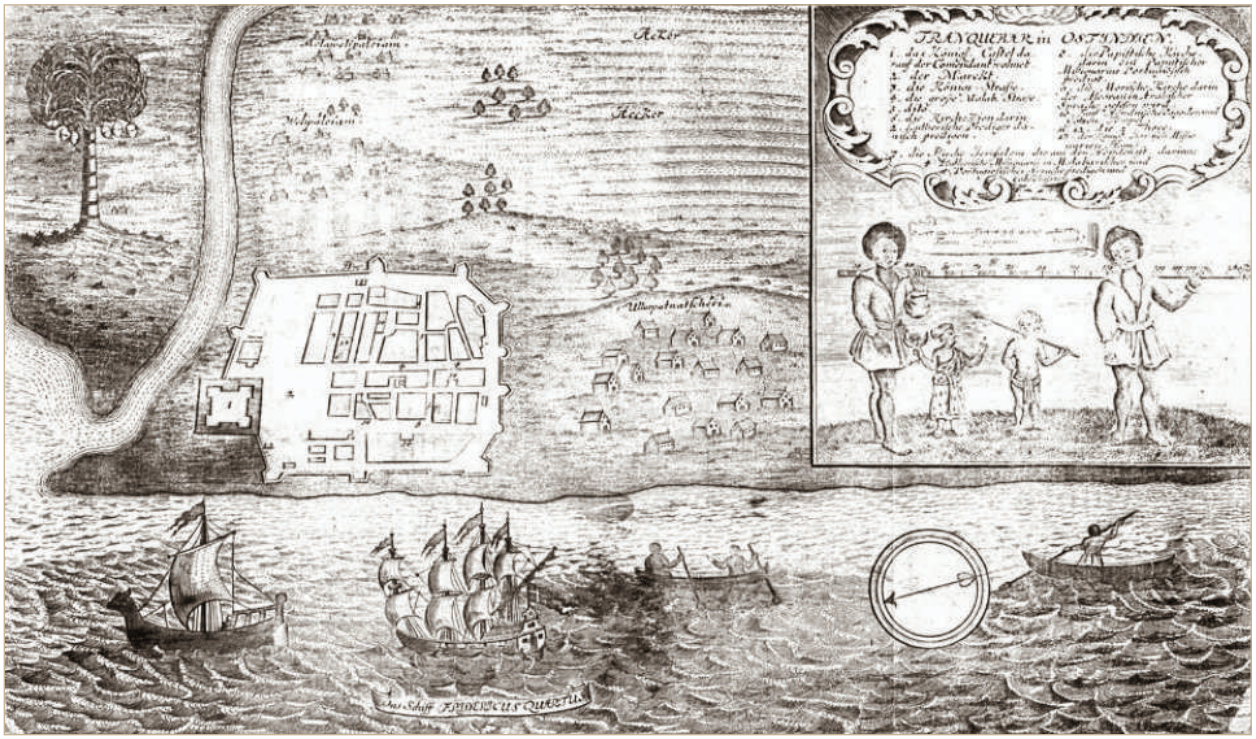
Для цитирования: Никольская К. Д. Романтика по-лютерански. Миссионеры Транкебара в поисках спутниц жизни. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 103-114. DOI: 10.18254/S268684310021415-4

The Danish East India Company (Dansk Østindisk Kompagni) was established in Europe at the beginning of the 17th century. Its stronghold in India was the city of Trankebar (Dansborg Fortress), located 250 km from Madras. In the early years of the 18th century, the first Lutheran missionaries, Bartholomäus Ziegenbalg and Heinrich Plütschau, appeared on the Coromandel Coast. It was at this time that the Danish Royal Mission, financed by King Frederick IV, was established in the Indian South. It consisted mainly of Germans, graduates of the University of Halle in Saxony, a bastion of pietism in Germany. As time passed, the number of European clergymen working in the Tranquebar grew, as did the number of local converts. Working in a large Christian community required a great deal of time and energy on the part of the missionaries. At some point, they began to use the Tranquebar neophytes for this work as well. But this did not solve all problems. Three years after their arrival in Tranquebar, the missionaries decided that some of them, Ziegenbalg himself, Plütschau, and Johann Ernst Gründler, who had just arrived in India, should marry women from Germany who would be reliable assistants in their difficult work. The prospective brides had to conform to the pietist concept of piety and devotion to the Lord. The article relates the missionaries' search for brides in Europe and the two partnerships that resulted: Bartholomäus Ziegenbalg married Maria Dorothea Salzmann after a trip to Europe from 1714 to 1716, while his friend ohann Ernst Gründler married at Tranquebar without waiting for a bride from far away from Europe. His bride of choice was Utilia Elisabeth. These matrimonial histories provide a clearer picture of what "pietism in action" looked like in the history of the missionary movement while enlivening the history of the Christianization of the East with personal details and adding human traits to the founders of Orientalism-as Bartholomäus Ziegenbalg certainly is for Tamilism.

Keywords: India, Tranquebar, Ziegenbalg, Danish Royal mission, University of Halle

For citation: Nikolskaia Xeniia D. Lutheran Romance. Missionaries of Tranquenar in Search for Life Companions. *Oriental Courier.* 2022. № 1. Pp. 103-114. DOI: 10.18254/S268684310021415-4

С начала XVIII в. на Коромандельском побережье в Индии работали представители Датской Королевской миссии. Миссия эта, впрочем, вопреки названию, в основном состояла из немцев, выходцев из саксонского города Галле и выпускников Галльского университета. Местом их дислокации на индийском Юге стал город Транкебар *(Илл. 1)*, примерно в 250 км от Мадраса. С тех пор как в 1706 г. здесь появились первые лютеранские пасторы — Бартоломеус Циген-

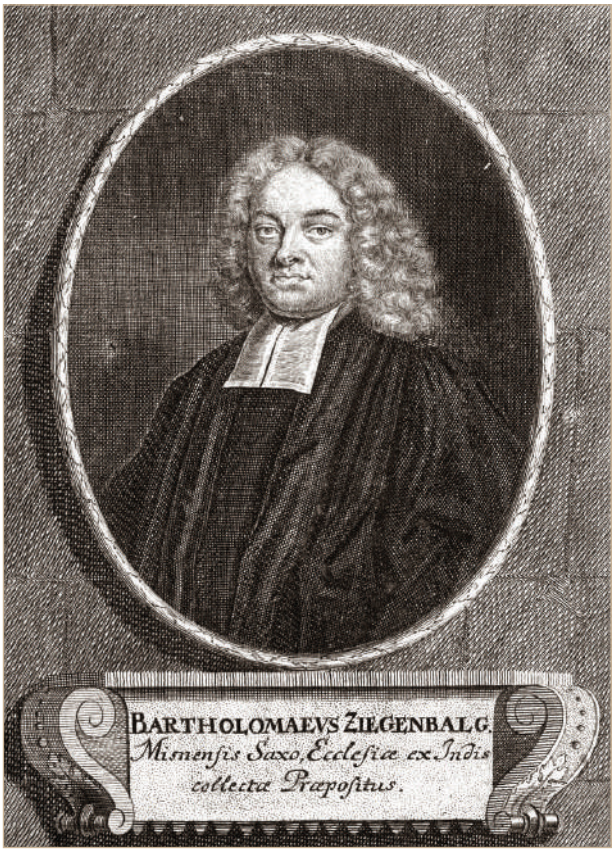


Илл. 1. Транкебар в Восточной Индии
Tranquebar in East India
По: URL: https://digital.francke-halle.de/fsdhm/periodical/pageview/144401 (accessed 11.04.2022)

бальг *(Илл. 2)*[1] и Генрих Плютшау[2], количество работников миссии увеличивалось, а позднее за счет неофитов из местного населения неизменно росла и численность христианской общины. Открылись школы для детей местных жителей, начала строится кирха, была создана типография, в которой печаталась христианская литература, переведенная самими же миссионерами на местные языки. Помимо этого, Цигенбальг регулярно отправлял в Галле подробнейшие отчеты о работе миссии, содержавшие исчерпывающие сведения как о постепенной христианизации «слепых язычников» (*Blinde Heiden*), так и о специфике местной культуры и традиций. Средства (которых, если судить по документам, всегда не хватало) на бурную просветительную деятельность поступали в основном из Европы: как в виде выплат от датской короны, так и в форме

1 Бартоломеус Цигенбальг (Bartholomäus Ziegenbalg; 1682–1719) — лютеранский миссионер, получивший образование в Галльском университете. Считается первым европейцем, изучившим тамильский язык («*die malabarische Sprache*»). Прибыл в Транкебар в 1706 г. и прожил там с двухгодичным перерывом до самой смерти в 1719 г. Переводил Священное Писание на тамильский, основал в Транкебаре типографию, в которой и после его смерти печаталась христианская литература. При жизни Цигенбальга в Галле было опубликовано его исследование тамильского языка (*Grammatica Damulica*). Фундаментальное исследование о южноиндийской религии («*Genealogie der Malabarischen Götter*») было напечатано лишь спустя длительное время после смерти пастора.

2 Генрих Плютшау (1677–1752) — лютеранский миссионер. Родился в Везенбурге (Мекленбург), учился в Галле, принял сан в Копенгагене в 1705 г., откуда и отправился 29 ноября 1705 г. вместе с Бартоломеусом Цигенбальгом в Индию. В Транкебаре жил и работал с июля 1706 г. до сентября 1711 г. В 1711 г. вернулся в Европу. Был пастором Бейенфлиета в Гольштейне, где и скончался 4 января 1752 г. [*Annotated Bibliography...* 2010, p. 27].



Илл. 2. **Бартоломей Цигенбальг**
Bartholomäus Ziegenbalg
По: URL: https://digital.francke-halle.de/fsdhm/periodical/titleinfo/162800 (accessed 11.04.2022)

Илл. 3. **Иоганн Эрнст Грюндлер**
Johann Ernst Gründler
По: URL: https://www.britishmuseum.org/collection/term/AUTH223619 (accessed 08.04.2022)

добровольных пожертвований от европейских христиан. Однако помимо денег такая работа требовала от пасторов полной самоотдачи и оставляла им крайне мало времени и сил на что-либо иное, помимо богоугодной деятельности «во славу Господа». Если судить по письмам Цигенбальга, день его был расписан буквально по минутам, времени не всегда хватало даже для того, чтобы своевременно ответить на послания друзей и коллег в Европе.

Силами одних миссионеров справиться со столь колоссальным объемом работы было нереально. Потому сотрудники миссии стали активно привлекать к работе местных жителей — прежде всего, из числа неофитов. Крещеные индийцы очень рано начинают появляться в письмах и отчетах из Транкебара в качестве не только домашних слуг, но и школьных наставников, воспитателей, писарей, переплетчиков, а иногда даже и переводчиков. И все же помощников не хватало. К примеру, нужны были наставницы и воспитательницы в школе для девочек — для этого иногда привлекали отучившихся в миссионерской школе местных девочек. Услугами местных дам из Европы не пользовались, судя по всему, из принципиальных соображений: их моральный облик и «степень преданности Господу» вызывали у пасторов большие сомнения. Помимо воспитательниц миссионеры остро нуждались в людях, которые взяли бы на себя

обеспечение быта для них самих, и хотя осенью 1709 г. Цигенбальг радостно сообщает, что у них появился свой повар [Ziegenbalg, 1955, p. 136], всех проблем это не решило. И вот, тогда же в письмах в Европу появляется новая тема — тема брака: трое из четырех работников миссии, а именно Цигенбальг, Плютшау и прибывший в Транкебар летом 1709 г. Иоганн Эрнст Грюндлер (Johann Ernst Gründler; *Илл. 3*)[3] принимают решение жениться.

Вероятно, впервые эта идея пришла в голову вовсе не миссионерам и была вызвана не только бытовыми сложностями. Известна печальная история тюремного заключения, в котором глава миссии Бартоломеус Цигенбальг провел несколько месяцев по приказ злейшего врага — губернатора Йогана Сигизмунда Хассиуса (Johan Sigismund Hassius) [Никольская, 2021 (a), с. 100–110]. В письмах из Транкебара в Европу сохранились детали этой истории. В одном из посланий Цигенбальга есть рассказ о том, как Хассиус навестил его в тюрьме, где между ними состоялся семичасовой разговор: «*…хотя наедине мы говорили искренне и неоднократно высказывались весьма жестко, в конце концов, подали друг другу руки, пообещав, что отныне будем жить как друзья и христиане ради дела Господа и нашего всемилостивейшего Короля*»[4]. Вероятно, в этой задушевной беседе впервые была озвучена идея женитьбы для миссионеров, и озвучена она была именно Хассиусом. В одном из писем[5] Цигенбальг повествует о пребывании в тюрьме, в том числе — о визите супругов Хассиус. По словам пастора, комендант выдвинул условия, на которых миссионеры смогут беспрепятственно продолжать деятельность. Одним из них и было вступление в брак: Цигенбальг и Плютшау должны жениться на двух юных норвежках из достойных семей. «*Причина, по которой он этого требует, совершенно очевидна*», — полагал пастор: Хассиус хотел таким образом «*затянуть петлю у нас на шее*»[6] [Ziegenbalg, 1955, p. 125]. К этому заманчивому предложению комендант возвращался неоднократно. Потому вполне вероятно, что, не желая иметь у себя в доме норвежских соглядатаев «из достойных семей», миссионеры затеяли историю с поиском кандидатур для вступления в брак среди немецких девиц.

В письме к ректору Иоахиму Ланге (Joachim Lange)[7] в Берлин от 7 октября 1709 г., Цигенбальг сообщает о решении найти достойных девиц из Германии, организовать их переезд в Транкебар, где и вступить с ними в брак [Ziegenbalg, 1955, p. 122–125]. Далее он в тринадцати тезисах подробно разъясняет, почему брачные союзы столь необходимы. Среди аргументов присутствуют следующие:

- Постоянно заботящиеся о многочисленной пастве миссионеры сами остро нуждаются во внимании и заботе — в том, чтобы кто-то готовил для них пищу;
- Миссионерам требуются помощницы в ведении обширного хозяйства в доме, где, считая учеников, проживает более 50 человек[8];
- Детям, живущим и обучающимся в миссионерских школах, нужна женская ласка и внимание;

3 Иоганн Эрнст Грюндлер (1677–1720), друг и коллега Б. Цигенбальга. Одной из сторон деятельности Грюндлера было изучение (по тамильской литературе и личным наблюдениям) индийской медицины. Созданный им манускрипт “Medicus Malabaricus” не был опубликован и хранится в рукописном виде в архиве Франке в Галле [Dharmapal-Frick, 1994, p. 106, 151–152].

4 Здесь и далее перевод автора [*К. Н.*].

5 Письмо, вероятно, было отправлено за спиной местных властей, не гнушавшихся контролировать переписку миссионеров с Европой.

6 В тексте письма: «*das Seil auf die Hörne ziehen*» — букв. «затянуть веревку на рогах».

7 Иоахим Ланге (1670–1744) — ученик, а затем и коллега А. Г. Франке. Преподаватель теологии, философии и филологии в Галле и Берлине. По: *Franckesche Stiftungen.* URL: https://www.catalogus-professorum-halensis.de/lange-joachim.html (accessed 08.04.2022).

8 Действительно, часть детей из бедных семей на постоянной основе жила при миссионерских школах, где помимо знаний, получала пищу и одежду [Никольская, 2021 (b), с. 157–168].

- Жены из Германии могли бы оказать пасторам содействие в ведении корреспонденции на немецком языке;
- Если миссионеры вступят в брак, община будет им больше доверять.

Последний пассаж становится понятным, если вспомнить, что большая часть бывших воспитанников Галльского университета вместе со их наставником А. Г. Франке (August Hermann Francke) относилась к числу пиетистов, то есть к движению внутри лютеранской церкви, уделявшему особенное внимание личному благочестию [Крыштоп, 2018, с. 81–98]. Потому тема личного примера праведного поведения красной нитью проходит через все материалы миссии.

В тезисах Цигенбальга, конечно, нет ни намека на романтику. Все аргументы в пользу женитьбы формулируются безотносительно личных привязанностей, а лишь из сугубо практических соображений. Пасторам нужны были не возлюбленные, а верные спутницы жизни, «боевые подруги», которые искренне и охотно разделили бы с ними все тяготы жизни и работы в Транкебаре. Потому и к выбору таковых они подходили в высшей степени рационально.

Как далее пишет Цигенбальг в письме к Ланге, все обстоятельства привели к тому, что трое миссионеров: он сам, Иоганн Эрнст Грюндлер и Плютшау, «во имя Господа» (*im Namen des Herrn*) приняли решение жениться, выписав себе невест из Германии [Ziegenbalg, 1955, p. 123]. Цигенбальг остановил выбор на девице по имени Юлиана Пёнике (Juliana Pönicke), о существовании которой ему напомнил Грюндлер и с которой сам пастор некогда был знаком, ибо бывал в доме ее родителей. Цигенбальг помнил о ней, с его точки зрения, главное: она была крепка в вере (*ernstlich in ihrem Christentum*). Грюндлер же, также позднее встречавшийся с ней, замечал, что она необыкновенно одарена от природы (*von Gott sonderbare Gaben empfangen*). Тема внешних данных и возраста в тексте не появляются вовсе, очевидно, как несущественные в этом вопросе. Как следует из отрывочных сведений, семья Пёнике была незнатного происхождения и вряд ли располагала серьезными средствами. Это обстоятельство не только не было препятствием для брачного союза, но, напротив, являлось аргументом в его пользу. Ведь, как замечает Цигенбальг, если бы он пожелал вступить в брак с девицей знатных кровей и при деньгах, он вполне мог бы остановить выбор на ком-либо из местных датчанок или голландок. Он же нуждался в смиренной и благочестивой супруге, которая стала бы ему поддержкой и опорой среди язычников. Потому именно девица Пёнике, считал пастор, предназначена ему богом. И тут же он сообщает Ланге, что уже отправил к Юлиане в Европу письмо с предложением руки и сердца и прилагавшееся к письму кольцо. А заодно просил через Люткенса, придворного капеллана[9] датского короля Фредерика IV, испросить разрешения для трех иностранок воспользоваться кораблем датской Ост-индской компании, дабы добраться до берегов Индии.

Кто же, помимо девицы Пёнике, должен был прибыть «на ярмарку невест» в Транкебар? Рекомендовавший Цигенбальгу потенциальную невесту Грюндлер тоже сделал выбор: его супругой должна была стать «благочестивая девица Мюльгеймин из приюта в Альтенбурге[10]» (*die Fräulein Mühlheimin aus dem altenburgischen Stifte*) [Ziegenbalg, 1955, p. 166]. Очевидно, что фактор бедности и простоты и в этом случае оказался едва ли не ключевым. Плютшау пока с выбором затруднялся, однако, если верить письму, именно на господина Ланге миссионеры возлагали задачу найти невесту и для третьего жениха. К нему же обращались с просьбой подыскать и отправить тем же судном вместе с тремя невестами какую-нибудь «благочестивую девицу» в качестве прислуги [Ziegenbalg, 1955, p. 127].

Тем же днем датировано и пространное письмо Цигенбальга к выбранной им невесте,

9 Капеллан — священник, совмещающий сан с какой-либо дополнительной должностью, как правило, светской. — *Ред.*

10 Альтенбург — город в Тюрингии недалеко от Лейпцига.

Юлиане Пёнике, — судя по всему, ответ на ее несохранившееся послание [Ziegenbalg, 1955, p. 125–130]. Тон письма свидетельствует о том, что Юлиана отнеслась к предложению пастора благосклонно; отныне он именует ее «своей милой подругой» (*meine geliebte Freundin*). Большая часть текста посвящена рассказу о работе миссионеров и о тех трудностях, с которыми им приходится сталкиваться. Среди прочего речь идет и о тюремном заключении пастора, которое, как пишет он сам, «способствовало освобождению его души» (*mein Gefängnis diente mir zur großen Freicheit des Gemüts*). О будущем бракосочетании говорится как о вопросе вполне решенном: Цигенбальг строит планы на дальнейшую совместную работу среди язычников Транкебара, о которой, судя по тону и содержанию письма, мечтает и сама девица Пёнике. Пастор подчеркивает, что в планируемом браке его мало заботят деньги, имущество и плотские наслаждения — лишь благочестие и хорошие задатки избранницы, которыми она сможет поделиться с малабарскими язычниками.

Далее в письме Цигенбальг подробно излагает ожидания к его нареченной и надлежащие ей обязанности:

- Заботиться о миссионерской братии во время болезней;
- Готовить пищу, по возможности, тратя меньше средств, чем уходило прежде;
- Взять на себя все вопросы ведения домашнего хозяйства;
- Быть заботливой матерью для учеников португальской и малабарской[11] школ (особенно для девочек);
- Вести бухгалтерию;
- Заботиться о заболевших женщинах в общине;
- Оказывать помощь в богослужениях;
- Быть примером для местных дам из Европы;
- По поручению миссионеров вести корреспонденцию и выполнять другие обязанности.

Неизвестно, как отнеслась к таким заманчивым перспективам Юлина Пёнике, но спустя год никаких заметных подвижек в ситуации не случилось. В письме Цигенбальга к профессору Ланге[12] в Галле по-прежнему называются имена Пёнике и Мюльхаймин, потенциальных невест Цигенбальга и Грюндлера, а ясности с избранницей Плютшау по-прежнему нет. Конечно, — пишет пастор, объясняя свою настойчивость, — европейские женщины есть и в Транкебаре, однако будущие супруги должны стать истинной поддержкой для миссионеров, не только физической, но и духовной, а найти таковых здесь весьма затруднительно [Ziegenbalg, 1955, p. 166]. В этом же письме пастор сообщает, что намеренно не пишет к Пёнике лично. Вдруг, с надеждой замечает он, она уже на пути к нему? А если нет, он просит зачитать ей это послание и передать сердечные приветы от жениха.

Наконец, еще через два года та же тема в последний раз возникает в переписке (письмо ректору Вайцману (Weitzmann) в Пульсниц[13] от 20 сентября 1712 г.). На сей раз даже имя Юлианы Пёнике в письме не фигурирует: невеста называется как «известная персона», а речь идет о том, чтобы продать землю пастора на родине и часть денег пустить на оплату путешествия этой «известной персоны» в Индию. Упоминаний избранницы для Грюндлера в письме нет вовсе. Плютшау же, как следует из документов, 15 сентября 1711 г. навсегда покинул Индию, и выбыл из «списка женихов» [Ziegenbalg, 1955, p. 181]. Ясности с тем, почему брак Цигенбальга с Юлианой Пёнике не состоялся, нет. Впоследствии в письмах она не упоминается.

11 В XVIII в. эта область во всех документах называлась Малабаром (уже в XIX в. это наименование относится лишь к западному побережью). Соответственно, и местные жители в документах миссии именуются малабарскими язычниками, и их язык назывался малабарским.

12 Адресат — все тот же Иоахим Ланге, но за прошедший год он успел перебраться из Берлина в Галле, где отныне преподавал.

13 Пульсниц — город в Саксонии.

В период с 1714 по 1716 г. Бартоломеус Цигенбальг отсутствовал в Транкебаре, совершая путешествие в Европу и обратно. Целей у путешествия было несколько. Во многом поездка была вызвана стремлением донести до европейских покровителей сведения о самоуправстве и злоупотреблениях губернатора Хассиуса (в обход его почтовой цензуры). Но, возможно, одним из планов пастора было и осуществление матримониальных планов.

Пока Цигенбальг отсутствовал, работу по руководству общиной выполнял его друг и коллега Грюндлер. В его официальной биографии, опубликованной в Галле после смерти[14], говорится о том, что именно тогда им было принято решение вступить в брак, не дожидаясь невесты из далекой Европы, дабы иметь в доме помощницу. К моменту возвращения Цигенбальга в Транкебар его друг уже обзавелся спутницей жизни. Его избранницей стала Утилия Элизабет (Utilia Elisabeth), дама не первой молодости и с богатым прошлым[15].

Утилия Элизабет, в девичестве Ран, родилась в 1675 г. в Ютландии. После смерти родителей в возрасте 19 лет она впервые вступила в брак с господином Йоганном Висбергом (Johann Wissberg), капитаном одного из кораблей Датской Ост-индской компании, который и привез ее в Транкебар. В 1695 г. капитан умер, так и не выполнив обещания вернуть Утилию в цивилизованный мир. Прожив два года вдовой, Утилия вышла замуж вторично. На сей раз ее мужем стал вице-комендант Андреас Краен (Andreas Krahen), с которым она прожила в счастливом браке 17 лет. В 1715 г. и этот супруг Утилии скончался. Вдова совсем уже собралась покинуть Индию в одиночестве, но вместо этого внезапно вышла замуж в третий раз — за Иоганна Эрнста Грюндлера.

Можно допустить, что Бартоломеус Цигенбальг не вполне одобрял выбор друга и коллеги, если вспомнить что для себя самого он категорически отвергал возможность сочетаться браком с кем-то из местных европейских дам, имея определенное мнение об их моральных и душевных качествах. Однако в дальнейшем, вероятно, между ним и Утилией установились нормальные отношения.

Из поездки в Европу Цигенбальг вернулся женатым человеком. Его супругой стала Мария Доротея Зальцман (Maria Dorothea Salzmann) *(Илл. 4)*. С семьей избранницы пастор был знаком довольно давно: некогда он состоял у Зальцманов домашним учителем, после какое-то время поддерживал с ними контакты, передавая приветы в письмах всем членам семьи, а особенно бывшей ученице, которую помнил маленькой девочкой [Ziegenbalg, 1955, p. 20–21]. В письмах из Индии до отъезда в Европу имя Марии Доротеи не фигурирует, а при появлении идеи поиска невест пастор о ней не вспоминает.

Однако, оказавшись в Европе, Цигенбальг вновь встретился с Зальцманами. Глава семьи к этому времени умер, оставались лишь его вдова, два ее сына и двадцатидвухлетняя Мария Доротея [Tamcke, 2003, p. 433–434]. Встреча произошла в ноябре 1715 г., и в том же месяце состоялась свадьба между пастором и бывшей ученицей, несмотря на недовольство вдовы Зальцман, с одной стороны, и наставника Цигенбальга, Августа Германа Франке — с другой. Последний, очевидно, изначально выступал против кандидатуры девицы Зальцман настолько, что даже отказался присутствовать на церемонии [Tamcke, 2003, p. 433]. Однако дальнейшая переписка Марии Доротеи с наставником мужа демонстрирует ее глубокое уважение к Франке, с его же стороны тон писем кажется благосклонным, но при этом назидательным[16]. По крайней мере, обращается в своих письмах профессор к Марии Доротее

14 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/fsdhm/periodical/pageview/146038 (accessed 05.04.2022).

15 Ее автобиография в виде рукописного документа сохранилась в Архиве А. Г. Франке в Галле.

16 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/thumbview/143162; https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/thumbview/143009; https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/thumbview/105342 (accessed 08.04.2022).

не иначе как «дражайшая госпожа пасторша, во Христе возлюбленная дочь» (*Wertheste Fr. Probstin u. geliebte Tochter in dem Herrn*)[17]. Наконец, дневник, который по настоянию мужа Мария Доротея вела во время пятимесячного плавания в Индию, формально был адресован именно Франке. Последний и опубликовал его в 1717 г. среди писем и отчетов, полученных из Транкебара [Никольская, 2021 (с), с. 196–213].

Характер взаимоотношений пастора и его молодой жены заслуживает нескольких слов. В письме к теще из Мадраса от 20 августа 1716 г., то есть сразу по прибытии в Индию после долгого и опасного путешествия, Цигенбальг сообщает: «*В Вашей дочери обрел я ту, что любит меня всем сердцем и кого всем сердцем люблю я; чье добронравное поведение приносит полное удовлетворение мне, ибо она во всех обстоятельствах ведает как поступить и имеет тонкий дар так обходиться с людьми всех наций, чтобы получать от них любовь и расположение. Наш брак столь удачен во всем, что лучшего мы и пожелать бы не смогли*» [Ziegenbalg, 1955, p. 452]. Все немногие упоминания супруги в письмах пастора в дальнейшем создают ощущение, что характер отношений «учитель — ученица» в определенном смысле был перенесен и на их семью. Пастор, который был на 12 лет старше своей жены, и в браке оставался для нее наставником и покровителем. Впрочем, если судить по языку и стилю путевого дневника Марии Доротеи, она прибыла в Индию наивной и чрезвычайно подверженной влиянию супруга барышней. Впрочем, она с радостью принимала такое положение вещей, а она под влиянием мужа в достаточной степени развилась умственно. Если верить ее путевому дневнику, еще на корабле она не только много читала, но и прилежно занималась изучением португальского и тамильского языков, чтобы иметь возможность усердно помогать супругу в работе.

В браке пастор и пасторша прожили немногим более трех лет. 23 февраля 1719 г. после шестимесячной болезни Бартоломеус Цигенбальг скончался в возрасте 37 лет, оставив Марию Доротею беременной и с двумя малолетними детьми. В письме к А. Г. Франке[18] она подробно и педантично, буквально по часам, рассказывает о последних днях супруга: симптомы болезни (кашель, боль и тяжесть в груди), способы безуспешного лечения (пригласили голландского врача из Нагапатнама), работа пастора над переводом Нового Завета и т. д. Руководство общиной по воле Цигенбальга было передано Грюндлеру, проводившему все свободное время у постели друга. За несколько дней до смерти пастора вся община собралась в его доме, чтобы попрощаться с наставником. В момент смерти рядом с ним оставались трое: Грюндлер, его жена Утилия и Мария Доротея. 24 февраля тело Цигенбальга было предано земле в Иерусалимской кирхе, построенной за год до того момента.

После смерти мужа вдова оставалась в Транкебаре, ожидая разрешения от бремени под опекой четы Грюндлер. В мае того же года умер один из ее сыновей. В июле, через пять месяцев после смерти пастора, она родила мальчика [Tamcke, 2003, p. 440].

Еще почти два года вдова Цигенбальга прожила в общине. 22 января 1721 г. датировано письмо А. Г. Франке к датскому советнику Лигарду (Lygaard) в Транкебар, которым профессор поздравляет Лигарда и его новообретенную супругу Марию Доротею *(Илл. 4)* с бракосочетанием[19]. Он пишет, что не может не радоваться за ту, что с самого детства была ему как дочь, и не может не поблагодарить того, кто выказывал любовь и дружбу по отношению к работникам миссии. Известно, что в том же году чета Лигардов навсегда покинула Индию и перебралась в Копенгаген [Tamcke, 2003, p. 441].

Что касается судьбы Утилии Элизабет, известно, что через год после смерти Цигенбальга умер и его друг И. Э. Грюндлер. Дальнейшая история жизни овдовевшей в третий раз Утилии

17 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/wpage/143009 (accessed 08.04.2022).
18 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/fsdhm/periodical/pageview/145801 (accessed 08.04.2022).
19 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/titleinfo/9695 (accessed 09.04.2022).

Илл. 4. **Мария Доротея Лигард (Зальцман).** Автор: Хейд Иоганн Якоб (Johann Jacob Haid), 1737
Maria Dorothea Lygaard (Salzmann) by Johann Jacob Haid, 1737
По: URL: https://www.leo-bw.de/web/guest/detail/-/Detail/details/DOKUMENT/ubt_portraits/62794/Lygaard%20Maria%20Dorothea (accessed 07.04.2022)

Элизабет известна не слишком хорошо. Сохранившаяся в архиве А. Г. Франке автобиография Утилии датирована 15 сентября 1719 г. и потому не вносит ясности в обстоятельства ее жизни после смерти третьего мужа[20]. Известно, что с 1719 г. работой миссии руководил прибывший из Галле уже после смерти Цигенбальга Бенджамин Шульце (Benjamin Schultze) *(Илл. 5)*[21]. Судя по всему, между ним и вдовой Грюндлера отношения совершенно не складывались. Сохранилось письмо А. Г. Франке, в котором он призывает обоих сохранять мир в общине и не конфликтовать[22]. Интересно, что безутешная вдова после смерти третьего мужа в том же году вышла замуж в четвертый раз… за коменданта Транкебара Бруна-Лундегарда Кристиана (Brun-Lundegaard Christen), в 1716 г. сменившего на этом посту злополучного Хассиуса[23]. В исследовательской литературе, где упоминается имя Утилии, датой смерти называется 1720 г. [Jeyaraj, 2006, p. 107]. Однако в архиве Франке сохранились свидетельства, позволяющие подвергнуть эту информацию сомнению. Если существование письма от Франке к Утилии, датированного 19 января 1721 г.[24], еще могло бы объясняться скоростью, с которой новости из Транкебара достигали Европы (если предположить, что вдова Грюндлера, действительно, умерла в 1720 г.),

20 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/fsha/content/thumbview/600872 (accessed 08.04.2022).

21 Бенджамин Шульце (1689–1760) — выпускник Галльского университета, лютеранский миссионер. После смерти Б. Цигенбальга возглавил Датскую королевскую миссию в Транкебаре. Первым среди европейцев изучил язык телугу, издал грамматику этого языка, перевел на него тексты Ветхого и Нового Заветов. Изучал дакхини (dakkhinī) — диалект хиндустани, и сегодня распространенный в некоторых, в том числе и южных, областях Индии. Выпустил грамматику этого языка, изложив в издании на латыни его основные правила.

22 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/titleinfo/10833 (accessed 10.04.2022).

23 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/fsbio/name/view/705740 (accessed 22.04.2022).

24 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/titleinfo/9693 (accessed 10.04.2022).

Илл. 5. **Бенджамин Шульце**
Benjamin Schultze
По: URL: https://digital.francke-halle.de/fsdhm/periodical/titleinfo/175312 (accessed 11.04.2022)

то письмо Франке в Транкебар от 26 ноября 1722 г.[25], в котором речь идет об обвинениях Утилии в адрес Бенджамина Шульце и поведении последнего по отношению к ней, заставляет усомниться в том, что дата ее смерти подлинна.

Изложенные матримониальные истории позволяют нагляднее понять, как в истории миссионерского движения выглядел «пиетизм в действии», и одновременно оживляют историю христианизации Востока частными деталями, а также добавляют человеческие черты основоположникам востоковедной науки — каковым, безусловно, является для тамилистики Бартоломеус Цигенбальг.

Список литературы / References

Крыштоп Л. Э. Учение пиетизма: а было ли религиозное просвещение в Германии? *Философский журнал.* 2018. № 1. С. 81–98 [Kryshtop L. E. The Doctrine of Pietism: Was There a Religious Enlightenment in Germany? *Philosophical Journal.* 2018. No. 1. Pp. 81–98 (in Russian)].

Никольская К. Д. Датская королевская миссия в Индии: о конфликте лютеранских миссионеров и губернатора Транкебара Йохана Сигизмунда Хассиуса. *Христианство и традиционные ценности Южной и Восточной Азии: история и современность*. М., 2021 (a). С. 100–110 [Nikol'skaya K. D. Danish Royal Mission in India: About the Conflict between Lutheran Missionaries and the Governor of Tranquebar, Johan Sigismund Hassius. *Christianity and Traditional Values of South and East Asia: History and Modernity.* Moscow, 2021 (a). Pp. 100–110 (in Russian)].

Никольская К. Д. О миссионерских школах Транкебара (по материалам Датской королевской миссии начала XVIII века). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021 (b). № 2. С. 157–168 [Nikol'skaya K. D. On Trankebar Missionary Schools (Based on the Danish Royal Mission of

25 *Franckesche Stiftungen.* URL: https://digital.francke-halle.de/mod5a/content/titleinfo/10833 (accessed 10.04.2022).

the Early 18th Century). *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.* 2021 (b). No. 2. Pp. 157–168 (in Russian)].

Никольская К. Д. Путешествие в Ост-Индию (Дневник Марии Доротеи Цигенбальг, урожденной Зальцман). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021 (с). №1. С. 196–213 [Nikol'skaya K. D. Journey to the East Indies (Diary of Maria Dorothea Ziegenbalg, née Salzmann). *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.* 2021 (c). No. 1. Pp. 196–213 (in Russian)].

Annotated Bibliography for Tamil Studies conducted by Germans in Tamilnadu during 18th and 19th Centuries: A Virtual Digital Archives Project. Compiled by Prof. C. S. Mohanavelu (Retd.). New Delhi, 2010. — 539 p.

Dharmapal-Frick G. *Indien im Spiegel deutscher Quellen der Frűhen Neuzeit (1500-1750)*. Tübingen, 1994. — 458 p.

Jeyaraj D. *Bartholomäus Ziegenbalg, the Father of Modern Protestant Mission: An Indian Assessment.* New Delhi, 2006. — 312 p.

Tamcke M. *Koexistenz und Konfrontation. Beiträge zur jüngerer Geschichte und Gegenwartslage der orientalischen Christen.* Münster, Hamburg, London: LIT Verlag Münster, 2003.

Ziegenbalg B. *Alte Briefe aus Indien. Unveröffentlichte Briefe von Bartholomäus Ziegenbalg 1706-1719.* Berlin, 1955. — 552 p.

Электронные источники / Electronic sources

Franckesche Stiftungen. URL: https://www.catalogus-professorum-halensis.de (accessed 08.04.2022).

Franckesche Stiftungen. URL: https://digital.francke-halle.de/fsdhm (accessed 05.04.2022).

Landeskundliche Informationssystem für Baden-Württemberg. URL: https://www.leo-bw.de/web/guest/detail/-/Detail/details/DOKUMENT/ubt_portraits/62794/Lygaard%20Maria%20Dorothea (accessed 07.04.2022).

The British Museum. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/term/AUTH223619 (accessed 08.04.2022).

DOI: 10.18254/S268684310021383-9

Hikifuda, or What Japanese Advertising Looked Like at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Collection from the Russian State Art Library)

«Хикифуда», или как выглядела японская реклама на рубеже XIX–XX вв. (Коллекция из фондов РГБИ)

© 2022 **Nadezhda M. Nikiforova**

Assistant of the Modern East and Africa Department,
Russian State University for the Humanities
Iconography Department expert, Russian State Art Library,
Moscow, Russia nadin.nikiforova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8343-2324

Надежда Максимовна Никифорова

Ассистент кафедры современного Востока и Африки РГГУ
специалист Центра визуальной информации Российской
государственной библиотеки искусств (РГБИ), Москва, Россия
nadin.nikiforova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8343-2324

Hikifuda are woodcut or lithograph prints that retailers and wholesalers, mercantile agencies, and other organizations in Japan of the Meiji era (1868–1912) used as advertising materials. The Meiji era was the period of great Japanese transformation from a medieval country into a modern power which was treated by European countries as equal. As a result, the new type of advertisement helped in spreading western ideas and lifestyles among the residents. Besides, the low price and mass production of the leaflets is another reason for their high popularity along with in whole Japan. The *hikifuda* handbills gave start to a new stage in the Japanese advertising industry and developed means of communication, connected Japanese traditional art

with European modern trade tendencies. They have a great variety of subjects, which contain deep symbols and signs related to Japanese history and culture: traditional Japanese *Ukiyo-e* engravings: Women in kimono, children, the Seven Gods of Fortune *Ebisu*, *Daikokuten*, *Benzaiten* and others, dragons and mount Fuji and other various symbols. Besides traditional Japanese symbols, telephones, telegraph poles, mailboxes, European clothing stores, and even tobacco shops were depicted as signs of the influence of the Western lifestyle on the Japanese economy, politics, culture, and everyday life.

The research is based on materials from the collection of the RSAL Iconography Department that hosts various samples of *hikifuda* advertising leaflets. Presumably, they were produced in the early 20th century by the Osaka printing workshop. Japanese advertising leaflets in the Russian State Art Library (RSAL) collection represent an interesting, but still poorly researched layer of urban art in Japan at the turn of the 19th–20th century.

Keywords: Japan, hikifuda, Japanese woodblock prints, Meiji, advertising, Ukiyo-e, Russian State Art Library

For citation: Nikiforova Nadezhda M. *Hikifuda*, or What Japanese Advertising Looked Like at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Collection from the Russian State Art Library). *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 115-126. DOI 10.18254/S268684310021383-9

Хикифуда — это произведения печатной графики, изготовленные методом ксилографии или литографии, которые в рекламных целях использовали владельцы магазинов, торговые компании и другие организации в Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912). Эпоха Мэйдзи была периодом великого превращения Японии из средневековой страны в современную державу, к которой европейские страны относились как к равной. В результате новый вид рекламы способствовал распространению западных идей и образа жизни среди жителей страны. Кроме того, низкая цена и массовое производство листовок — еще одна причина высокой популярности *хикифуда* во всей Японии. *Хикифуда* открыли новый этап в японской рекламной индустрии и повлияли на развитие средств коммуникации. Тематика изображений сходна с репертуаром традиционных гравюр *укиё-э*, изображающих женщин в кимоно, детей, Семь богов счастья (*Эбису*, *Дайкокутэн*, *Бэндзайтэн* и др.), драконов, гору Фудзи и пр. Однако, кроме традиционных японских символов, на листовках присутствуют изображения телефонов, телеграфных столбов, почтовых ящиков, разнообразной техники, европейских магазинов и товаров и иные признаки влияния западной культуры на японский образ жизни, культуру и историю.

Японские рекламные листовки в коллекции Российской государственной библиотеки искусств (РГБИ) представляют яркий, интересный, но пока еще не до конца изученный пласт японской городской культуры на рубеже XIX–XX вв. Исследование основано на материалах из фондов Центра визуальной информации РГБИ.

Ключевые слова: Япония, *хикифуда*, японские гравюры на дереве, Мэйдзи, реклама, Укиё-э, Российская государственная библиотека искусств

Для цитирования: Никифорова Н. М. «Хикифуда», или как выглядела японская реклама на рубеже XIX–XX вв. (Коллекция из фондов РГБИ). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 1. С. 115-126. DOI 10.18254/S268684310021383-9

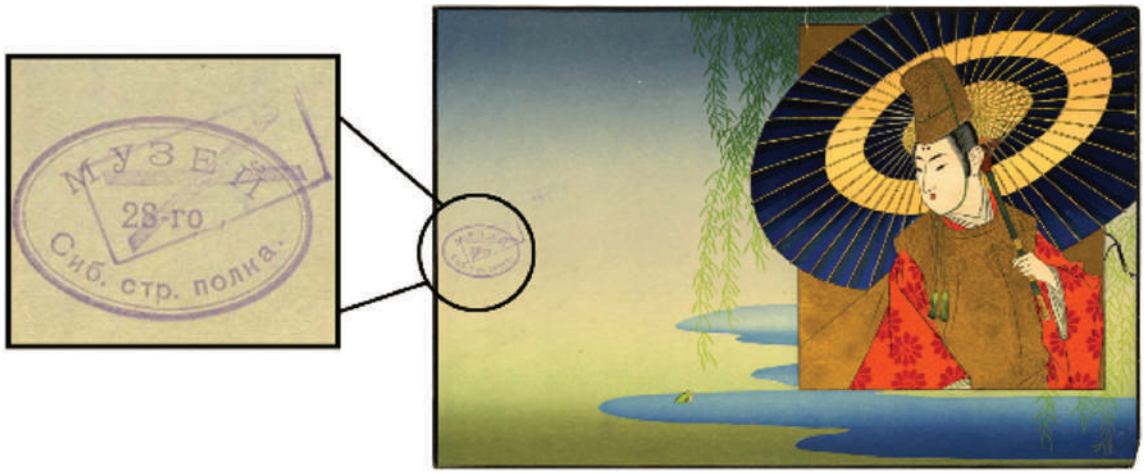


Fig. 1. **Stamp of the Museum of the 28th Siberian Rifle Regiment.** Detail of Ono-no Mitikaze and a frog. 1904 Woodblock print. 22,3 x 33,6 cm. © RSLA
Штамп Музея 28-го Сибирского стрелкового полка. Фрагмент Оно-но Митикадзэ и лягушка. 1904 г. Ксилография. 22,2 x 33,6 см. © РГБИ

About the Collection

The Japanese *hikifuda* handbills collection in the Iconography Department of the Russian State Art Library contains 94 units. They are landscape- or portrait-oriented 22,5 x 33,8 cm lists with colorful images and black frames. According to the inventory book, 90" lists with the models of Japanese costumes" were obtained by the library in 1949 from the used books store No. 79 [*Инвентарная книга иллюстраций № 1*]. Also, each leaflet contains a stamp of the Museum of the 28th Siberian Rifle Regiment on the front side. Probably, the collection entered the used bookstore from this museum. The Rifle Regiment in question participated in the defence of Port Arthur during the Russo-Japanese war (1904–1905) [*Стрелковые части: Справочная книжка Императорской Главной квартиры*] (*Fig. 1*). Of course, it is traced to Japan, but this provenance of the leaflets cannot be proved by any documents.

Hikifuda (引札) is a woodcut or lithograph print, used by retailers, vendors, wholesalers, mercantile agencies, and other businesses in Meiji era Japan (明治, 1868–1912) as means of advertising. According to Kurati Nobue, for the first time, they used handbills as an advertising media in the Etigoya Mitsui shop (越後屋三井, modern Mitsukoshi Department store; 三越百貨店) as early as 1683. The Japanese language etymology of the word *hikifuda* is "tickets to attract visitors" or "handouts", as it comes from the word *hiku* (引) — "to pull, to attract" [Kurati Nobue, p. 176].

Most of the *hikifuda* were produced in the following way: A printing workshop in Osaka printed the pictorial part on about two-thirds of the sheet. Then small local workshops entered various information on the same sheets at the request of the customer and placed all structural elements in predetermined positions. Leaflets with the same image could be used in different stores and even in different cities. However, the leaflets from the Russian state art library collection were not used for their intended purpose, as they do not contain any reference information. The specialists of the Iconography Department suggested these *hikifuda* could be used as templates for sellers and their shops which makes them more interesting.

Stamps

Another significant feature of these leaflets is the stamps on the reverse side of each *hikifuda*.

Fig. 2. **Japanese Stamps, Weekdays** (details of reverse sides of six engravings)
Японские штампы, дни недели (фрагменты оборотных сторон шести гравюр)

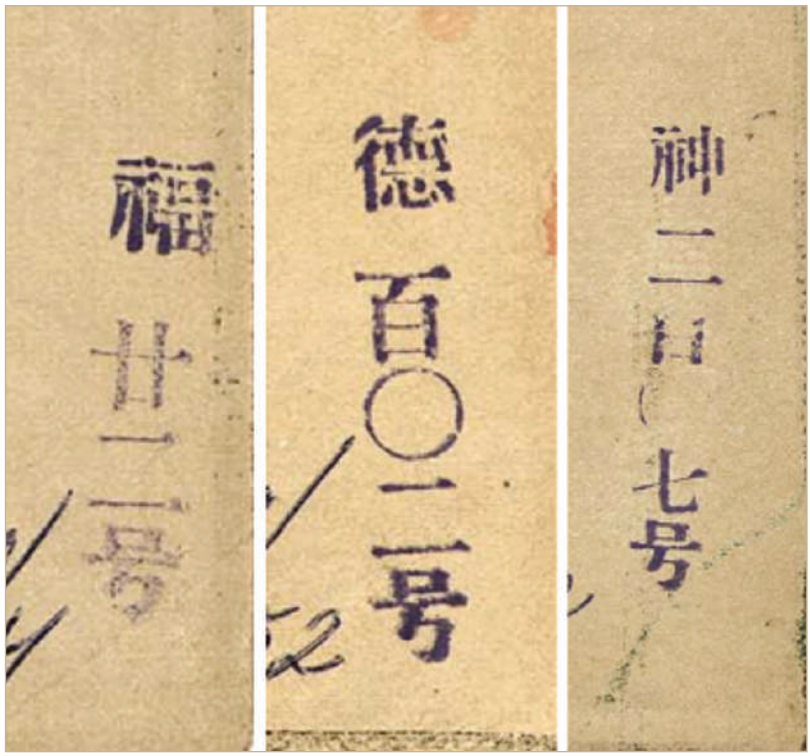


Fig. 3. **Japanese Stamps, Additional Characters** (details of reverse sides of three engravings)
Японские штампы, дополнительные иероглифы (фрагменты оборотных сторон трех гравюр)

A comparison of the characters in the stamps and the images on the *hikifuda* proves there is no connection between them. These stamps were used in the systematization of the templates at the printing workshops. They look like several characters placed in a column. The first one points to the series of publishing; the others show numbers of the leaflets.

There are two types of the series. The first one is a week-based system. There are seven stamps: 日, 月, 火, 水, 木, 金, and 土, which mean in Japanese: Sunday, Monday, Tuesday, Wednesday, Thursday, Friday, and Saturday accordingly. The numbers go in chronological order from 300 to 900. For example, after the character 月 (Monday) there are numbers 403, 405–409, 411, 412, and 414, then after the character 火 (Tuesday), we find numbers 501–503, 505, 506, and so on (*Fig. 2)*. The collection lacks some numbers in each category. The specialists cannot determine the reason; probably, the missing leaflets had been lost several decades before entering the library or were not printed at all.

In addition to weekdays, there are three other characters: 福 (with numbers from 1 to 24, except 2, 5, 14), 徳 (101–103, 105, 111–113, 115–117), and 神 (201–219, except 203, 208, 213) (*Fig. 3)*. The numbers of these three characters also come in chronological order. That is why connected the characters mean "Gods of good fortune and wealth", who are popular characters of the *hikifuda*, especially during the New Year holidays.

Subjects

The subjects of *hikifuda* resembled traditional Japanese *Ukiyo-e* (浮世絵) engravings: Women in kimono, children, Gods of Fortune, dragons and mount Fuji, various symbols of longevity and seasons, and many others. Most of the subjects were copied from the paintings by famous artists to attract people. Sometimes printing shops specifically invited them to make designs for the leaflets.

Therefore, people hung the leaflets in their houses on the walls and even in public baths. *Ukiyo-e* influenced the layout of the leaflets, their size, format, and composition. Except for traditional Japanese symbols, there were signs of Western lifestyle, influencing the Japanese economy, politics, culture, and everyday life, such as telephones, telegraph poles, mailboxes, European clothing stores, and even tobacco shops [Tamura Korekushon, 2012, p. 7]. That is the reason why these leaflets gained vast popularity among Japanese citizens who had already lost great interest in *Ukiyo-e* engravings by that time.

According to the images, the handbills in the Russian State Art Library collection can be divided into the following groups: 24 sheets contain images of women, 12 sheets of women with children, 4 present men, 11 sheets display scenes from urban life, 15 — gods of happiness, on two sheets *Daikokuten* (one of the Seven Gods of Fortune) is depicted as a postal delivery officer, four have landscapes, five depict animals, two present *Kabuki* actors and 15 sheets cover other topics. Each leaflet contains a lot of symbols and references to different legends, myths, stories, scenes from *Noh* and *Kabuki* plays, everyday life, political tendencies, and so on.

For example, among gods, the most popular are the so-called *Shitifukujin* (七福神) or "The Seven Gods of Fortune", especially *Ebisu* and *Daikokuten*. Sometimes the goddess of art *Benzaiten* appears together with them. Also, there are two *hikifuda* that depict all of the Seven Gods of fortune: *Daikokuten*, *Ebis*u, *Benzaiten*, *Hotei*, *Bishamonten*, *Fukurokuju*, and *Jurojin (Figs. 4, 5)*. These gods help people to grant their wishes, they bring luck, good fortune, wealth, and longevity. We have already mentioned the Gods were usually depicted on the New Year handbills. This tradition is connected to *Takarabune* (宝船) — "The Treasure Ship". According to the myth, the deities sail on the boat into the future in the New Year, collect treasuries and help people to start the year healthy and wealthy. That is why this image means luck and was widely used for advertising.

On the leaflets from the RSAL collection the Gods *Ebisu* and *Daikokuten* sometimes resemble sellers *(Figs. 6, 7)*, because of their "profession" — they patronize business and trade. They wear Euro-

Fig. 4. **The Seven Gods of Fortune.** 1904 Woodblock Print 22,3 x 33,6 cm © RSLA
Семь богов счастья Ксилография 22,3 x 33,6 см. 1904 г. © РГБИ

Fig. 5. **The Gods of Fortune in a Palace** 1904. Woodblock Print 23,1 x 33,5 cm © RSLA
Боги счастья во дворце Ксилография 23,1 x 33,5 см. 1904 г. © РГБИ

Fig. 6. ***Ebisu* Selling Clocks.** 1904 Woodblock Print 22,6 x 33,6 cm © RSLA
***Эбису* продает часы** Ксилография 22,6 x 33,6 см. 1904 г. © РГБИ

Fig. 7. *Ebisu* and *Daikokuten* as Merchants
1904. Woodblock Print
22,5 x 33,7 cm © RSLA
Эбису и *Дайкокутэн* в роли торговцев.
Ксилография
22,5 x 33,7 см. 1904 г.
© РГБИ

Fig. 8. *Daikokuten* as a Post Officer. 1904
Woodblock Print
22,8 x 33,4 cm
© RSLA
Дайкокутэн-почтальон
Ксилография
22,8 x 33,4 см. 1904 г.
© РГБИ

Fig. 9. *Daikokuten* as a Post Officer with *Ebisu*
1904. Woodblock Print
22,5 x 33,7 cm
© RSLA
Дайкокутэн-почтальон и *Эбису*.
Ксилография
22,5 x 33,7 см. 1904 г.
© РГБИ

pean clothes and sell European goods. Such images relate to modernization in Japan during the Meiji era and prove its importance at that time. Perhaps, they were used as propaganda of Western lifestyle with the help of Gods [*Альбом моделей рекламных листовок*].

Moreover, *hikifuda* were used not only as handbills in the cities, but the shopkeepers also sent them to regular customers by post, if they were not able to visit the shop themselves. In this case, the sellers used the leaflets as cash on delivery blanks. So, one side of the leaflet contained information about the presented goods, the shop address, and the owner's name, and on the flip side, the customer could list what exactly he wanted to buy. We should mention, that *Daikokuten* was often presented as a postal delivery officer and *Ebisu* as a customer *(Figs. 8–9)*. That is why when during the New Year holidays customers got *hikifuda* with images of these Gods from a real postal officer, they could feel happier and get lucky at that time [Kurati Nobue, p. 182].

Legends and Symbols

Two images of the handbills represent references to the legend about *Urashima Taro* and the Turtle *(Figs. 10, 11)*. There are turtles with long tails made of grass and silt and black caskets with golden inlay there. This technique is called *maki-e*. Also, there are images of a young man, a woman, and a castle on these *hikifuda* which may be Urashima Taro, the Princess, and mysterious underwater castle.

Another interesting myth illustrated by *hikifuda* is the myth about the athlete *Kintaro* — "The Golden Boy". *Kintaro* is a young man with red skin as a symbol of his health and strength. According to the legend, *Kintaro* lived in the mountain woods with his mother, therefore, his friends were animals. He is known for defeating demons and beasts and beating bears and others in sumo. This leaflet refers to his fight with the Giant Carp *(Fig. 12)*.

Other popular subjects used in *hikifuda* leaflets are Kabuki and Noh theatre scenes. In the RSAL, several handbills illustrate or relate to various plays. For example, this one depicts a scene from the Noh play "Ama" (The pearl diver) *(Fig. 13)*.

Other leaflets contain images relating to the first New Year's dream. They are eggplants, Mount Fuji, and a hawk. It is important to add that although half of the RSAL's collection can be identified as New Year *hikifuda*, **only** because of their **hidden symbols**, surely, some leaflets depict this holiday more fully and naturally. There are elements of traditional Japanese New Year and European traditions [Hikifuda — E-bira, 2003].

The Russian state art library collection of Japanese woodcuts hosts various samples of *hikifuda* advertising leaflets. Presumably, they were produced in the early 20th century by the Osaka printing workshop. They have a great variety of sub-

Fig. 10. **The Story of *Urashima Taro.*** 1904
Woodblock Print
22,6 x 33,7 cm
© RSLA
Сказка об Урасима Таро
Ксилография
22,6 x 33,7 см. 1904 г.
© РГБИ

Fig. 11. **A Young Woman with Jewellery Box.** 1904
Woodblock Print
22,5 x 33,7 cm
© RSLA
Девушка со шкатулкой
Ксилография
22,5 x 33,7 см. 1904 г.
© РГБИ

Fig. 12. **Kintaro and the Red Carp.** 1904
Woodblock print
22,5 x 33,7 cm
© RSLA
Кинтаро и красный карп
Ксилография
22,5 x 33,7 см. 1904 г.
© РГБИ

Fig. 13. **The Pearl Diver**
1904. Woodblock Print
22,5 x 33,7 cm
© RSLA
Ныряльщица за жемчугом
Ксилография
22,5 x 33,7 см. 1904 г.
© РГБИ

Fig. 14. **The Gods of Fortune, From the Album of Advertising Leaflets Templates.** 1906
Woodblock Print. 24 x 36 cm
© SPHL
Боги счастья, из Альбома моделей рекламных листовок
Ксилография. 24 x 36 см. 1906 г.
© ГПИБ

Fig. 15. ***Ebisu* and *Daikoku*.** 1892
Paper, Chromolithography
37,3 x 26,1 см
© The Pushkin State Museum of Fine Arts
Эбису* и *Дайкоку
Бумага, хромолитография
37,3 x 26,1 см. 1892 г.
© ГМИИ им. А. С. Пушкина

Fig. 16. **The Deity *Daikoku* as a Sumo Wrestler**
The Meiji Period. Paper, Color Woodblock Print
25,8 x 37,0 см
© The Pushkin State Museum of Fine Arts
Божество *Дайкоку* в виде борца сумо
Период Мэйдзи
Бумага, цветная ксилография. 25,8 x 37,0 см
© ГМИИ им. А. С. Пушкина

jects, which contain deep symbols and signs related to Japanese history and culture. The *hikifuda* handbills gave start to a new stage in the Japanese advertising industry and developed means of communication, they connected Japanese traditional art with European modern trade tendencies. It is important to mention that the Meiji era was the period of great Japanese transformation from a medieval country into a modern power, which was treated by European countries as equal. As a result, the new type of advertisement helped in spreading western ideas and lifestyles among the residents. Besides, the low price and mass production of the leaflets is another reason for their high popularity along with in whole Japan [Никифорова, 2021].

The research revealed similar collections in the State Historical Public Library and the Pushkin State Museum of Fine Arts. The State Historical Public Library possesses an "Album of Advertising Leaflet Templates", composed of several *hikifuda,* sewn up in a book. Like RSAL's collection, they are woodblock prints with colorful images and black frames. Moreover, on the reverse sides of the handbills, there are stamps made in a common systematization way. They were printed in the early 20th century, hence they have the same subjects in the images such as the Gods of fortune, Kabuki and Noh theatre scenes, and others *(Fig. 14)*.

The handbills from the Pushkin State Museum of Fine Arts are mostly lithograph prints, amounting to 161 units, produced at the end of the 19th century[1]. Like the two previous collections, they also have black frames and stamps on the backside. In contrast to other handbills, their numbers do not go over 200. The subjects mostly copy or resemble the topics mentioned above *(Fig. 15, 16)*.

Studying the Russian state art library collection of Japanese *hikifuda* prints and giving interpretations to the images and subjects will allow its academic cataloging and expansion the understanding of its usage.

Japanese advertising leaflets in the Russian State Art Library collection represent an interesting, although still poorly researched layer of urban art in Japan at the turn of the 19th–20th centuries.

References / Список литературы

Альбом моделей рекламных листовок. Государственная публичная историческая библиотека, 1906, Япония [*Album of Advertising Leaflets' Templates*. State Public Historical Library, 1906, Japan (in Japanese)].

Инвентарная книга иллюстраций № 1 Государственной театральной библиотеки. 1947–1953 гг. Л. 14 об. (запись от 25 апреля 1949 г.) [*Inventory Book of Illustrations No. 1 of the State Theater Library*. 1947–1953. P. 14 rev. (Entry Dated April 25, 1949) (in Russian)].

Никифорова Н. М. Хикифуда — Японские рекламные листовки из фондов Российской государственной библиотеки искусств. *Румянцевские чтения: Материалы межд. научн.-практ. конф. (21–23 апреля 2021)*. М.: Изд-во Российской гос. б-ки «Пашков дом», 2021. Ч. 2. С. 111–115 [Nikiforova N. M. Japanese Hikifuda Handbills in the Russian State Art Library. *Rumyantsev Readings: Materials of Intern. Acad. and Practical Conf. (April 21–23, 2021)*. Moscow, Publishing House of the Russian State Library "Pashkov house", 2021. P. 2. Pp. 111–115 (in Russian)].

Стрелковые части: Справочная книжка Императорской Главной квартиры. В. К. Шенка (ред). СПб: Типография В. Д. Смирнова, 1909. —109 с. [*Rifle Units: Reference Book of the Imperial Headquarters.* Ed. by V. K. Shenka. Saint Petersburg: V. D. Smirnov Printing House, 1909. — 109 p. (in Russian)].

Hikifuda — E-bira (引札ー絵びら). Advertising Museum Tokyo Collection. *Ad Studies*. Tokyo, 2003. No. 5. Pp. 19–22 [(in Japanese)].

Kurati Nobue (倉地伸枝). Kanzo-no Shogatsu-yo Hikifuda-ni Miru Yubinshuhai. *Yuseihakubutsukan Kenkyukiyo (*館蔵の正月用引札にみる郵便集配員. 郵政博物館研究紀要; Postal collector and delivery staff as seen in the New Year's ticket

1 Мозгунова А. Д. Развитие рекламоносителей в Японии. *Ассоциация японоведов (офиц. Сайт)*. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=578&Itemid=59 (accessed 05.06.2022)

in the museum collection. Bulletin of the Postal Museum Japan). 2020. No. 11. Pp. 176–189 (in Japanese).

Tamura Korekushon (田村コレクション). Hikifuda. *Nihon Kokoku Dezain-no Yoake* (引札.日本広告デザインの夜明け; Hikifuda of the Tamura Collection. The Dawn of Japanese Advertising Design). Kyoto: Shikosha Bunko, 2012. — 256 p. (in Japanese).

Tetsuji Nakatani (中谷哲二). Bakumatsu Meiji-no Hikifuda-to Gairikoyomi. *Nihon Insatsu Gakkaishi* (幕末明治の引札と画入り暦．日本印刷学会誌; Handbills and Illustrated Calendars from the End of Edo Era through the Meiji Era). 2008. No. 45. Pp. 234–241 (in Japanese).

Electronic Sources / Электронные ресурсы

Мозгунова А. Д. Развитие рекламоносителей в Японии. *Ассоциация японоведов (офиц. сайт)* [Mozgunova A.D. The development of advertising media in Japan. *Association of Japanologists (Official Website)* (in Russian)]. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=578&Itemid=59 (accessed 05.06.2022)

DOI: 10.18254/S268684310021384-0

Балбир Мадхопури
Кошмары террора и проклятие касты
(главы из автобиографии «Обрубленное дерево»)[1]

Balbir Madhopuri
Ātaṅk aur jātivādī ḍaṅk / Terror and Casteism Sting
(Chapters from *Chāṅgiā rukh* / Against the Night)

© 2021 **Балбир Мадхопури**

писатель, директор Панджабского литературного общества, главный редактор журнала «Самкали сахит» («Современная литература»), Нью-Дели, Индия; bmadhopuri@yahoo.in
ORCID ID: 0000-0002-5232-0618

Balbir Madhopuri

Writer, Director of Punjabi Sahit Sabha, Editor-in-Chief of the Samkali Sahit Magazine, New Delhi, India; bmadhopuri@yahoo.in
ORCID ID: 0000-0002-5232-0618

Анна Викторовна Бочковская

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
anna.bochkovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

Anna V. Bochkovskaya

PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
anna.bochkovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

1 Перевод двух глав, объединенных автором для настоящей публикации под названием «Кошмары террора и проклятие касты», выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2019]. Предыдущие главы книги см. в: [Бочковская, 2020a-d; Бочковская, 2021] — *Здесь и далее примеч. перев.*

Публикация представляет собой комментированный перевод с хинди двух глав из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāṅgiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури — известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля (*Илл. 1, 2, 3*). Он родился и вырос в квартале чамаров-неприкасаемых в панджабской деревне Мадхопур на северо-западе Индии, прошел непростую школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. Его перу принадлежат множество сборников стихов, рассказов и эссе на панджаби; в 2020 г. вышел его новый роман «И возговорила земля…» (*Miṭṭī bol paī*) о движении *ад-дхарм* в среде панджабских неприкасаемых в 1920–1940-х годах. Балбир Мадхопури перевел на родной язык 36 произведений мировой художественной литературы и выступил в качестве редактора 44 книг. В 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби. В октябре 2021 г. был удостоен престижной международной премии Дхахана (Dhahan Prize) за роман «И возговорила земля…»

Автобиография «Обрубленное дерево» переиздавалась 16 раз, в том числе на хинди, урду и панджаби в графике шахмукхи; она включена в программы панджабских школ и целого ряда гуманитарных вузов Индии. В книге автор делится детскими и юношескими воспоминаниями и эмоциями, подтолкнувшими его к борьбе за выход из круга нищеты и бесправия. Первая из двух предлагаемых читателю глав («Отъезд в Дели») передает атмосферу 1980-х годов, когда в штате Панджаб шла необъявленная война: сикхские экстремисты вели борьбу за создание независимого государства Халистан. Грабежи, насилие и убийства, взрывы в автобусах и поездах, захват заложников, — эти и другие террористические акты, направленные прежде всего против мирных жителей Пятиречья, стали печальной нормой повседневности и вынудили многих панджабцев покинуть родные места; штат смог вернуться к нормальной жизни лишь в начале 1990-х годов. В заключительной главе книги («Судьба квартиросъемщика») Мадхопури, продолжая рассказ о социальной несправедливости и кастовом неравенстве, сохраняющихся в обществе и поныне, повествует о начальном этапе своей жизни в космополитичной и, казалось бы, свободной от предрассудков индийской столице.

Ключевые слова: Индия, Панджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература

Для цитирования: Мадхопури Б., Бочковская А. В. Кошмары террора и проклятие касты (главы из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 1. С. 127-140. DOI 10.18254/S268684310021384-0

The commented translation of a chapter from the *Chāṅgiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist, and social activist, brings forward episodes from the life of Dalit inhabitants of a Punjab village in the 1960–1970s (*Pic. 1, 2, 3*). Following the school of hard knocks of his childhood in the *chamar* quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. He has authored 14 books including three volumes of poetry, translated 36 pieces of world literary classics into Punjabi, his mother language, and edited 44 books in Punjabi. In 2014, he was awarded the Translation Prize from India's Sahitya Academy for his contribution to the development and promotion of Punjabi. His new fiction novel *Miṭṭī bol paī* (*Earth Has Spoken*, 2020) focuses on the struggle of downtrodden Punjabis for their human rights and the *ad-dharam* movement in the North of India in the 1920–1940s. This novel brought him a prestigious international award for excellence in Punjabi fiction, the Dhahan Prize, in 2021.

Narrating his autobiography, Balbir Madhopuri shares memories, thoughts, and emotions from childhood

and youth days that determined his motivations to struggle against poverty, deprivation, and injustice. The first of the two translated chapters, *Dillī ke lie ravāngī* (*Departure for Delhi* [Madhopuri, 2010], describes the atmosphere of the 1980s — the times of an undeclared terrorist war in Punjab when Sikh secessionists struggled for establishing an independent Khalistan state in India. Looting, raping, killing, setting off bombs in buses and trains, and taking civilian hostages became a sad reality that forced many Punjabis to leave their homes forever. In the final chapter of the book, *Kirāyedārī kī lānat* (*Being a Tenant*), Balbir Madhopuri reflects on the issues of social oppression and caste inequality that remain in the contemporary society and tells readers about the most difficult initial period of his life in India's cosmopolitan capital.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature

For citation: Madhopuri Balbir, Bochkovskaya Anna V. Ātaṅk aur jātivādī ḍaṅk / Terror and Casteism Sting (Chapters from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 127-140. DOI 10.18254/S268684310021384-0

Отъезд в Дели

В последние пять-шесть лет обстановка в Пятиречье[2] резко ухудшилась. Казалось, она менялась вместе с окрасом панджабских политиков. Люди превратились в каких-то чудовищ и стремились подчинить себе все, в том числе и природу. С наступлением темноты даже собаки потихоньку пробирались внутрь домов — будто забывали, что надо лаять на луну. Они как будто понимали, что за тишина окутывала все улочки в деревне. Если что-то и разрывало пелену безмолвия, то это было потрескивание автоматных очередей и душераздирающие рыдания и причитания. Если во время такого плача кто-то пытался противостоять источнику беды, сеявшие повсюду страх ночные демоны тут же уничтожали его.

Все вокруг сочилось ненавистью, потоки провокаций не иссякали. Люди, которые их поддерживали, теперь были уверены, что скоро достигнут цели. Люди, которые убивали и насиловали, заявляли теперь о своей чистоте и добродетели. Чужаков вроде бы держали под контролем; голоса сторонников обособления и разобщения становились все слышнее. Святые места превратились в пусковые установки, откуда вылетали ядовитые залпы вражды и ненависти. Семьи разделились на враждующие лагеря…

Когда выдавались свободные моменты, я наблюдал за свободным полетом птиц в небесах. Они то усаживались на ветках деревьев, то перелетали на дома. Границы для них не существовали, вся земля и все небо принадлежали им. Мои мысли нередко устремлялись вслед за птицами, и то и дело казалось, что я покинул эту землю.

Люди лишились душевного равновесия: похороны проходили то в одной деревне, то в другой. Всюду выделялись женщины всех возрастов — с белыми *дупаттами*[3] на головах, с бледными и осунувшимися лицами. Жестокий и бессмысленный ураган, казалось, унес прочь красные накидки[4], как и все краски из жизни людей. Застеленные лужайки для траурных мероприятий стали обыденностью на каждой улочке.

Старик, обычно сидевший около нашей *гурдвары*[5] на помосте под *пипалом*[6], повторял:

2 Синоним — Панджаб (*pañj* — пять, *āb* — река, вода).

3 *Дупатта* — широкий легкий шарф / накидка; непременный атрибут одежды панджабок. Белую одежду обычно носили вдовы.

4 Красный — цвет свадебного наряда невесты.

5 *Гурдвара* — сикхский храм.

6 *Пипал* (*Ficus religiosa*) — фикус священный, смоковница священная.

— Плохие времена наступили. Со времен раздела[7] такой резни мы не видали! — Его слова были исполнены безнадежности.

— Тех, кто из святых мест заговоры устраивает, — их только Всевышний одолеет. Когда-нибудь природа точно будет милостива к людям. Небо и земля остаются на месте, потому что они хранят праведность и справедливость.

Каждый день исчезали невинные люди. Несмотря на изматывающую летнюю жару и перебои с электричеством, большинство, особенно молодые люди, были вынуждены спать внутри, надежно заперев двери. Девушек прятали подобно драгоценностям, которые могли украсть. Руки, поднятые в их защиту, ломали или калечили. Всюду царил полный беспредел!

Вокруг перешептывались: что одни с оружием в руках, что другие, — разницы никакой. Многие здравомыслящие люди пытались изменить общую атмосферу к лучшему, объединить всех против этой братоубийственной войны, залечить глубокие раны, нанесенные обществу. Они призывали к терпимости, миру и гармонии.

Затем пришло время, когда многое изменилось. Голоса безмолвных были услышаны; нуждавшиеся обретали помощь. Жизнь постепенно налаживалась, поток развернулся — спокойно и безвозвратно, нечеловеческие убийства прекратились. Голос, желавший заставить замолчать всю оппозицию, утих навсегда. Экстремисты были побеждены, но главный храм был осквернен[8].

Впервые в жизни мне довелось увидеть, насколько в условиях страха оказались безжизненными и бессмысленными государственные организации. Говорят, при англичанах чрезвычайное положение в Джаландхаре вводили лишь один раз, — но теперь его ввели во всем штате. Видны были лишь армейские и военизированные патрули — а еще бродячие собаки на дорогах и птицы в небе. Вокруг царила разруха. Кипевшие жизнью и наполненные детскими играми и проказами улицы и базары попросту исчезли. Слезы стали на пути развлечений молодого поколения и стерли улыбки с лиц старших. Мне часто казалось, будто меня кто-то преследует. Но когда я оборачивался, сзади не оказывалось никого! Земля была исполнена страха и наваждений.

Адскому огню все равно, что окажется на его пути. В конце концов он поднялся до самого верха, добрался и до самой столицы[9]. Рухнуло огромное дерево, и затряслась земля. Люди перестали владеть собой, изливали гнев и мстили, убивая невинных. Сложенные в молитве руки отсекали. Совершались все зверства, которые можно было совершить; трупы оплевывали; на мертвые тела испражнялись; на живых людей водружали горящие покрышки. «Око за око», — так звучал лозунг дня.

Множество разумных и здравомыслящих люди призывало к миру. Но жизнь многих из них закончилась ужасно; многие умирали, стремясь произнести слова мира.

В те чудовищные времена, исполненные страха и подозрений, Бапу[10] дал мне совет:

— Сними тюрбан, подстригись покороче и езжай в Дели. Посмотри, как дела у Бакхши и

7 В 1947 г. Индия получила независимость и одновременно была разделена на две части — собственно Индию и Пакистан. Раздел сопровождался массовыми переселениями мусульман, индусов и сикхов. По всей стране с лета 1947 г. шли индусско-мусульманские погромы, а в Панджабе к ним присоединились и сикхи. В общей сложности жертвами резни на религиозной почве оказались около миллиона индийцев.

8 Успешный штурм Золотого храма в Амритсаре (армейская операция «Голубая звезда») — одной из главных сикхских святынь и одновременно базы сикхских сепаратистов — в июне 1984 г. стал поворотным, хотя и неоднозначным, событием в истории движения за создание Халистана. В ходе штурма погибло большое количество мирных жителей, храм получил колоссальные повреждения, пострадал и священный текст сикхов Гуру-грантх. Спустя несколько месяцев в отместку сикхские охранники убили премьер-министра Индии Индиру Ганди, отдавшую приказ штурмовать храм. Это привело к взрывному росту антисикхских настроений в стране и одновременно к еще большей активизации сикхских террористов, оппозиционно настроенных к правительству Индии.

9 Имеются в виду антисикхские погромы в Дели, начавшиеся после убийства Индиры Ганди 31 октября 1984 г.

10 *Бапу* — отец.

других родственников — похоже, убивать уже перестали…

Когда я вышел из автобуса и направился к дому старшего брата, я кожей ощущал страх — он царил повсюду. Все вокруг было пропитано духом мести. Я огляделся, увидел остатки сгоревших домов, и мне вспомнилось, как у нас дома воробьиная пара свила гнездо около электросчетчика, собирая соломинку к соломинке; но затем налетел ураган, повода замкнуло, и от искры все воробьиное семейство моментально превратилось в горстку пепла. Я был настолько потрясен увиденным в Дели, что вернулся в деревню на следующий же день. Казалось, нигде больше не осталось ничего человеческого.

Спустя несколько месяцев пережитое само собой стало складываться в стихи…

И вот наступило 24 июля 1985 года — мой тридцатый день рождения; эта же дата вошла в историю всей страны. Было подписано соглашение Раджива–Лонговала[11], включившее одиннадцать пунктов. Люди читали о нем в газетах, слушали в новостях: Чандигарх должен отойти Панджабу, а хиндиязычные районы Панджаба — Хариане; специальная комиссия должна принять решение о разделе вод Рави и Беаса; будет проведено расследование ноябрьских погромов 1984 года в Канпуре и Бокаро; Анандпурскую резолюцию передадут на рассмотрение комиссии Саркариа; тех, кто дезертировал из армии, реабилитируют, — и многое другое. Комиссия Рангнатха уже занималась расследованием антисикхских погромов в Дели… Политики, причастные к заключению соглашения, тотчас же стали спасителями и творцами мира. Вклад левых сил в решение вопроса особо в расчет не принимался.

Из лагеря умеренных тоже звучали голоса, осуждавшие экстремизм. Они также поддерживали мир и призывали к всеобщему братству. Все были убеждены: если соглашение Раджива–Лонговала будет полностью выполнено, это станет уроком для врагов Панджаба и всей страны.

Передача хиндиязычных районов застопорилась на событиях в Кундукхере[12], и лозунг *Kundūkheṛā karū nibeṛā* («Кундукхера решит проблему») теперь сделался боевым кличем. Кто-то слышал, как некоторые невменяемые говорили переписчикам на панджаби: «Пожалуйста, запишите: наш родной язык — хинди!»

В такой неразберихе прошло почти одиннадцать месяцев, но проблемы Панджаба не решались. Ничего не менялось, мир так и не наступил.

Ситуация усугубилась, когда *санта*[13] Харчанда Сингх Лонговала убили экстремисты. Это случилось 20 августа 1986 года в находящейся в 30 км от Сангрура деревне — в *гурдваре*, когда он после выступления склонился перед священной Гуру-грантх. Панджаб погрузился в еще более глубокий траур.

То были обескураживающие времена для простых людей, находившихся в полном недоумении от того, как быстро развивались события и как стремительно меняли взгляды умеренные и экстремистские лидеры. Все стороны взывали к сохранению мира; одновременно все говорили о том, что фундаменталистам надо дать подобающий отпор. Некоторые отстаивавшие идею мира владельцы газет и их сотрудники погибли от рук экстремистов.

Как раз в эти мрачные времена мой испытательный срок подошел к концу, и меня взяли в штат государственной конторы. Я отправился в офис компартии, чтобы сообщить им радостную новость.

— Поздравляю! Теперь ты стал чиновником, и нечего сюда слишком часто ходить. Да по-

11 Соглашение между премьер-министром Индии Радживом Ганди и президентом сикхской партии Акали-дал Харчандом Сингхом Лонговалом, в соответствии с которым правительство страны приняло практически все требования сикхов взамен на обещание Акали-дал прекратить антиправительственную агитацию в Панджабе. Менее чем через месяц Лонговал был убит сикхскими экстремистами, выступавшими против соглашения с властями.

12 Вопрос о принадлежности Кундукхеры (деревни на границе между Панджабом и хиндиязычной Харианой) был решен после проведения специальной переписи в 1986 г. Было установлено, что большинство жителей деревни говорили на панджаби, и Кундукхера стала частью штата Панджаб.

13 *Сант* — святой.

следние годы ты и не был членом партии, — без всяких обиняков посоветовал мне партийный секретарь дистрикта. И добавил:

— Тебе же и лучше!

Я чувствовал себя абсолютно потерянным. Признательность товарищей, их наставничество и дружеские отношения, — все, казалось, покидало меня. Я был опустошен и обездвижен — как раненый солдат, который не может шевельнуться. Все потрясения, происходившие вокруг, в полной мере сказались и на мне. Пока я добирался на автобусе к себе в деревню, принял решение: буду бороться своими черно-белыми словесными пулями со злом, рушащим мир и жизни людей.

— Меня переводят в Дели… — сообщил я отцу и маме, как только вошел во дворик.

— Всевышний внял моим молитвам! — воскликнула мама, услышав только половину фразы, и поклонилась земле. Увидеть ее расцветшее улыбкой лицо было счастьем для меня. Она нежно прикоснулась к моей голове и спросила:

— Когда уезжаешь? Скажу тебе: если надо ехать, езжай сегодня же!

Чуть помолчав, пояснила:

— Товарищ Кулвант каждый день в разных местах высаживает тебя на дальней дороге, каждый раз домой возвращаешься в разное время. Мы беспокоимся и боимся за тебя. Если будешь в Дели с братом, мы хотя бы не будем волноваться все время.

— Ты за этим своим товарищем как преданный пес следовал всюду и всегда, как только его видел! Нас не слушал… А теперь — вот! — заявил Бапу с победным выражением лица.

— Мое повышение… — начал было я, но мама перебила:

— Когда надо собираться?

Прежде чем я успел что-либо ответить, она продолжила:

— Время такое плохое, здесь всюду матери теряют сыновей. Потому-то и говорю, сынок, уезжай отсюда подальше.

Вздохнула, вытирая полные слез глаза краешком *дупатты*:

— Калиюга[14] наступила: матери молятся, чтобы сыновья уехали подальше и жили долго, а потом тоскуют и плачут, ждут встречи с ними!

Ее голос сел, и она ничего больше не смогла сказать: перехватило горло. Я пытался показать ей, что я храбрый, но ощущал себя очень слабым, сравнивая себя с двоюродными братьями — Ноханой, Пхумманом и Мадди, служившими в армии. Когда наступало время возвращаться на службу после отпуска, собирались все обитатели нашего квартала — взрослые и дети, женщины и мужчины. И кто-нибудь говорил:

— Ты вроде только что приехал! Непохоже, что уже целый месяц тут пробыл!

А кто-то другой подхватывал:

— Свидимся еще… Пусть у тебя все будет хорошо. Чтобы на жизнь заработать, трудиться надо!

Мои тетушки, их дочери и невестки прощались со слезами на глазах, и потом на некоторое время все заполняла печальная тишина.

Мои воспоминания прервало бульканье *хукки*[15], которую потягивал Бапу.

— Гудд! Мы стареем — не забывай о нас! Говорят — кто в Дели уехал, тот там и остался! Всем детям в семье еще надо свадьбу справить!

Лицо Бапу было бесконечно беспомощным.

— Отец, бхайя[16], не расстраивайся, я с тобой… — заверил я его, понимая, какая на мне лежит ответственность. Я был исполнен решимости выполнить все.

— Вот ты все повторяешь: «Бхайя, бхайя»! А понимаешь, что это значит?

Показывая на себя, он сказал:

— Ты рожден из этого тела, ты его часть! Именно потому мы бхайя-бхаи — братья!

Бапу говорил с мудрым выражением лица, но в его глазах мелькала укоризна.

Всю ночь я боролся с беспокойными мыслями. Печалился, думая о расставании со всеми дру-

14 Калиюга — «темные времена», «Железный век».
15 *Хукка* — кальян.
16 *Бхайя* — брат (хинди); отец (панджаби).

зьями и родными, остававшимися со мной в самые разные моменты жизни, о переезде в огромный город за четыреста с лишним километров.

Наутро, 28 марта 1987 года, мама и сестры встали задолго до меня и стали собирать меня в путешествие; они мелькали то на веранде, то на кухне.

— Бапу, я оставлю велосипед в лавке у Шармы, — с этими словами я сел на велосипед и оправился в путь. Поправляя сумку на багажнике, оглянулся, но отца не увидел. А мама, сестры и младший брат Кулдип все еще стояли на дороге, глядя на быстро удаляющийся велосипед.

Золотые колосья пшеницы на полях вокруг, казалось, напоминали, что сестры в том возрасте, когда их пора выдавать замуж. У меня возникло чувство, что вся семья едет со мной в Дели.

Судьба квартиросьемщика

Свадебная процессия-*барат* — одиннадцать человек — прибыла в деревню моих будущих родственников. Женщины из семьи невесты пели приветственные песни, а затем затянули *ситтхни* — насмешливые припевки, которые родственницы новобрачной исполняют на свадьбах:

Собери деньги в нашей деревне,
Заплати музыкантам, что придут с женихом.
Барат — вида нет, совести нет!
Стыдно должно быть тебе за него!

Или:

Барати[17] *музыкантов не привели —*
По животу стучат, не по барабану!

Женщины громко обсуждали нас:

— Говорят, что жених — чиновник, а с ними даже фотографа нет, чтобы видео сделать… Пришли будто лишь для того, чтобы невесту забрать... Надо же чтоб хоть как-то на праздник походило…

— Я слышала: говорят, приданое им не нужно! — сообщила другая женщина.

— Кого что волнует, если задарма достается! — добавила еще одна. — Не сейчас, так позже потребуют! Сейчас так говорят — для порядка, а потом еще больше захотят!

После свадебной церемонии, которая шла два с половиной часа, страхи, сжиравшие меня изнутри на протяжении нескольких последних месяцев, снова усилились. Меня мучили мысли о нашей первой брачной ночи и о семейной жизни. Я много чего боялся. Казалось, что на мне лежит какой-то груз — как горой придавило. За последние месяцы я похудел на десяток килограммов. Некоторые друзья даже дразнили меня:

— Еще не женился, а уже схуднул… Но ничего, женишься — наберешь вес, свадьба — она как топленое масло!

На пятый день после свадьбы мы с женой приехали в Дели. За полтора месяца вес вернулся, я успокоился и пребывал в прекрасном настроении. Но так продолжалось недолго, и меньше чем за полгода суровая реальность пригасила мое воодушевление.

Расходы на жилье, на свадьбу двух младших сестер и старшего брата затянули меня в финансовый омут, и я изо всех сил пытался выбраться из него. Я часто занимал деньги в страховом фонде, и теперь на руки получал меньше двух тысяч рупий. Из этой мизерной суммы треть я оставлял себе, треть отправлял домой в Мадхопур, а остальное отдавал старшему брату, поскольку мы жили вместе.

За шесть лет у нас родилось трое детей. Третью сестру тоже выдали замуж. Суммы, которые я занимал и которые вычитались из моей зарплаты, увеличились еще больше. Ко всему добавлялись рост цен и расходов, и обстановка дома накалялась. В результате старший брат мне как-то заявил:

— Ты каждый месяц говоришь, что переедешь в другую квартиру, а сам не переезжаешь. Те восемьсот, что ты мне даешь, — думаешь, до-

17 *Барати* — участник свадебной процессии.

статочно на домашние нужды? И друзья твои еще толпами тут ходят. Вот заживешь отдельно, тогда и узнаешь, как все дорого и как дом содержать сложно!

— А те восемьсот, что я отсылаю домой? Они не считаются? — возразил я. — Ты мне все говорил, чтобы я занимал деньги из фонда, что мы как-нибудь проживем.

— Съезжай отсюда! Нам тоже хочется жить самим — и спокойно! — вставила свое слово невестка.

Казалось, все мои планы по улучшению жизни семьи рухнули — подобно тому, как несколькими днями раньше была уничтожена Бабри-масджид[18]. Возможности для компромисса не было. Наверное, они и не подумали о будущем всей семьи. Очевидно, я для них был всего лишь станком для печатания денег!

Тем же утром я отправился на поиски жилища вместе с другом Мисрдипом Бхатией, двоюродным братом жены. Долгие и непростые поиски в юго-западной части Дели закончились тем, что мы сняли комнату в районе Мунирка, — оттуда всего лишь километр до моей работы и до школы старшей дочери. Дом был новым, недавно построенным. Мы приготовили еду в только что купленной посуде и впервые поужинали на новом месте. Вся семья из пяти человек спала на одной кровати под одним покрывалом. Другой кровати у нас не было, как и других постельных принадлежностей. Правда, у меня было много книг.

Спустя пару дней нас пришел навестить Мадан с супругой и детьми-близнецами — он был нам как младший брат. Мы с женой переглянулись.

— Мадан, пока только вот такое, хоть и не лучшее, — с этими словами я поставил перед ними печенье и сахар. Моя зарплата уже ушла на оплату комнаты и покупку кое-какой кухонной утвари.

— Она впервые пришла к нам в гости с детьми, а у нас и десяти рупий нет, чтобы подарить им! — чуть не плача сказала жена.

Я был озабочен и другим. Когда я возвращался с работы, хозяин дома нередко сиживал у входа, потягивая *хукку*, и интересовался:

— Брат, не сердись. Скажи, вы из какой касты?

— Мы сикхи, — отвечал я, поправляя тюрбан.

— Не взыщи, но я как-то ехал на поезде из Агры в Дели, и рядом сидели сардар[19] с женой. Хорошо одеты, он вроде образован… Я расспрашивал его о Панджабе и узнал много нового.

— Да ну?

— И я спросил его про касту. Как и ты, он сказал, что он сикх. Я сказал ему: «У сикхов тоже касты есть — так вы из какой?» Он было замялся, а потом ответил, что он рамдасия[20].

— За разговором, наверное, время хорошо прошло.

— Когда он сказал мне, что они рамдасия, о чем я мог с ним еще говорить! Отвернулся в другую сторону, — с гордостью сообщил мне старик-гуджар[21].

— А если б он сказал вам неправду — что они из касты повыше?

— То взял бы на душу грех! — с этими словами он поднял стоявшую рядом бутылку рома, плеснул в стакан и одним глотком осушил его.

Этот малограмотный старик был мне был неприятен. Казалось, наступил новый этап унижений. Устав от ежедневных расспросов, я начал искать другую квартиру.

18 Бабри-масджид («мечеть Бабура») — мечеть в Северной Индии (г. Айодхъя), построенная в XVI в. по указанию мусульманского завоевателя Мухаммад-шаха Бабура на месте «рождения» Рамы — одного из главных богов индусского пантеона. Споры индусов и мусульман по поводу принадлежности земли, на которой размещалась мечеть, шли с колониальных времен, а в XX в. стали предметом судебных разбирательств в Верховном суде Индии. 6 декабря 1992 г. индусские радикалы полностью разрушили мечеть, что вылилось в масштабные межобщинные столкновения, прокатившиеся по всей стране и унесшие более 2 тыс. жизней.

19 *Сардар* — уважительное обращение к сикху.

20 Рамдасия — низкая, исходно индусская каста; так себя стали именовать кожевенники-чамары, перешедшие в сикхизм.

21 Гуджары — каста средней руки в Северо-Западной и Западной Индии.

Илл. 1. **Балбир Мадхопури с супругой Харджиндер Коур.** Дели, 1988 г. Фото из личного архива автора
Balbir Madhopuri with His Wife Harjinder Kaur
Delhi, 1988
Source: Personal Archive of the Author

Я направился в сектор VII квартала Ар-Кей-Пурам[22] — там жила семья, которую мы хорошо знали. Была зима, и хозяйка сидела наверху, на солнце, с вязанием в руках.

— Давайте аванс — пять тысяч, и сдадим вам эту квартиру. Сейчас за такие квартиры четвертого класса[23] берут десять тысяч аванса, но мы, конечно, свои люди.

Мы с радостью обустроились в новом доме. Однако школа дочери была в секторе III, что оказалось очень далеко. У меня не было велосипеда, и единственным доступным видом транспорта был автобус. Летом приходилось забирать ее из школы под палящим полуденным солнцем, отвозить домой и затем снова мчаться на работу. Я часто думал: если бы старший брат позволил нам остаться у него до конца школьного семестра — что, небеса рухнули бы? Вспоминал слова мамы: «Теперь у нас три семьи. Только бы они смогли прожить вместе, до того как свадьбы младшей дочки и сына сыграем! А потом уж и разъехаться смогут».

Так мы прожили в той квартире пять месяцев. Как-то к нам вошла, поправляя сари, толстая дама и завопила:

Вы кто такие? Как вы оказались в моей квартире без моего разрешения?!

Еще одна проблема — ко всем прочим! Она бесцеремонно уселась на кровать, продолжая возмущаться. Мы с женой уставились друг на друга. Дети шепотом спросила:

Когда эта трещотка уйдет? На нашей кровати расселась — а мы где спать будем?

Выпив чаю, эта «госпожа» сообщила:

— Шла бы мне плата — я против была бы что ли?

— Мы им заплатили аванс — пять тысяч. И платим за казенный наем по пятьсот рупий в месяц. Нам сказали, что все улажено, мы можем жить здесь без проблем, еще по пятьсот будет оплачиваться из аванса, — мы рассказали ей о своем договоре.

— То есть тысячу за наем! Она сама мне только пятьсот платила! — заявила хозяйка. Мы были потрясены. Она дала нам некоторое время, и мы постепенно смогли выплатить ей сумму за прошедшие месяцы.

На самом деле наши знакомые знали о решении Верховного суда и о том, что скоро должно начаться расследование по незаконной сдаче

22 Ар-Кей-Пурам (R.K. Puram) — район в южной части Дели.

23 Казенные квартиры для государственных служащих IV класса (технический персонал) — самые простые и дешевые.

Илл. 2. **Вручение Балбиру Мадхопури высшей награды Литературной академии Индии за переводческую деятельность.** Гувахати, 2014 г. Фото из личного архива автора
Awarding Balbir Madhopuri a Translation Prize of India's Sahitya Academy. Guwahati, 2014
Source: Personal Archive of the Author

внаем этих казенных квартир. Они воспользовались удобным моментом и, съезжая отсюда, вручили нам ключи. Когда мы поинтересовались, зачем они нас обманывали, нас же и отчитали:

— Любой риелтор берет комиссию — трехмесячную оплату! А вы все жалуетесь! Оскорбляете нас, все про деньги спрашиваете! Хватит уже!

Начались ежедневные проверки Центрального управления коммунального хозяйства. Мы узнали, что в последние десять лет здесь никто не платил ни за казенный наем, ни за электричество. Все объяснялось тем, что «трещотка» овдовела несколько лет назад и думала лишь, как получить деньги с тех, кому незаконно сдавала квартиру. К счастью, в апартаментах IV класса не были отключены электричество и вода, хоть за них и не платили все эти годы.

Д-р Мохан Сингх Мохе настаивал, чтобы я во время отпуска съездил с ним и его семьей на юг, в Кералу. Но у детей шли экзамены, и я боялся, что жена будет недовольна. Все же поехал, а когда через десять дней вернулся, соседи с первого этажа остановили меня у лестницы и сообщили:

— Из коммунального управления приходили, хотели выставить вас с вещами, но мы их все вместе упросили подождать — пока вы вернетесь, и через пару дней съедете.

На следующий день мы на время перевезли наши пожитки к одному из друзей. За неделю нашли комнату в секторе VIII Ар-Кей-Пурама и заплатили за нее 5000 рупий аванса. Условия аренды были очень суровыми.

У хозяйки этого казенного жилья был детский сад. Она запугивала детей, за которыми присматривала, и все время заставляла их спать. Нашим детям не разрешалось ни выходить из комнаты днем, ни разговаривать. Она стала создавать нам проблемы:

— Бхаи-сахеб[24], ваши дети слишком шумят, да и семья у вас очень большая. Уж очень много воды у вас уходит для стирки. Освободите комнату через пару дней!

Я припомнил, что ее муж мне заявил несколькими днями ранее:

— Бхаи-сахеб, после вас вся ванная мокрая — мойтесь в углу. Нехорошо так — вы же образованный человек!

Из-за этих событий я совсем пал духом. Злости не хватало: я только что оплатил учебу детей в новой школе — и вот всего лишь через три месяца мы снова без дома! Где теперь мне взять деньги? Вспоминал отца, его целеустремленность — как, несмотря на все невзгоды, он занимал деньги и как зарабатывал: все, что зарабатывал, уходило на выплату долгов! Его пример, его стойкость и упорство дали мне возможность идти вперед, и сейчас у меня уже была неплохая зарплата.

24 *Бхаи-сахеб* — здесь: уважаемый.

К тому времени мы с женой решили, что не будем больше связываться с замкнутым кругом казенных квартир. Время от времени я приходил в ярость: говорят, что, мол, зарегистрированным кастам[25] государство быстро дает жилье. А я уже пятнадцать лет на государственной службе — мне-то когда предоставят квартиру? Когда пара лет до пенсии останется?

Хозяйка затянула:

— Вещи собраны, что ждать — съезжать надо. И дождя сильного сейчас нет, лишь моросит. Так и будет моросить без конца…

Мы погрузили вещи в моторикшу и направились в джайнский квартал Палама. Увидев нечистоты в открытых дренажных канавах по обочинам, дети зажали носы. У жены была температура; она с детьми только вошла в комнату и присела, как появилась хозяйка. Дождь продолжался, мы разгружали свой скарб. Лицо жены раскраснелось от жара, но хозяйка все говорила и говорила. Когда она удалилась, жена сообщила:

— Старуха спрашивает — вы кто будете? Ну — пандиты[26] или еще кто?

— И что ты ей ответила?

— Сказала, что мы сикхи. Давай решим, что ей говорить, чтобы не вышло так — ты говоришь одно, а я другое.

Мы размышляли до полуночи. Решили, что этим людям нужны лишь деньги за комнату, что им до нашей касты! Кастовое проклятие не покидало нас и в городе — а еще говорят, что городские люди образованные и без предрассудков!

— Та Шеша, у которой детский сад, — без конца допытывалась про касту, но я ей напрямую так и не отвечала. А эта старуха вещи не дала разгрузить толком — уже допрос устроила… — она помолчала и продолжила:

— Дала бы Шеша детям в ту школу доходить до каникул… Что бы это изменило? Счетчики отключены, она без конца поливала свою лужайку и грядки, а все твердила: «У вас семья большая». У нас трое, а у них самих двое…

— Может, она как-то узнала про нашу касту? Что ли не видела табличку на двери — «Гопал Сингх Гаур» большими буквами?

— Ну что сказать? Но она без конца твердила: если вы сикхи, то почему волосы в пучок[27] не собираете?.. До новой школы отсюда километра полтора. Найди велосипед или рикшу найми — детей в школу возить.

Снова и снова я размышлял о том, что же наделал мой брат. В тех квартирах многие жили огромными семьями — родители, дети, внуки. Были бы мы по-прежнему вместе, легче было бы выдать замуж нашу четвертую сестру.

Жена понимала, что меня угнетало, и повторяла:

— Не думай слишком много об этом! Дети должны заниматься делами родителей. Тебе нужно беречь здоровье… Все получится. Ложись-ка сейчас спать.

Ее слова придавали силы: я хотя бы не одинок, мы вместе. Один да один — одиннадцать.

В том джайнском доме в Паламе нам пришлось хвататься за любую соломинку, чтобы выжить. Пришлось оплатить старый счет за электричество. У хозяев горел свет и тогда, когда у нас в комнате электричество отключалось. Устав от этого, как-то я попросил:

— Комаров полно. Позвольте мне подсоединить вентилятор к вашему выключателю, чтобы дети могли спать.

— Нет, он перегрузит нашу сеть, — категорически отказала невестка хозяйки. Хотя сами они подсоединили провода к столбу и воровали электричество.

Чтобы набрать воду, мне приходилось вставать иногда глубокой ночью, а иногда — под утро. Из-за слабого напора я был вынужден занимать-

25 Зарегистрированные касты — низшие (бывшие неприкасаемые) касты, в отношении которых в независимой Индии проводится политика «позитивной дискриминации»: им предоставляются определенные льготы, в частности, для них резервируются места в представительных органах власти, в государственных учреждениях, в вузах.

26 *Пандит* — ученый брахман.

27 Придерживающиеся традиционного кодекса поведения сикхи обычно не стригут волосы и не бреют бороду. Волосы закалывают и убирают под тюрбан, а мальчикам собирают в пучок и затягивают его небольшим платком.

ся этим по два-три часа. Нормально спать не получалось, и я чувствовал, что желание что-либо читать и писать постепенно исчезает под грузом всех душивших меня проблем. Поразмыслив, мы приняли решение снять жилье ближе к школе.

Теперь мы жили в доме, принадлежавшем Б. Д. Шарме в паламском квартале Махавир. Он приехал сюда из Панджаба — продал все, что у него было, когда там разгорелась война. Здесь жили и продолжали заниматься своими делами и многие другие торговцы из Амритсара. Дочери Шармы то и дело спрашивали жену про нашу касту. Она отвечала уклончиво, потом говорила мне:

— Похоже, кусок им в горло не лезет, пока не разнюхают все насчет касты других!

Как-то один из коллег, с которым я постоянно обсуждал все квартирные сложности, предложил:

— Послушай, ты сейчас тюрбан не носишь, а дешевую квартиру снять очень трудно. Надо спектакль разыграть. Я тут как-то прогуливался у себя в джайнском квартале и заметил на соседней террасе мужчину. У него на ухе *джанео*[28] — так надето, чтобы все, кто его знал, издалека видели бы, что он брахман. Когда я узнал его, страшно удивился и спросил: «Пурушоттам, друг, это ты? Когда ты сюда перебрался? И брахманом когда стал? Сам же говорил, что должность по квоте получил!» А он говорит: «Давай потише! Мне, бывало, тысячи вопросов задавали, чтобы сдать квартиру, а потом отказывали. И я придумал — купил за четверть рупии шнур и ношу его. И теперь все — и джаты, и джайны — зовут меня Пандит-джи!»

— Я так жить не смогу — двойной жизнью. Надо бороться, чтобы люди знали об этих предрассудках!.. Но… я не могу слишком много платить за квартиру!

— Мне-то что! Тогда постоянно будут вышвыривать — будь готов к этому! — парировал он.

На следующий месяц Б. Д. Шарма внезапно поднял арендную плату сразу на триста рупий. И выставил еще одно условие:

— Если не хотите платить еще больше, записывайте всех троих детей в мою школу!

Очередные две недели я провел в поиске нового жилья. Одна бихарка[29] мне сообщила, что у нас очень большая семья. Другой — химачалец[30] — расспрашивал про работу и затем заявил:

— Столько лет живете в Дели — и все еще снимаете? Может у вас привычки дурные — вино или еще что-то?

Многие арендодатели после долгих расспросов заламывали такую цену, которая была нам не по карману. У жены была подруга, Балджит, — они дружили с детства, и она нам подсказывала, где есть свободные квартиры. Именно она привела нас в тот квартал. С ее помощью мы смогли снять обшарпанную темную квартиру на первом этаже в переулке за ее домом.

Спустя пару дней хозяйка — она была из Харианы[31] — спросила жену:

— Вы тоже джаты, как и Балджит? У них много земли.

В тот момент раздался звонок, и в квартиру ворвались дети Балджит:

— Тетушка! Тетушка!

Хозяйка замолчала и ушла. Но ее расследование не закончилось.

— Балбир-джи, давайте выпьем! — это хозяин, бывший военный. Когда я сел на диван, он продолжил: — Так ваш дом в самой деревне? Или на окраине?[32]

— В деревне! — его пассаж поразил меня. — Я не пью!

С этими словами я поднялся и вышел. Кто знает, что он бы еще придумал, если бы я остался!

Там мы прожили десять месяцев, и затем я сообщил хозяевам, что детям сложно переходить дорогу, что мы купили участок по другую

28 *Джанео* — священный шнур.
29 Бихар — штат Индии.
30 Химачал-Прадеш — штат Индии.
31 Хариана — штат Индии; до 1966 г. был частью штата Панджаб.
32 Низшие касты селятся на окраинах деревень.

Илл. 3. **Доктор Манмохан Сингх (премьер-министр Индии в 2004–2014 гг.) и руководители Комитета по управлению гурдварами Дели вручают Балбиру Мадхопури награду за вклад в развитие языка панджаби**
Делийский университет, 2018 г. Фото из личного архива автора
Dr Manmohan Singh (Prime Minister of India in 2004-2014) and heads of the Delhi Gurdwara Management Committee awarding Balbir Madhopuri a prize for his contribution to the development and promotion of Punjabi
University of Delhi, 2018. Source: Personal Archive of the Author

сторону улицы и теперь будем строить собственный дом.

Я видел, как жена улыбалась! Наверное, она услышала разговор. На следующий день мы перевезли вещи в новую съемную квартиру, на третьем этаже.

Это было наше шестое жилье за четыре с половиной года, и моя старшая дочь шестой раз сменила школу. Каждое новое переселение означало новые платежи в очередной школе. Мои родственники в деревне писали в письмах: «Забрал с собой детей — и забыл о нас. Когда вспомнишь, пришли пару сотен. А в остальном тут все в порядке. Пока!»

Я раздражался и злился, размышляя, кого винить в ситуации. Кто виноват? Меня угнетало, что все эти проблемы не давали читать и писать — а меня как раз стали признавать как поэта. Я получил несколько наград, и вместе с ними обретал признание. Не хотелось отвлекаться от цели. Такие мысли и домашние заботы крутились у меня в голове, и я с еще большим энтузиазмом занялся переводами с хинди и английского на панджаби. Впервые я писал и читал, сидя за столом: раньше я работал сидя, поджав ноги на кровати, от чего болели ноги и спина.

Я перевел «Ладджу» для издательства «Арси» и «Эдвину и Неру» для «Навъюг». Когда я ездил к Бхапе Притаму Сингху в офис около Старой крепости, каждый раз видел голодных детей и взрослых — как они выискивают и поедают объедки, выкинутые уличными торговцами. Я и раньше видел то, что они называли домом, — дорожку под открытым небом. Видел их грязные лохмотья, грязные босые ноги. Все это не могло оставить меня равнодушным.

Я осознал, что жизнь представляла собой борьбу, которой нельзя избежать. Если я хотел поднять собственный потолок, то все мои эмоции и внутренне смятение нужно было направить в литературное творчество. Невозможно было снимать квартиру, жить в чужом доме: невероят-

но унизительно и обидно! Я хотел освободиться и мечтал о собственной обители. И задумался о строительстве своего дома, которому предстояло стать моей крепостью.

Список литературы / References

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Боль разбитого зеркала (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 180–189 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *Tikḍe šīše kī vyathā / The Tale of the Cracked Mirror* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 180–189 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Баньян — «дерево чамаров» (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН.* 2020a. № 1 (11). С. 211–225 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. The Banyan Tree of the Chamars / *Hamārā, camārõ kā bargad* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN.* 2020a. No. 1 (11). Pp. 211–225 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Моя родина — Мадхопур (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН.* 2020b. № 2 (12). С. 324–333 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *My Birthplace Madhopur / Merī janmbhūmi — mādhopur* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN.* 2020b. No. 2 (12). Pp. 324–333 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. С чистого листа: зарубки в детской памяти (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН*. 2020c. № 3 (13). С. 249–264 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *Inscriptions on a Tender Mind / Kore kāġaz kī gahrī likhat* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN.* 2020c. No. 3 (13). Pp. 249–264 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Тернистый путь (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН.* 2020d. № 4 (14). С. 233–246 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *The Thorny Path / Kāṭīlī rāhõ ke rāhī* (A Chapter from *Chāṅgiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN.* 2020d. No. 4 (14). Pp. 233–246 (in Russian)].

Madhopuri B. *Chāṅgyā Rukkh (Ātmakathā)*. New Delhi: Vani Prakashan, 2007. — 232 p.

Madhopuri B. *Chāṅgiā Rukh (Svaijīvanī)*. New Delhi: Navyug, (2002) 2019. — 236 p.

Madhopuri B. *Changiya Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi: Oxford University Press, 2010. — 248 p.

DOI: 10.18254/S268684310021416-5

Пазырыкская культура на плато Укок

Pazyryk Culture on the Ukok Plateau

© 2022 **Алла Михайловна Шустова**

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия;
ashustova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9372-6553

Alla M. Shustova

PhD (Philosophy), Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia;
ashustova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9372-6553

Статья посвящена уникальному наследию плоскогорья Укок в юго-восточной части Горного Алтая. Автор анализирует данные из исследований о древней скифской культуре на Алтае и найденные археологические памятники. Расширить знания о древних жителях плоскогорья удалось благодаря сложной исследовательской работе групп российских археологов из Новосибирска под руководством В. И. Молодина и Н. В. Полосьмак. Особый резонанс вызвало обнаружение Н. В. Полосьмак в 1993 г. на плато Укок мумии пазырыкской женщины, обитавшей в южной Сибири более двух тысячелетий назад. Мумия была найдена в кургане с подкурганной мерзлотой, благодаря чему погребение сохранилось и предстало перед исследователями в исконном виде: под курганной насыпью почти на трехметровой глубине от поверхности земли был установлен лиственничный сруб, а с северной стороны от него были уложены убитые специально для погребения шесть коней в полном облачении и взнузданные. Колода-саркофаг также была украшена кожаными аппликациями, изображающими оленей. Важная составляющая пазырыкской культуры — искусство звериного стиля, широко распространенное среди скифских народов. Почти все вещи инвентаря, сопровождающего погребение пазырыкской женщины, относились к изделиям,

выполненным в зверином стиле. Несмотря на то, что погребение носило обычный для пазырыкцев характер, в нем отмечаются и незаурядные черты. Во-первых, погребение женщины было одиночным, в то время как в раскопанных ранее курганах женщины были похоронены вместе с мужчинами. Во-вторых, и сам курган был одиночным, хотя, как правило, все пазырыкские могильники — это цепочки курганов, ориентированные с севера на юг. В-третьих, предметы сопровождающего инвентаря отличались высоким мастерством, а погребальная камера — большими размерами. И, наконец, шелковая рубаха — большая редкость для пазырыкцев. В исследованиях приняли участие и зарубежные ученые, применившие более современные методы исследования. Так, из ткани женской мумии была выделена древняя ДНК, что позволило изучить расовые и этноспецифические особенности представителей пазырыкской культуры Горного Алтая. Найденные артефакты свидетельствуют о наличии у древних жителей Алтая развитой культуры.

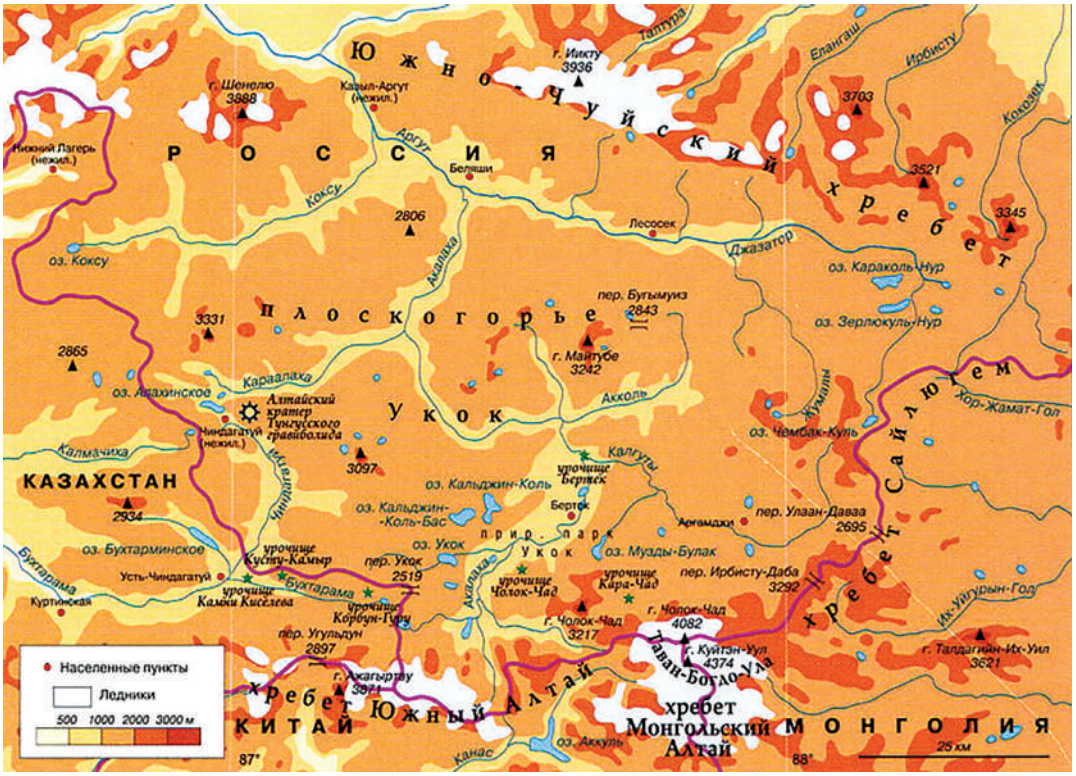
Ключевые слова: Горный Алтай, плато Укок, пазырыкская культура, искусство звериного стиля, курганы, этногенез народов Евразии

Для цитирования: Шустова А. М. Пазырыкская культура на плато Укок. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 141-160. DOI: 10.18254/S268684310021416-5

The article discusses the unique heritage of the Ukok Plateau in the southeastern part of the Altai Mountains. The author shares findings from research on the ancient Scythian culture in Altai and the archaeological monuments discovered. It has been possible to expand the knowledge about the ancient inhabitants of the Plateau due to the complex research work of the groups of Russian archaeologists from Novosibirsk headed by V. I. Molodin and N. V. Polosmak. Particular attention was given to the discovery by N. V. Polosmak in 1993 on the Ukok Plateau, i. e. the mummy of Pazyryk woman who lived in southern Siberia more than two millennia ago. The mummy was found in a mound of permafrost, so the burial was preserved and appeared to researchers in its authentic form: a larch log cabin was placed under the mound, almost three meters deep from the surface, and six horses, fully dressed and harnessed, killed especially for burial, were placed on its northern side. An important component of the Pazyryk culture is the art of the animal style, widespread among the Scythian peoples. Almost all the items of equipment accompanying the burial of a Pazyryk woman belonged to the products of the animal style. Although this burial was common to the Pazyryk people, it had some extraordinary features. First, the woman's burial was a solitary one, while in the barrows excavated earlier, women were buried together with men. Secondly, the barrow itself was solitary, although, as a rule, all the Pazyryk burial mounds are chains of barrows oriented from north to south. Thirdly, the objects of the accompanying inventory were distinguished by high craftsmanship, and the burial chamber was large. And finally, the silk shirt was a great rarity for the Pazyryk inhabitants. Foreign scientists also took part in the research, applying completely new methods of research. For example, ancient DNA was isolated from the tissue of a female mummy which allowed to study of the racial and ethnospecific features of the representatives of the Pazyryk culture of the Altai Mountains. The found artifacts testify to the presence of a developed culture belonging to the so-called Pazyryk culture among the ancient inhabitants of Altai.

Keywords: Gorny Altai, Ukok plateau, Pazyryk culture, animal style art, mounds, ethnogenesis of Eurasian peoples

For citation: Shustova Alla M. Pazyryk Culture on the Ukok Plateau. *Oriental Courier.* 2022. № 1. Pp. 141-160. DOI: 10.18254/S268684310021416-5



Илл. 1а. **Физическая карта плоскогорья Укок**
Fig. 1a. **Physical Map of the Ukok Plateau**
По: URL: https://geosfera.org/aziya/1800-ukok.html (accessed 04.02.22)

В настоящее время уже затихли страсти вокруг нашумевшей находки археологов в Южной Сибири. Речь идет об обнаружении на плато Укок мумии женщины древнего народа, необоснованно получившей название «принцессы Алтая», или даже «прародительницы» современных алтайских тюркских народов. Если спросить, где расположено плоскогорье Укок, многие, возможно, не смогут ответить сразу. Это уникальное место как для России, так и для всей Евразии находится в юго-восточной части Горного Алтая. Недалеко от плоскогорья находится географический центр евразийского материка, а рядом — Белуха, самая высокая гора Сибири (4504 м). Плоскогорье Укок служит своеобразной точкой пересечения историко-географического пространства — оно расположено на стыке четырех крупных культурных регионов: Западно-Сибирского, Алтае-Саянского, Центрально-Азиатского и Среднеазиатского. Сегодня здесь находится и стык четырех государств: с севера — России, с юга — Китая, с востока — Монголии, а с запада — Казахстана (*Илл. 1а, b*).

Историко-географическое пространство плоскогорья Укок

На протяжении тысячелетий через Укок (*Илл. 2а, b*) проходил один из участков Великого Шелкового пути. Еще несколько столетий назад, когда границы государств были не такими строгими, племена кочевников проходили его степными дорогами с севера на юг, с запада на восток, а также в обратном направлении: плоскогорье буквально хранит следы множества

Илл. 1b. **Карта-схема расположения основных памятников пазырыкской культуры**
Fig. 1b. **Schematic map of the Location of the Main Monuments of the Pazyryk Culture**
По: [Молодин, 2000 (b), с. 29].

Илл. 2a. **Автор на Укоке**
Fig. 2a. **Author on the Ukok Plateau**
По: Фото из личного архива автора

Fig. 2b. Плоскогорье Укок. Игра света на закате
Fig. 2b. The Ukok Plateau. Play of Light at Sunset
Фото © автора

людей и животных. Несмотря на богатое прошлое, сейчас Укок — это оторванная от цивилизации и закрытая территория, приграничный район, куда непросто добраться на транспорте.

Название «Укок» не является четко переводимым словом какого-либо известного нам древнего или современного языка. Исследователи предполагают, что это название является двусоставным — Ук-Кок [Рудой, 2000, с. 37]. В древнетюркском и современном киргизском слово «кок» имеет значение неба, голубого или синего цвета, а также может означать нечто священное. Тюркский корень «ук» означает «род», монгольский — «слово». Таким образом, название «Укок» можно толковать как «Небесный Род» или как «Слово Неба» и сделать вывод, что древние жители Алтая придавали этому месту особое сакральное значение. Многие высокогорные долины и плато считались священными, так как в них проходили древние обряды, сокровенные праздники, проводились важные захоронения, возводились многочисленные погребальные памятники.

Плоскогорье Укок находится на высоте 2200–2600 м над уровнем моря. Конечно же, это не Тибет с его высокогорными плато в 4000–6000 м, но для Алтая эта высота по природным параметрам соответствует той, которая в Гималаях имеет отметку 4000–5000 м над уровнем моря. При наблюдении сверху видно, что горное плато — это вознесенная вверх, сравнительно ровная и широкая площадка,

Илл. 3. Вид на горный массив Табын-Богдо-Ола
Fig. 3. View of the Tavan Bogd Mountain Massif
Фото © автора

Илл. 4. «Молочные» воды реки Ак-Алаха
Fig. 4. «Milk» Waters of the Ak-Alakha River
Фото © автора

Илл. 5. **Курган после раскопок**
Fig. 5. **Kurgan after Excavations**
Фото © автора

окруженная хребтами; эта приподнятая к небу территория как будто представляет собой престол, созданный самой природой.

С юга и юго-востока Укок граничит с **хребтом Табын-Богдо-Ола** (*Илл. 3)*, название которого переводится как «Пять Святых Гор». Правомерно соотнести Табын-Богдо-Ола с гималайской Канченджангой, расположенной к югу от него. По-тибетски Канг-чен-дзо-нга означает «Пять сокровищниц Больших Снегов». Как видим, алтайская горная система Табын-Богдо-Ола и гималайская Канг-чен-дзо-нга в своих наименованиях близки по смыслу. Табын-Богдо-Ола является вторым по высоте горным комплексом Алтая. Высочайший пик Табын-Богдо-Ола — гора Найрамдал (Кийтын) достигает высоты 4374 м. Эта гора является второй по высоте вершиной в Сибири после Белухи.

На хребте Табын-Богдо-Ола располагаются крупнейшие ледники не только Алтая, но и всей Сибири. Благодаря неглубоко залегающей многолетней мерзлоте на Укоке много озер и болот; речная сеть также довольно густа — здесь сконцентрированы невероятные запасы чрезвычайно чистой воды. По Укоку протекает красивейшая река Беловодья — Ак-Алаха (*Илл. 4)*, вода в ней белого цвета. Река будто делит Укок на две части — восточную и западную, а истоки ее находятся на северном склоне Южно-Алтайского хребта, по которому проходит граница с Китаем. Затем Ак-Алаха стремится на север, северо-запад и, сливаясь с рекой Джазатор у одноименного поселка, образует Аргут, который втекает в Катунь. Далее Катунь сливается с Бией и образует великую сибирскую реку Обь, находящую успокоение в Северном Ледовитом Океане. Две точки — истоки Ак-Алахи и Северный ледовитый Океан на северном полюсе

Земли — образуют линию, соединяющую через описанную выше систему рек центр Евразии с полюсом планеты.

Вдоль рек распространяются не только воздушные массы, но и потоки расселяющихся народов. Ак-Алаха находится в начале водного пути к полюсу. В древности вдоль нее проходил один из путей потока переселения народов из Центральной Азии. Пройдя Алтай, они могли найти обиталища вдоль всего течения Оби, включая притоки. На берегах Ак-Алахи расположено огромное количество курганов и других памятников проходивших здесь народов.

О существовании священных долин Укока и священных гор Алтая также знали буддийские монахи. На перевале Канас, на границе между Китаем и Россией, был найден памятный знак с буддийской священной надписью «Ом-мани-падмэ-хум» [Рудой, 2000, с. 37-38]. Живо предание, что недалеко от Укока существовал буддийский монастырь, как и в других местах Алтая.

Укок — это центр бурных геологических, биологических и климатических процессов. Здесь суммарно высокие показатели солнечной радиации. Однако лето на Укоке холодное. Уникален Укок и по характеру растительности: соседское положение горных степей и горных тундр без лесного пояса, а также реликтовых растений прошлых эпох встречается на планете невероятно редко. Степная растительность Укока представляет собой реликтовое явление доледникового времени. Своеобразие плоскогорья распространяется и на животный мир. На Укоке живет крайне редкий зверь — снежный барс (ирбис), а также манул, дзерен[1], алтайский горный баран (аргали), черный аист, горный гусь, степной орел и другие исключительно редкие виды.

Чтобы сохранить особую флору и фауну Укока, плоскогорье было объявлено «зоной покоя», а ЮНЕСКО внесла его в список Всемирного Природного Наследия в составе комплекса «Алтай — Золотые Горы» [Рудой, 2000].

Особенности курганов Укока

Археологических памятников на Укоке множество: курганы, цепочки вертикально поставленных камней — *балбалов*, каменные изваяния, писаницы свидетельствуют о богатой культуре живших здесь древних народов [Молодин, 2004]. На плоскогорье Укок исследователи обнаружили не только одиночные курганы, но и курганные комплексы. Интересно, что их форма в виде вытянутых цепочек с межкурганными расстояниями вторит ритму ландшафта: один из курганных комплексов количеством, размерами и контурами курганных насыпей повторяет формы хребта Табын-Богдо-Ола. Древние курганы и мегалитические памятники соотносятся не только с формами ландшафта — горами, излучинами рек, террасами, но и с космическими объектами, движением солнца и луны.

Ось север-юг, по которой располагались курганы, — это линия солнцестояния, имевшая глубокий смысл в древних культурах, зачастую символизируя путь восхождения духа. Север олицетворяет некое мистическое отверстие, через которое осуществляется переход в Высший мир. В древности верили, что ось север-юг — это тропа из мира преходящего в мир Вечности[2].

Не менее символична и внутренняя структура курганов (*Илл. 5)*, смысл которой еще до конца не раскрыт исследователями. Курганы можно рассматривать не только как ритуальные строения, но и как своеобразные храмы, а группы

1 Дзерены, или монгольские антилопы — исчезающий вид в России, животные иногда приходят на территорию России из Монголии (*Прим. автора*).

2 Многие архаичные религии (индуизм, друидизм, архаичный бон, шаманизм, тенгрианство) использовали символику Полярной звезды, которую считали центром Вселенной, откуда нисходит жизнь, и куда души устремляются после смерти тела. Так, гора Меру находится на севере, греческая Гиперборея находится на севере, скандинавский Асгард — на севере, тибетская Шамбала мыслится как северная Шамбала и т д. (*Прим. автора*).

Илл. 6. **Деревянный столик-блюдо, сохранившийся благодаря подкурганной мерзлоте**
Fig. 6. **Wooden Dish Table Preserved Due to Underground Permafrost**
По: [Молодин, 2000 (b), с. 70]

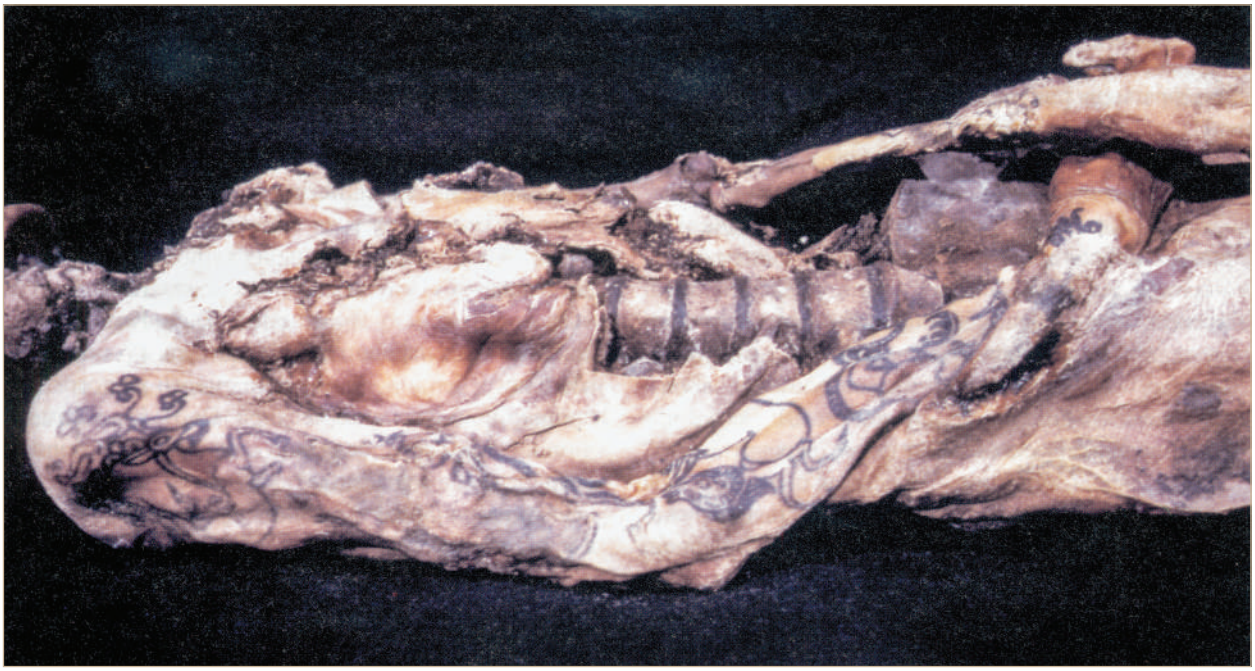
курганов — как храмовые комплексы — это позволяет рассматривать Укок как центр древней курганной культуры [Кубарев, 2004].

Одна из наиболее ярких страниц в истории Алтая, в том числе Укока и всей Центральной Азии, — это скифская культура (I тыс. до н. э. – первые века н. э.), алтайскую ветвь которой называют *пазырыкской* от названия горно-алтайского урочища Пазырык (Улаганский район). Здесь в 1929 г. археологи С. П. Руденко и М. П. Грязнов произвели раскопки царских курганов, находки из которых можно сегодня увидеть в Эрмитаже.

«Пазырыкская культура» — термин, введенный в научную литературу для обозначения культуры жителей Горного Алтая в скифское время (VI–II века до н. э.). Центром пазырыкской культуры считается Горный Алтай, а сфера ее распространения охватывает районы Тувы, Монголии, Китая, Казахстана. Изучение пазырыкской культуры началось еще в 1865 г. академиком В. В. Радловым, исследовавшим курганы у деревни Катанда и в верховьях реки Бухтармы. С тех пор в Горном Алтае исследовано более 600 пазырыкских курганов, среди которых есть 12 так называемых «царских». Но еще больше курганов остались неисследованными до настоящего времени.

С самого начала изучения горно-алтайских курганов археологи столкнулись с феноменом «замерзших могил» — с подкурганной мерзлотой. В погребениях в древнем льду было обнаружено много хорошо сохранившихся вещей из органических материалов: кожи, войлока, ткани, дерева, рога. Феноменально, что в неразграбленных курганах был обнаружен *весь* погребальный инвентарь, что дает возможность наиболее полно реконструировать похоронные обряды, этнографические и культурные особенности пазырыкцев, а также характеристики их быта (*Илл. 6)*.

Но, пожалуй, самым интересным оказались находки мумий людей, которые показали хорошее знание пазырыкцами анатомии человека, приготовления растительных и минеральных препаратов, а также приемов бальзамирования тел. Древние люди верили, что, сохраняя тела умерших, они сохраняют их силу, утерянную



Илл. 7. **Мумия пазырыкской женщины.** На руке татуировки в зверином стиле
Fig. 7. **A mummy of a Pazyryk woman.** Note animal style tattoos on her arm
По: [Молодин, 2000 (b), с. 83]

при уничтожении тела. Умерший человек продолжал быть членом родовой общины, а значит усиливал энергию рода.

К сожалению, до нас дошли лишь единицы из, может быть, сотен мумий носителей пазырыкской культуры, захороненных в деревянных склепах под каменными насыпями курганов. Многие памятники подверглись разорению, а еще больше разрушились со временем. Только редчайшие условия горной мерзлоты позволили сохранить до наших дней содержимое некоторых курганов почти в том виде, в котором их закладывали почти 2500 лет назад.

Было установлено, что среди пазырыкцев преобладали высокорослые люди европеоидного типа. Раскопки на Алтае показали, что пазырыкцы, находясь на стыке четырех крупных культурных регионов, с одной стороны, испытывали влияние культур других народов этих территорий, а с другой сами активно участвовали в формировании общей культуры.

Уникальная находка: укокская мумия

Новый этап в изучении пазырыкской культуры начался в 1991 г., когда в юго-восточной части Горного Алтая на плоскогорье Укок археологи из Новосибирска начали проводить исследовательские работы, увенчавшиеся замечательными находками, в том числе мумий людей.

Особый резонанс получило обнаружение Н. В. Полосьмак в 1993 г. на плато Укок мумии пазырыкской женщины (*Илл. 7*) [Молодин, 2000 (a); 2000 (b)]. Мумия была найдена в кургане с поврежденной каменной насыпью. Более того, курган имел впускное захоронение, разграбленное еще в древности. Именно оно спасло от разграбления основное захоронение, так как грабители, вероятно, решили, что в кургане находилась лишь одна могила.

Погребение пазырыкской женщины сохранилось благодаря вечной мерзлоте и было устроено

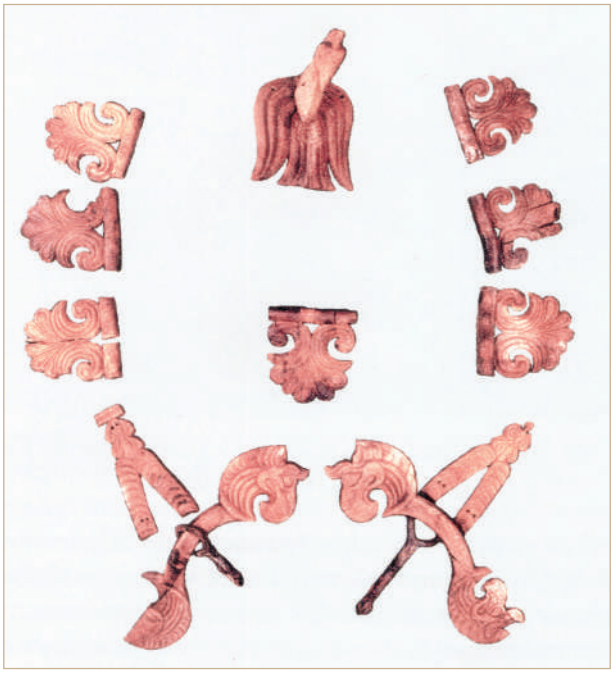
Илл. 8. **Фрагмент покрытия седла**
Fig. 8. **Fragment of the saddle cover**
По: [Молодин, 2000 (b), с. 66]

следующим образом: под курганной насыпью почти на трехметровой глубине от поверхности земли был установлен лиственничный сруб. С северной стороны от него были уложены убитые специально для погребения шесть коней в полном облачении и взнузданные.

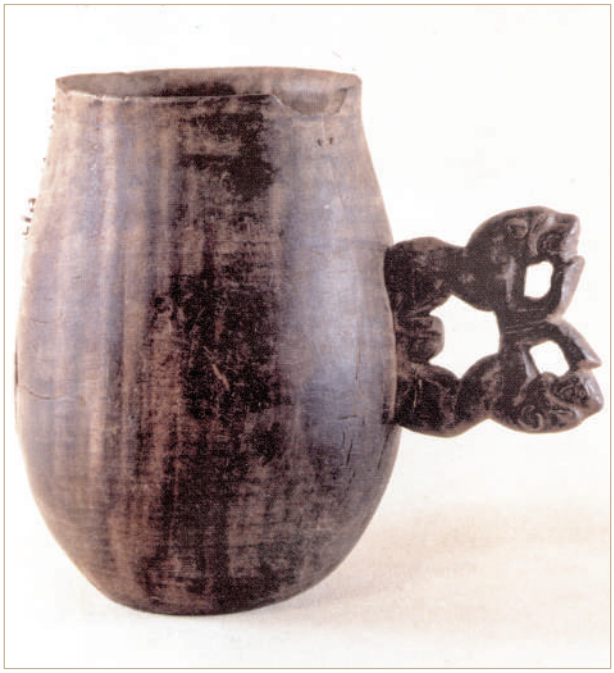
Особое значение коня для кочевника широко известно. Украшения конской упряжи были сделаны из дерева, а затем покрыты золотой фольгой. На них очень искусно изображены горные бараны, грифоны, птицы с оленьими рогами в так называемом зверином стиле (*Илл. 8*). Помимо этих украшений, сохранились войлочные покрытия седел с аппликацией фигурок крылатых хищников. Мерзлота сохранила даже их цвет: красный, желтый, синий, белый и черный.

В срубе стояла массивная, почти трехметровая, лиственничная колода, крышка которой была забита огромными медными гвоздями. Из-за огромной длины колоды думали, что там похоронены два человека. Интересно, что эта колода-саркофаг также была украшена кожаными аппликациями, изображающими оленей. Более того, почти все вещи сопроводительного инвентаря относились к изделиям звериного стиля (*Илл. 9a, b*).

Помещение тел умерших в плотно запечатанную колоду означает символическое помещение их в утробу матери и подготовку к новому рождению. Кроме того, для многих народов дерево — символ женского порождающего начала. Саркофаг рассматривается и как своеобразный



Илл. 9a. **Украшение узды коня в зверином стиле**
Fig. 9a. **Animal style horse bridle decoration**
По: [Молодин, 2000 (b), с. 62]



Илл. 9b. **Деревянная кружка с ручкой, выполненной в зверином стиле**
Fig. 9b. **Wooden mug with a handle made in animal atyle**
По: [Молодин, 2000 (b), с. 70]

ковчег, переносящий душу умершего человека в новый мир.

Деревянная колода занимала меньше одной трети внутреннего пространства погребальной камеры. В другой ее части находились сосуды с культовым питьем, а также сборные столики-блюда с ритуальной пищей. Сосуды были оклеены кожаными петухами и поставлены в специальные подставки-кольца из войлока. Пища и питье предназначались божеству (или божествам), перед которыми предстает умерший.

Сосудов было три вида: из глины, дерева и рога, и это обязательный элемент всех пазырыкских погребений. Различные их качественные характеристики могли олицетворять три царства: минералов, растений и животных, а также тройственную природу человеческого бытия. Любопытно наличие именно рогового сосуда, ведь в быту подобные сосуды вряд ли использовались, так как пазырыкцы хорошо резали по дереву, умели изготавливать глиняные и кожаные емкости.

Использование рога имеет сокровенный смысл. Во всех архаических традициях он символизирует силу и власть. Рогами украшали шлемы древних воинов. Изображение рога в египетских иероглифах обозначало «то, что находится над головой», а там естественно предположить существование Высшего мира. Поэтому рога или сосуды в виде рога использовались в религиозных культах. Вспомним ритоны — рогообразные сосуды из керамики и металла, широко распространенные на Древнем Востоке.

В сосуды наливали молоко как символический носитель качеств Высшего мира. Еще одна интересная деталь — в деревянной кружке находилась палочка-мешалка. Согласно индийской мифологии, Вселенная была создана в результа-

те Пахтания первичного океана[3]. Известно, что среди сокровенных вещей Чингисхана имелась кумысная мутовка. Но не мужчине, а именно женщине более всего подходит этот предмет. Владычицей Оси Мира, этой Космической мутовки, является Великая Матерь, Матерь Мира.

Идея бессмертия и возрождения в ином мире была отражена также в позе погребенной женщины. Она лежала на правом боку со слегка согнутыми в коленях ногами, накрытая меховой накидкой, под головой — небольшая войлочная подушка. Это положение спящего человека как символ перехода в другой мир после отдыха от земной жизни. На женщине была одета длинная до колен шелковая рубаха с длинными же закрывающими кисти рук рукавами. Рубаха отделана тонким красным шнуром и тесьмой. Шелк ценился на Алтае дороже золота, он был действительно редкостью, и это первая находка одежды из шелка на Алтае. Известно, что нижняя рубаха — характерная черта древнеиранского костюма, а кочевники носили верхнюю одежду часто на голое тело. На женщине также была надета красно-белая шерстяная юбка, поддерживаемая поясом в виде толстого красного шнура с кистями.

И сама одежда, и тем более пояс в древних культурах рассматривались как имеющие сокровенный смысл. Одежда — это граница между окружающим миром и телом, поэтому она призвана быть хранительницей жизненной силы человека. Пазырыкцы носили довольно просторную одежду. Она не только охраняла тело человека, но и была удобной и практичной.

Плетеный пояс-шнур часто являлся знаком религиозной или кастовой принадлежности. Зороастрийцы носили шнур как пояс и повязывали его, трижды обернув вокруг поясницы, как знак посвященного. Позже это знание воплотилось у древних тюрков, когда они воздвигали каменных баб, на которых наносились изображения пояса, как, впрочем, и сосуда, поддерживаемого рукой у сердца.

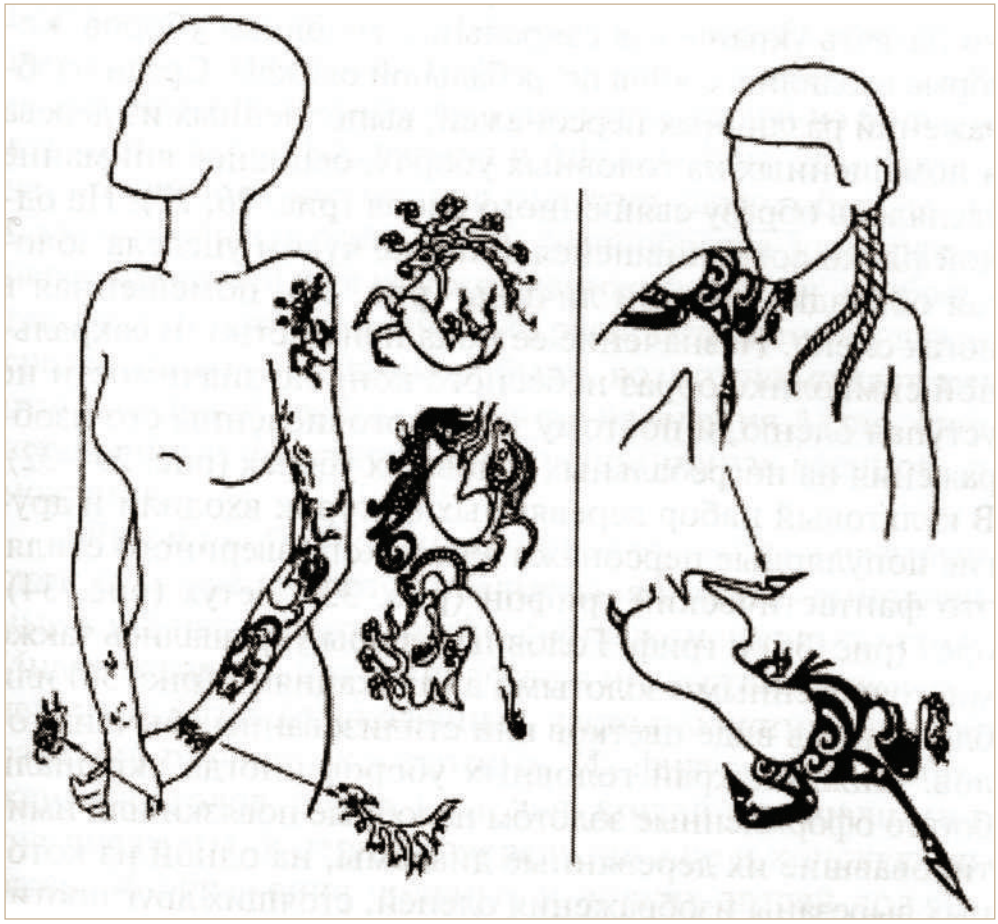
На ноги женщины были надеты длинные войлочные белые с красной узорчатой аппликацией чулки. Голова ее была обрита и на нее был надет парик. Волосам как своеобразным «батареям» жизненной силы и прическе придавалось особое значение в древних культурах. Женщины как продолжательницы рода часто скрывали волосы во избежание порчи — так было принято у многих народов. Также практиковалось принесение волос в жертву. Это могло означать выход из мира прошлого в связи с новым статусом человека или соединение с каким-нибудь божеством.

Парик пазырыкской женщины был украшен покрытыми золотой фольгой деревянными накосниками. Сверху на нем крепилось довольно высокое, около 60 см, навершие — символ Древа жизни. Оно было выполнено из войлока и обтянуто черной тканью. На нем было нашито 15 маленьких фигурок деревянных золоченных птичек с кожаными крыльями, лапками и хвостиками. Впереди крепилась фигурка лежащего оленя и была воткнута бронзовая булавка с навершием в виде оленя, стоящего на шаре. Из-за этого столь важного головного убора пришлось вырубать длинную колоду-саркофаг.

При женщине имелось бронзовое зеркало, вставленное в деревянную круглую оправу с ручкой. На обороте вырезано изображение оленя с ветвистыми рогами. Зеркало хранилось в войлочной сумочке.

Множество оленей, изображаемых на самых разных предметах, говорит о том, что олень — это излюбленный персонаж звериного стиля. Его символическое значение связано также с Древом жизни, оленьи рога олицетворяют ветви этого дерева. Олень — солнечное животное, связанное с Небом и Светом. Умирающее и воскресающее солнце находит свое отражение в периодической смене оленьих рогов. Интересно, что в пазырыкских курганах найдены шапки с

3 Пахтанье первичного океана — одно из ключевых мифологических событий, описанное в Пуранах и отмечаемое каждые 12 лет в ходе большого индуистского праздника Кумбха-мела. История описывается в «Бхагавата-пуране», «Вишну-пуране» и «Махабхарате» (*Прим. ред.*).



Илл. 10. **Прорисовка татуировок пазырыкских мумий**
Fig. 10. **Drawing of the tattoos of Pazyryk mummies**
По: [Молодин, 2000 (b), с. 169]

имитацией оленьих рогов, надеваемые на головы лошадей.

При пазырыкской женщине золотых украшений было немного: в ушах золотые серьги колечками, а на шее — гривна с восемью фигурками лежащих крылатых барсов. Помимо этого, золото было представлено только тонкой золотой фольгой, покрывавшей все деревянные украшения. И это было характерно для всех пазырыкских захоронений, независимо от их статуса.

Главной особенностью мумифицированного тела была татуировка, выполненная на обеих руках женщины от плеч до кистей (*Илл. 10*). И здесь все тот же звериный стиль — олени с клювом грифона, козерог, баран, пятнистый барс. Татуировка была широко распространена у многих древних обществ (у фракийцев, ливийцев, сарматов, динлинов, киргизов, айнов, японцев, индейцев Америки, у северных народов от Урала до Тихого океана). Пазырыкцы же достигли замечательного мастерства в нанесении рисунков на кожу.

Несмотря на то, что данное погребение носило обычный для пазырыкцев характер, были в нем и незаурядные черты. Во-первых, погребение женщины было одиночным, в то время как в раскопанных ранее курганах женщины

были похоронены вместе с мужчинами. Во-вторых, и сам курган был одиночным, хотя, как правило, все пазырыкские могильники — это цепочки курганов, ориентированные с севера на юг. В-третьих, предметы сопровождающего инвентаря отличались высоким мастерством, а погребальная камера — большими размерами. И, наконец, шелковая рубаха — большая редкость для пазырыкцев.

Исследователи считают, что погребенная в данном кургане женщина была наделена особыми качествами, выделяющими ее из общества рядовых людей. Скорее всего, она была жрицей культа и отношение к ней было особое, но при этом считать ее царицей или принцессой оснований нет [Молодин, 2000 (b)].

Особенности исследования укокских находок

Перед учеными встала проблема интерпретации абсолютно новых фактов. В связи с этим при анализе укокских материалов был реализован *мультидисциплинарный* подход, когда специалисты многих отраслей научного знания объединились в исследовании большой единой проблемы. Среди них — археологи, историки, этнографы, культурологи, антропологи, химики и физхимики, биологи, анатомы, медики, генетики, палеонтологи, палеобиологи, специалисты, изучающие древние технологии изготовления изделий из дерева, кожи, керамики, рога, войлока, шерсти, специалисты по изучению металлургии, бронзолитейного дела, изготовления изделий из золота, а также реставраторы многочисленных артефактов. Мультидисциплинарная программа, естественно, захватывала множество институтов Российской академии наук (РАН) и Сибирского отделения РАН. В исследованиях приняли участие и иностранные ученые из Швейцарии, Великобритании и Германии, применяя совершенно новые и сложные методы. Так, была выделена древняя ДНК из ткани женской мумии, что позволило изучить расовые и этноспецифические особенности представителей пазырыкской культуры Горного Алтая [Молодин, 2000 (b)].

Результаты исследования пазырыкских памятников, найденных археологическими экспедициями на плато Укок в 1991–1996 гг., впечатляют. Обнаруженные высокохудожественные произведения пластического и декоративно-прикладного искусства звериного стиля подтверждают развитость культуры и религиозно-мифологической картины мира у древнего населения Горного Алтая. Но главное — это множество новых данных о народах, живших 2500 лет назад на юге Сибири, в Горном Алтае. Находки на Укоке — большой научный прорыв, сопоставимый с открытиями немецкого археолога Шлимана. Однако под воздействием недовольства[4] работами археологов, возникшего среди алтайской интеллигенции в республике Горный Алтай, археологам запретили продолжать работы на Укоке, и даже чуть не обвинили их в осквернении могил предков. В связи с этим я вижу необходимость высказаться в защиту ученых-археологов и научной дисциплины, которую они представляют.

Археология — наука, изучающая историческое прошлое человечества по вещественным источникам, к которым относится все многообразие объектов, созданных гением человека прошлых эпох. Археология расширяет наши знания о времени, о котором нет упоминаний в письменных источниках, а также об истории и культуре народов, о которых могут свидетельствовать только погребальные памятники. Таковы кочевники, которые не оставляют после себя никаких жилых построек, способных стоять века, и в большинстве случаев — и никаких записей. Погребальные памятники — единственное, что может быть доступно для изучения их образа жизни. Причем, «замерзшие могилы» — уникальный фе-

4 Некоторые алтайцы считали, что работы археологов могут навлечь на алтайский народ беды, вплоть до обвинения ученых в Чуйском землетрясении 2003 г. См. «Открытое письмо руководства Института археологии и этнографии СО РАН общественности Республики Алтай» [Молодин, 2000 (a), с.177–181].

номен, созданный самой природой, сохранившей реликвии давно исчезнувших народов для будущего человечества. К сожалению, в связи с глобальным потеплением на планете и уже происходящим оттаиванием вечной мерзлоты оставшимся укокским «замерзшим могилам» угрожает исчезновение, поэтому раскопки непременно стоит продолжать.

Благодаря ученым-археологам мы можем расширить свои знания о прошлом. И обнаружение, и исследование таких древних городов как Помпеи в Италии, Микены на Крите, Мачу-Пикчу в Перу, Ангкор Ват в Камбодже, Мохенджо-Даро в долине реки Инд, а также находки значимых исторических текстов, таких как, например, двуязычная надпись на Розеттском камне, благодаря которой были расшифрованы египетские иероглифы, библиотека ассирийского царя Ашшурбанипала, ессейские свитки Кумрана, берестяные грамоты Древней Руси, — все это произошло благодаря работе археологов. Как писал художник Н. К. Рерих: «Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще не тронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное» [Рерих Н. К., 2000, с. 11].

Значение всемирной археологии в обогащении знания о культурно-историческом прошлом человечества грандиозно. История и археология Горного Алтая — часть всемирной истории и археологии. Эволюция научного знания совершается не случайно и не по воле отдельных личностей, а является закономерным процессом в развитии науки. Многие государства, на территории которых сделаны выдающиеся археологические открытия, гордятся этими находками, так же как и учеными, сделавшими эти открытия.

Открытие женского захоронения на Укоке и раскопки царских курганов в урочище Пазырык значительное событие в археологии XX в., сравнимое по значимости с обнаружением гробницы Тутанхамона в Египте. В пазырыкских курганах помимо множества высокохудожественных изделий мелкой пластики были обнаружены самый древний в мире ковер, хорошо сохранившаяся деревянная колесница, а также татуированная мумия скифского царя. Этим древностям более 2500 лет. Сокровища пазырыкских курганов украшают залы одного из самых знаменитых музеев мира — Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

26 сентября 2012 г. в Горно-Алтайске после реставрации открылся Национальный музей им. А. В. Анохина республики Алтай. Были расширены экспозиционные площади, что позволило более полно представить новые экспонаты, в том числе и пазырыкской культуры. Археологические находки укокских курганов, включая и мумию укокской женщины, теперь находятся в этом музее. На Укоке была обнаружена не только мумия женщины, но и хорошо сохранившаяся мумия воина-мужчины. Это открытие было сделано под руководством новосибирского археолога В. И. Молодина [Молодин, 2000 (a); 2000 (b)].

Пазырыкцы как часть культурно-исторической общности древних евразийских народов

Находки пазырыкской культуры вносят неоценимый вклад в представление о древних народах, проживавших на территории Горного Алтая. С древним населением Центральной Азии горно-алтайских жителей сближали примерно одинаковые природные и социальные условия проживания, типы хозяйственной деятельности, физический облик, вероятное родство языка, сложившаяся благодаря этому определенная культурная общность, а также сходство исторических судеб. Речь идет также о том, что родственные народы населяли в скифское время Горный Алтай, северо-запад Синьцзяня, Западную Монголию и Тыву.

Восстанавливая картину жизни пазырыкцев, мы начинаем лучше понимать историю, а также процессы этногенеза России, как части огромного пространства Евразии. Эти исследования могут быть важными не только для установле-

ния ясности в вопросах прошлого, но и быть полезными при рассмотрении вопросов настоящего и даже будущего.

Рассматривать Алтай как важный культурно-исторический центр древней Евразии предложил Н. К. Рерих: «Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет невскрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища» [Рерих, 2008, с. 50]. А что как не сокровища были найдены российскими археологами на Алтае?

Н. К. Рерих профессионально занимался археологией, принимал участие в раскопках курганов — археологических памятников северо-запада России. Археологические исследования он и его старший сын Юрий Рерих проводили в Индии, Центральной Азии, Тибете и Монголии. Н. К. Рерих умел связывать в единую картину разрозненные части одного целого. Так, курганную культуру древней Руси он не отделял от курганной культуры южной Сибири, Монголии и северо-западного Китая. Мегалитические памятники Центрального Тибета он соотносил с подобными в западной Европе. Древнюю Русь он мыслил воедино с восточными странами. Рерих искал единство корней культуры евразийских народов.

Исследования в этом русле продолжил и его сын. Наиболее значимыми здесь являются работы Ю. Н. Рериха по тохарской проблеме [Рерих, 1964; Рерих, 1999; Рерих, 2004], а также его исследования звериного стиля у кочевников Северного и Центрального Тибета [Roerich, 1930]. Ученый показал, что тохары, названные так античными авторами, идентичны *юэчжам* китайских источников. Он писал о них как об автохтонных жителях Центральной Азии, которые населяли широкий пояс ее нагорных пастбищ и степей. Тохары-юэчжи были многочисленным и сильным народом. Ю. Н. Рерих пишет, что «Монгольская степь знала эпоху главенства племени *юэчжи*» [Рерих, 1999, с. 128]. Они были преимущественно кочевниками, но, когда позволяли условия, занимались земледелием, вступали в союзы с оседлыми племенами.

Тохары-юэчжи имели свою письменность и развили достаточно высокий уровень культуры. Тохарские языки составляют одну из групп индоевропейских языков. Тохары стали родоначальниками Кушанской династии, основавшей империю (II в. до н. э. – V в. н. э.), которая в период своего расцвета занимала территорию современных юго-западной и центральной Индии, Пакистана, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, а также части Китая.

Кушанское государство стало мостом, через который культурные достижения древней Индии проникали в Центральную Азию и распространялись далее по евразийскому континенту. Великий Шелковый путь играл важную роль во время этого массового культурного обмена. Его путями распространялось учение Будды, которое из Индии было принесено в среднеазиатский регион, а затем проникло в Тибет, Монголию, Корею, Японию, и, наконец, в Россию.

В добуддийским период среди жителей Центральной Азии было широко распространено искусство звериного стиля. Оно являлось отличительной чертой культуры всего скифского мира помимо возведения курганов. Традиция звериного стиля была настолько всепроникающей, что абсолютно все изготавливаемые предметы имели звериные изображения. Даже татуировка, как мы видим на примере пазырыкских мумий, была исполнена в соответствии с этой традицией. То, с каким изяществом и мастерством выполнялись эти работы, свидетельствует о высоком уровне культуры этих народов. Наличие традиции звериного стиля у кочевников дает основание изменить представление о них как об отсталых грубых народах.

О высоком уровне их культуры свидетельствует и очень сложный погребальный культ, который удалось отчасти реконструировать благодаря «замерзшим могилам» плоскогорья Укок, а еще раньше — урочища Пазырык.

Ю. Н. Рерих в монографии «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» [Рерих, 1930] описал и проанализировал находки предметов в зверином стиле у кочевников тибетского нагорья, обнаруженные Центрально-Азиатской экспедицией Н. К. Рериха. Это открытие позволило отодвинуть границы его распространения далеко на юг, вплоть до Трансгималаев, что говорит о сходных культурно-исторических чертах древнего населения этого региона со всем скифским миром.

Культура звериного стиля — это не только соответствующее искусство, это особое миропонимание, идеи которого воплотились и в таких сложных сооружениях, как курганы. Если провести сравнительное исследование, окажется, что многослойная символика курганов соответствует символике буддийских ступ.

С уходом с исторической арены народов-носителей культуры звериного стиля, сама эта культура не исчезла. Ее субстрат стал основанием для дальнейшего развития народов Азии, создавших новые образцы культуры, в том числе и буддийской, спаявшей своими элементами в первом тысячелетии нашей эры огромную территорию от Аральского моря до Тихого океана, — как раз там, где в свое время процветал знаменитый звериный стиль.

Широкое распространение и устойчивое существование на пространстве древней Центральной Азии единого художественного стиля говорит о том, что древнейшие азиатские народы развивались в едином потоке культуры, которая связывала их в целостную культурно-историческую общность. Ю. Н. Рерих отмечал, что «несмотря на удивительное разнообразие народов, языков и религий, сложившееся в Азии, внимательный наблюдатель может заметить определенный культурный субстрат, доживший до наших дней и общий для большой части Азии» [Рерих, 1999 (a), с. 20]. Культура звериного стиля, так широко распространенная на протяжении большого периода времени, свидетельствует о большой культурной роли в евразийской истории скифского этноса (включая все его ветви), носителя этой культуры.

История тохаров, несомненно, имеет отношение и к пазырыкцам Алтая. Согласно Л. Н. Гумилёву [Гумилев, 1993, с. 29], пазырыкцев следует рассматривать как *юэчжей*, что поддерживается мнениями других исследователями, среди которых С. И. Руденко [1960, с. 339], М. И. Артамонов [1973, с. 79] и С. Г. Кляшторный [1989, с. 245-246], утверждающих, что пазырыкцы относятся к восточноиранской ветви союза племен больших *юэчжи*. С этой точки зрения можно сделать выводы о причинах исчезновения пазырыкской культуры ко II в. до н. э. Одна из них — продвижение на северо-запад и запад под натиском других народов, в частности хуннов, пытавшихся завоевать их земли. Эти народы отчасти и составили ту лавину, которая, по словам Н. К. Рериха, устремилась в западном направлении, «чтобы наполнить и переродить Европу» [Рерих, 2008, с. 50].

С уходом пазырыкцев с алтайских земель их богатая культура не была утрачена. Элементы пазырыкской культуры вошли в культуру гуннского типа, о чем свидетельствует, например, преемственность погребального обряда у древних жителей Горного Алтая. Пазырыкцы, как и тохары, особенно на закате своей цивилизации, этнически были неоднородны и включали в себя многие расовые элементы. Наряду с чисто европеоидными чертами они могли иметь и тюркско-монголоидные черты, с преобладанием то тех, то других вкраплений. Сходным образом русские после вхождения в империю Чингисхана приобрели монголоидные антропологические признаки. Ю. Н. Рерих писал: «Тохары принадлежали к очень древней группе племен, которые долгое время продолжали существовать среди ираноязычных и тюркоязычных племен Внутренней Азии, пока окончательно не исчезли, растворившись в окружавшей их этнической среде» [Рерих, 1999 (b), с. 134].

Такой же этнически неоднородный был весь скифский мир. Он представлял собой конгломерат большого числа различных народов и не всегда только кочевников. Все эти люди составляли единую культурно-историческую общность, занимающую территорию от южнорусских до центральноазиатских степей, от Карпат на Западе до Великой Китайской Стены на Востоке, и, благодаря открытиям Ю. Н. Рериха, простирающуюся далеко на юг, вплоть до Трансгималаев. Всех их можно мыслить как далеких предков современных российских жителей.

Пазырыкская культура — важное звено большого скифского мира. В то же время, согласно своей этнической принадлежности, пазырыкцы причастны и к великой истории тохаров, которые через развитие Кушанской империи и культивирование буддизма в первом тысячелетии нашей эры повлияли на ход дальнейшей истории евразийского континента. Тохарский культурно-исторический опыт отразился на государстве уйгуров, на империях Чингисхана, Тамерлана в Средней Азии, моголов в Индии, а также древнерусского государства в XI–XIII вв. и, наконец, Российской империи.

Современная история в том или ином качестве включает и этот опыт. Осознание культурно-исторического богатства прошлого, несомненно, может помочь и в будущем. Это та сила и энергия, на которые могут опереться наши современники. Сохраняя преемственность былого величия древней евразийской культуры, можно с оптимизмом смотреть на возможность реализации выдвигаемых сейчас сибирских проектов. Пришло время дать импульс новому строительству на сибирских землях. Залогом успеха должен стать культурно-исторических опыт древних евразийских народов, потомками которых являются современные жители России.

Список литературы / References

Артамонов М. И. *Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото.* М.: Искусство. 1973. — 280 с. (Серия: Памятники древнего искусства) [Artamonov M. I. *Treasures of the Saks. Amu-Darya Treasure. Altai Mounds. Minusinsk Bronzes. Siberian Gold.* Moscow: Iskusstvo 1973. — 280 p. (Series: Monuments of Ancient Art) (in Russian)].

Гумилёв Л. Н. *Из истории Евразии: [Очерк]*. М.: Искусство, 1993. — 78 с. [Gumilyov L. N. *From the History of Eurasia: [Essay]*. Moscow: Iskusstvo, 1993. — 78 p. (in Russian)].

Кляшторный С. Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.). *История древнего мира. [Кн. 3] Упадок древних обществ.* М.: 1989. [Изд. 3-е, испр. и доп.] Лекция 14. С. 243–254. [Klyashtorny S. G. Hunnic Power in the East (III century BC – IV century AD). *History of the Ancient World [Book. 3] The Decline of Ancient Societies*. M.: 1989. [Ed. 3rd, rev. and add.] Lecture 14. Pp. 243-254. (in Russian)].

Кубарев В. Д. *Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: Из полевого дневника археолога.* Новосибирск: Издательство СО РАН, 2004. — 134 с. [Kubarev V. D. *Journey to the Country of "Gold-guarding Vultures": From the Field Diary of an Archaeologist.* Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2004. — 134 p. (in Russian)].

Молодин В. И. *Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия.* Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000 (а). — 192 с. [Molodin V. I. *Antiquities of the Ukok Plateau: Secrets, Sensations, Discoveries.* Novosibirsk: INFOLIO-press, 2000 (a). — 192 p. (in Russian)].

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. *Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай).* Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. — 256 с. [Molodin V. I., Polosmak N. V., Novikov A. V., Bogdanov E. S., Slyusarenko I. Yu., Cheremisin D. V. *Archaeological Monuments of the Ukok Plateau (Gorny Altai).* Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2004. — 256 p. (in Russian)].

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А. и др. *Феномен алтайских мумий.* Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии

СО РАН, 2000 (b) — 320 с. [Molodin V. I., Polosmak N. V., Chikisheva T. A. et al. *The Phenomenon of Altai Mummies.* Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000 (b). — 320 p. (in Russian)].

Рерих Н. К. «Старые Годы». *Листы дневника*. Т. 2. М.: МЦР, 2000. — С. 1–13 [Roerich N. K. "Old Years". *Sheets of the Diary*. Vol. 2, Moscow: MCR, 2000. — Pp. 11–13 (in Russian)].

Рерих Н. К. *Сердце Азии*. Новосибирск: Россазия, 2008. — 152 с. [Roerich N. K. *Heart of Asia*. Novosibirsk: Rossaziya, 2008. — 152 p. (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Культурное единство Азии. *Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы*. Науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999 (a). С. 20–27. [Roerich G. N. The Cultural Unity of Asia. *Roerich G. Tibet and Central Asia*: *Articles, Lectures, Translations*. Ed. by M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni, 1999 (a). Pp. 20–27 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. *Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы.* Науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999 (b). С. 127–135 [Roerich Yu. N. The Tokhar Problem. *Roerich Yu. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations.* Ed. by M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni, 1999 (b). Pp. 127-135 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. *История Средней Азии*. Т. 1. М.: МЦР, 2004. — 470 с. [Roerich Yu. N. *History of Central Asia*. Vol. 1. M.: ICR, 2004. — 470 p. (in Russian)].

Руденко С. И. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время.* М.-Л. АН СССР. 1960. — 360 с. [Rudenko S. I. *Culture of the Population of the Central Altai in the Scythian Time.* Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 1960. — 360 p. (in Russian)].

Рудой А. Н., Лысенкова З. В., Рудский В. В., Шишин М. Ю. *Укок (прошлое, настоящее, будущее)*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — 172 с. [Rudoy A. N., Lysenkova Z. V., Rudsky V. V., Shishin M. Yu. *Ukok (Past, Present, Future)*. Barnaul: Izdatel'stvovo Altaiskogo universitetata, 2000. — 17 p. (in Russian)].

Roerich G. *Animal Style among the Nomad Tribes of Northern Tibet*. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930.

DOI: 10.18254/S268684310021417-6

Достижения отечественной арабистики XX века

в научном наследии историков Л. Н. Котлова, Н. С. Луцкой, Н. А. Иванова и И. М. Смилянской

Achievements of Russian Arabic Studies of the 20th Century in the Academic Heritage of Historians Lev N. Kotlov, Natalia S. Lutskaya, Nikolay A. Ivanov and Irina M. Smilyanskaya

© 2022 **Наталья Максовна Горбунова**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
nigorbunov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3949-0700

Natalia M. Gorbunova

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
nigorbunov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3949-0700

В декабре 2021 г. Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН провел большую научную конференцию, в рамках которой на секции «In memoriam. Историография истории арабских стран» мы смогли вспомнить наших коллег и учителей, их достижения в изучении истории арабских стран. Их труды до сих пор составляют надежную основу, на которую мы опираемся в исследованиях обширного региона Арабского Востока разных времен, вплоть до настоящего времени. Исследовательская мысль старшего поколения востоковедов демонстрирует, что именно глубокий интерес к изучаемому предмету помог преодолеть ученым препятствия и ограничения советских лет на пути к познанию жизни стран и народов Востока.

Их богатый опыт и накопленные знания успешно усваивают и развивают молодые историки-арабисты. И в этом им помогают новые современные средства коммуникаций.
Ключевые слова: история востоковедения, арабские исследования, история науки, российские востоковеды, российские арабисты, Институт востоковедения РАН
Для цитирования: Горбунова Н. М. Достижения отечественной арабистики XX века в научном наследии историков Л. Н. Котлова, Н. С. Луцкой, Н. А. Иванова и И. М. Смилянской. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 161–168. DOI: 10.18254/S268684310021417-6

In December 2021 Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science organized a major scientific conference. Within the section “In Memoriam, Historiography of Arabic Countries History” we recalled our colleagues and teachers and their achievements in studying the history of Arabic countries. Their works constitute the basement we rely upon while studying the vast region of Arabic Orient of different periods – up to nowadays. The research-streamlined thinking of the senior generation of orientalists clearly demonstrates that namely the interest for the studied matter helped the scientists to overcome the obstacles and limitations of the Soviet era on the way to comprehension of life of the peoples and countries of the Orient. Their rich experience and accumulated knowledge are being successfully digested and developed by younger historians-Arab scholars. They are supported by the modern communication media in this process.
Keywords: history of Oriental Studies, Arab studies, history of science, Russian orientalists, Russian Arab scholars, Institute of Oriental Studies RAS
For citation: Gorbunova Natalia M. Achievements of Russian Arabic Studies of the 20th Century in the Academic Heritage of Historians Lev N. Kotlov, Natalia S. Lutskaya, Nikolay A. Ivanov and Irina M. Smilyanskaya. *Oriental Courier.* 2022. No. 1. Pp. 161–168. DOI: 10.18254/S268684310021417-6

В этом небольшом очерке невозможно даже упомянуть всех выдающихся ученых-арабистов, прославивших Институт востоковедения Российской Академии наук. Но хочется особо отметить здесь ряд сотрудников Отдела арабских стран (сейчас — Центр арабских и исламских исследований)[1], а именно: Льва Николаевича Котлова, Наталью Сергеевну Луцкую, Николая Алексеевича Иванова и Ирину Михайловну Смилянскую. Историография их трудов важна для изучения новой и новейшей истории Арабского Востока. Выбор их имен обусловлен личным опытом работы рядом с этими выдающимися профессионалами. Впервые я познакомилась с ними в стенах МГИМО МИД СССР весной 1968 года, куда они пришли с лекциями с целью заинтересовать студентов 4 курса своими исследованиями и пригласить их заняться востоковедной наукой. Их увлеченность арабской историей, интереснейшие рассказы об исторических персонажах арабов и берберов помогли мне выбрать профессию. Я пришла в Институт востоковедения в арабский отдел и встретила там коллектив арабистов, возглавляемый Евгением Александровичем Лебедевым. Кроме маститых ученых, в отделе работало много молодых сотрудников, ставших моими друзьями.

Лев Николаевич Котлов (1927–1983) занимался историей национально-освободительного движения в арабских странах. В 1958 г. вышла

1 К истории становления Центра арабских и исламских исследований. *ЦАИИ ИВ РАН.* URL: https://cais.ivran.ru/history (accessed 19.05.2022).

его работа «Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке» [Котлов, 1958], а в 1971 г. — «Справочник по Йеменской Арабской Республике» [Котлов, 1971]. Этой же теме зарождения арабского национального самосознания посвящен главный труд, который нам оставил ученый. Это изданная в 1975 г. монография «Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.)» [Котлов, 1975].

Всякий читающий книгу Льва Николаевича будет захвачен его широчайшей эрудицией, глубоким знанием истории народов арабских стран в период осознания ими своих национальных интересов и стремления к освобождению от ослабевающей власти Османской империи. Л. Н. Котлов убедительно показал, что стремление к модернизации, к обновлению жизни происходило одновременно как в метрополии (об этом свидетельствовало зарождение младотурецкого движения, подробно описанного в книге), так и в ее арабских колониях. Картины жизни арабов как в Магрибе, так и в Машрике вовлекают читателя в архаичный и многоцветный мир местного населения, в их религиозные обычаи и нравы. О ценности монографии свидетельствует то, что она основана на богатейших источниках на русском, арабском, английском и немецком языках. Только список арабских источников в списке научной литературы насчитывает 120 авторов. Этот труд Льва Николаевича вполне достоин переиздания в наши дни.

Душой арабского отдела можно было назвать **Наталию Сергеевну Луцкую** (1916–1984), вдову нашего крупного ученого-арабиста, автора «Новой истории арабских стран» Владимира Борисовича Луцкого (1906–1962). Эта книга и сейчас — главный учебник, по которому учатся студенты нашего профиля. Сама Наталия Сергеевна занималась историей Марокко. Ее исследования завершились защитой диссертации в 1950 г. «Национально-освободительная война в Марокко в 1921–1926 годах» и выходом в свет в 1959 г. монографии «Республика Риф» [Луцкая, 1959]. В дальнейшем Луцкая публиковала статьи в сборниках Отдела арабских стран: «Касабланкская конференция — новый этап внешней политики Марокко» (1966 г.), «Новейшая история Марокко. Библиографический очерк» (1977 г.), «Позиция России по марокканскому вопросу в конце XIX в.» (1981 г.) и другие [Луцкая, 1966; 1977; 1981]. Ее вступительная статья открывает перевод книги известного ливанского историка Камаля С. Салиби «Очерки по истории Ливана» (1969 г.) [Салиби, 1969]. Работы Н. С. Луцкой и по сей день могут служить источником богатого фактического материала по истории этой североафриканской страны. О душевных качествах самой Наталии Сергеевны, ее доброте говорит такой эпизод: в 1979 г. она организовала эксклюзивную экскурсию всех сотрудников отдела на выставку французской живописи из Центра Помпиду в ГМИИ им. Пушкина, когда попасть на нее было исключительно трудно.

Упоминая о своих учителях в Институте восточных языков, известный политолог Алексей Всеволодович Малашенко (род. 1951 г.) так описал лекции по арабской истории: «Девятнадцатый век читал Николай Алексеевич Иванов, двадцатый — Наталия Сергеевна Луцкая и Роберт Григорьевич Ланда. Интересно было у всех. Они не только учили, но еще и привязывали к арабскому миру. Слушать их было все равно, как читать интересную книгу — а что там дальше»?[2]

Эти слова относятся также к одному из лучших специалистов по Арабскому Востоку — **Николаю Алексеевичу Иванову** (1928–1994). Широко известны его работы по арабскому Магрибу, по арабо-османскому обществу, его аналитические статьи по проблеме Запад-Восток. Высокий уровень его теоретических обобщений опирался на обширный фактологический материал, на безупречную работу с источниками. А его книги и статьи написаны таким русским языком, который по красоте и увлекательности

2 Малашенко А. В. Тяжело в ученье, нелегко в бою. Записки арабиста. *Литмир. Электронная библиотека.* URL: https://www.litmir.me/bd/?b=745219 (accessed 05.05.2022).

Николай Алексеевич Иванов
Фото © архив ВК
Nikolai Alekseevich Ivanov
Photo © from VK Archive

можно отнести скорее к исторической прозе. Об исключительных человеческих качествах Н. А. Иванова ярче всего свидетельствует тот факт, что после безвременной кончины его учителя В. Б. Луцкого Николай Алексеевич с величайшей бережностью довершил и издал его главный научный труд, уже упомянутою нами «Новую историю арабских стран».

Николай Алексеевич Иванов оставил большое научное наследие. Во-первых, благодаря Н. А. Иванову в России возникло «тунисоведение» как специальная ветвь арабистики. Это оценка принадлежит крупному ученому Роберту Григорьевичу Ланде, коллеге и другу Иванова. Среди многочисленных работ, посвященных Тунису, наиболее значительной является монография «Кризис французского протектората в Тунисе» (1971 г.) [Иванов, 1971]. Книгу эту следовало бы переиздать и перевести на французский язык, поскольку это самый солидный в мировой литературе труд о колониальном Тунисе, который и сейчас, спустя полвека, является образцом исторического исследования. В ней автор показал тонкое понимание особенностей Туниса и Магриба в целом, жизнь тунисцев в 20–30-х годах прошлого века, а также представил уникальный и живой портрет Хабиба Бургибы (1903–2000), первого президента-реформатора независимого Туниса.

Важное место в научном наследии Н. А. Иванова занимает исследование социальных аспектов традиционного исламского общества. Еще в конце 70-х гг. он начал разрабатывать концепцию арабо-османского феодализма, опираясь на собственные изыскания в Тунисе, Франции и Германии. Он детально разобрал способы воздействия политической системы и социальных институтов Османской империи на арабское общество, влияние ислама не как религии, а как системы мировоззрения, идеологии, определяю-

щей образ жизни. Сравнивая христианство и ислам, Н. А. Иванов пришел к выводу о несовместимости религиозного сознания этих двух великих религий, поскольку ислам — религия в принципе нереформируемая. При этом он резко осуждал клерикальную нетерпимость и мракобесие любых фанатиков — будь то католики, исламские факихи, шииты Фатимиды, моралисты Альмохады, схоласты-марабуты.

Изучение арабского общества под властью династии Османов привело ученого к новому пониманию специфики арабо-османской общины XVI–XVII вв., когда разработанный в те времена законодательный кодекс «османский шариат» закрепил довольно жесткую систему общественных и экономических отношений, которую можно охарактеризовать как «восточный феодализм». При этом удивительную ригидность и устойчивость этих отношений он объяснял отсутствием «механизма саморазвития».

Николай Алексеевич был знатоком не только новой и новейшей истории арабов, но и арабского средневековья. Об этом свидетельствуют его статья об Ибн Халдуне (1956 г.) и работа «Свободные и податные племена Северной Африки в XIV веке» (1963 г.) [Иванов, 1963], в которых он впервые поставил вопрос о различных социальных функциях племен в зависимости от их положения в структуре государственной власти, а уж потом от их этнической принадлежности, степени богатства и т.д.

«Арабо-османский период» в творчестве Н. А. Иванова завершился созданием великолепной работы «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» (1984 г.), переизданную в 2001 г. [Иванов, 1984, 2001]. Это монументальное исследование посвящено важнейшему периоду истории Турции, когда создавалась могущественная Османская империя. В нем освещается политическая история арабских стран в эпоху Возрождения, внешние и внутренние предпосылки формирования империи Османов, распространение турецкого влияния в арабском мире и роль османского государства как лидера борьбы арабских народов против иностранного порабощения. В книге на основе обширного фактического материала показаны причины падения империи мамлюков и постальмохадских государств Северной Африки, их поэтапном включении в состав Османской империи. Автор особо подчеркивал, что это не было завоеванием в классическом смысле этого слова, скорее, это была смена власти из-за стремления арабских народов к социальному обновлению, считавших Османскую империю гарантом своего освобождения.

Основные идеи и выводы, сделанные в этой книге, Н. А. Иванов развил в последующие годы в других своих работах. В монографии «Арабский мир. Три десятилетия независимого развития» (1990 г.) [Иванов, 1990] есть его глава о модернизации арабских стран и изменении их социальной структуры. Он считал, что «чем выше уровень модернизации, тем быстрее идет процесс разложения традиционного сектора, увязшего в духовном иммобилизме». Исключением из этого правила являются нефтяные страны арабского региона, где уровень жизни населения намного превышает реальный уровень их модернизации. При этом ученый предупреждал, что традиционализм нельзя воспринимать упрощенно, поскольку он носит современные одежды и освоил новые формы выражения.

В исследовании о генезисе капитализма в арабском мире Н. А. Иванов выдвинул и обосновал идею о несовместимости ислама и капитализма. В последние годы его привлекала проблема восточного деспотизма. По его инициативе на эту тему Отдел арабских стран выпустил сборник статей и исследований под названием «Феномен восточного деспотизма» (см.: [Иванов, 1993]). Некоторые идеи ученого, казавшиеся очень смелыми и спорными, впоследствии нашли свое подтверждение. В частности, это касается его цивилизационной концепции и проблемы Восток-Запад в русле всемирной истории. Николай Алексеевич стремился к обновлению и переосмыслению нашей исторической науки.

Особо отметим заслугу профессора Р. Г. Ланды, опубликовавшего несколько статей о творчес-

Ирина Михайловна Смилянская
Фото © архив ВК
Irina Mikhailovna Smilyanskaya
Photo © from VK Archive

ком пути Н. А. Иванова. Одну из них, а также полный список научных трудов профессора Иванова можно найти в посвященной ему книге «Московское востоковедение» (1997 г.), изданной под редакцией Александра Михайловича Петрова [*Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки.* М., Изд. фирма «Восточная литература РАН, 1997.], другая статья завершает книгу «Н.А. Иванов. Труды по истории исламского мира». [М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН. 2008.]. В 2005 г. был издан восстановленный мною курс лекций по всеобщей истории, который был прочитан Н. А. Ивановым в 1992–1994 гг. студентам Российского открытого университета (впоследствии Восточного университета) при ИВ РАН. Тираж этого учебного пособия быстро разошелся.

С особой благодарностью хочется вспомнить об **Ирине Михайловне Смилянской** (1925–2019), с которой мы вместе работали долгие годы в Отделе арабских стран. Поражая эрудицией и глубиной научного знания, она привлекала к себе необыкновенной доброжелательностью и готовностью помочь и ответить на любой вопрос. Ее также отличала научная добросовестность в работе и любовь к предмету своего изучения. На почве общего научного интереса к истории Сирии и Ливана мы особенно тесно сотрудничали с ней долгие годы. Замечательным итогом нашей общей работы стала изданная в 2015 г. книга «Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений» [И. М. Смилянская, Н. М. Горбунова, М. М. Якушев. М.: ИВ РАН. Изд. «Индрик», 2015.], описывающая ситуацию в этом регионе Османской империи в 1900–1910 гг. Ирина Михайловна руководила всем процессом создания этого фундаментального труда, в котором принимали участие также Наталья Игоревна Шленская и Михаил Михайлович Якушев.

В 1965 г. вышла книга И. М. Смилянской «Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.» [Смилянская, 1965]; следующей ее работой стала «Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже Нового времени (На материалах Сирии, Ливана и Палестины)», изданная в 1979 г. [Смилянская, 1979]. В 1991 г. совместно с Михаилом Рафаиловичем Рыженковом Ирина Михайловна издала замечательный труд «Сирия, Ливан и Палестина в описаниях путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века» [Рыженков, Смилянская, 1991].

Ирина Михайловна была неутомимой труженицей. Уже будучи в очень преклонном возрасте, она взяла на себя труд перевода со староарабского языка сложного текста Аль-Будайри,

поскольку считала, что это ценный источник изучения жизни и быта арабов ближневосточного региона. После ее кончины коллеги завершили этот труд, он был опубликован[3] в 2021 г. [аль-Будайри, 2021].

Мы рассмотрели здесь труды и деятельность четырех выдающихся ученых, долгие годы проработавших в Институте востоковедения АН СССР (далее — РАН), вклад которых в развитие мировой арабистики чрезвычайно значителен. Автор надеется продолжить изучение отечественных исследований стран Арабского Востока в своих дальнейших работах.

Список литературы / References

Аль-Будайри Ш. А. *Ежедневные события Дамаска аш-Шам с 1154 по 1176 год (1741–1763)*. Пер. с араб., коммент. и исслед. И. М. Смилянской при участии С. Х. Кямилева и Ф. О. Нофала. М.: Индрик, 2021. — 400 с. [al-Budayri Sh. A. *Daily Events of Damascus ash-Sham from 1154 to 1176 (1741–1763)*. Transl. from Arabic, comm. and research by I. M. Smilyanskaya, S. Kh. Kyamilev, and F. O. Nofal. Moscow: Indrik, 2021. — 400 p. (in Russian)]

Иванов Н. А. (отв. ред.) *Феномен восточного деспотизма.* М.: Наука, 1993. — 392 с. [Ivanov N. A. (Ed.). *The Phenomenon of Oriental Despotism*. Moscow: Nauka, 1993. — 392 p. (in Russian)].

Иванов Н. А. *Арабский мир. Три десятилетия независимого развития*. [А. Г. Вирабов, И. Д. Звягельская, Н. А. Иванов и др.; Отв. ред. В. А. Исаев, В. В. Наумкин] М.: Наука, 1990. — 372 с. [Ivanov N. A. *Arab World. Three Decades of Independent Development.* A. G. Virabov, I. D. Zvyagelskaya, N. A. Ivanov et al; Ed. V. A. Isaev, V. V. Naumkin. Moscow: Nauka, 1990. — 372 p. (in Russian)].

Иванов Н. А. *Кризис французского протектората в Тунисе.* М.: Наука, 1971. — 401 с. [Ivanov N. A. *The Crisis of the French Protectorate in Tunisia*. Moscow: Nauka, 1971. — 401 p. (in Russian)].

Иванов Н. А. *Османское завоевание арабских стран. 1516–1574*. М.: Наука, ГРВЛ, 1984, 2001. — 234 с. [Ivanov N. A. *Ottoman Conquest of the Arab Countries. 1516–1574*. Moscow: Nauka, GRVL, 1984, 2001. — 234 p. (in Russian)].

Иванов Н. А. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV веке. *Арабские страны: история*. Под ред. Е. А. Лебедева и др. М.: Наука, 1963. С. 152–159. [Ivanov N. A. *Free and Taxable Tribes of North Africa in the 14th Century. Arab Countries: A History.* Ed. by E. A. Lebedev et al. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 152–159 (in Russian)].

Иванов Н. А. *Труды по истории исламского мира*. М.: Восточная литература, 2008. — 501 с. [Ivanov N. A. *Works on the History of the Islamic World.* Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. — 501 p. (in Russian)].

Котлов Л. Н. *Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке*. — 214 с. М.: ИВ РАН, 1958 [Kotlov L. N. *National Liberation Uprising of 1920 in Iraq*. Moscow: IOS RAS, 1958. — 214 p. (in Russian)].

Котлов Л. Н. *Справочник по Йеменской Арабской Республике*. М.: Наука, 1971. — 288 с. [Kotlov L. N. *A Guide to the Yemen Arab Republic.* Moscow: Nauka, 1971. — 288 p. (in Russian)].

Котлов Л. Н. *Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.).* М.: Наука, 1975. — 324 с. [Kotlov L. N. *Formation of the National Liberation Movement in the Arab East (mid-19th century — 1908)*. Moscow: Nauka, 1975. — 324 p. (in Russian)].

Луцкая Н. С. *Касабланкская конференция — новый этап внешней политики Марокко*. М.: Наука, 1966. С. 130–140 [Lutskaya N. S. *The Casablanca Conference as a New Stage in Morocco's Foreign Policy*. Moscow: Nauka, 1966. P. 130–140 (in Russian)].

3 Шихабаддин Ахмад ал-Будайри. Ежедневные события Дамаска аш-Шам с 1154 по 1176 год (1741–1763). *Книги издательства Индрик.* URL: https://indrik.ru/collection/all/product/shihabaddin-ahmad-al-budayri-ezhednevnye-sobytiya-damaska-ash-sham-s-1154-po-1176-god-17411763?fbclid=IwAR1CCvBzYwBpyqCgfKclKUtzXmRCnm-od1uopaDgb5w1JweEdrsV8nEo_G4 (accessed 19.05.2022).

Луцкая Н. С. *Республика Риф*. М.: Восточная литература, 1959. — 209 с. [Lutskaya N. S. *The Rif Republic.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. — 209 p. (in Russian)].

Луцкая Н. С. *Новейшая история Марокко. Библиографический очерк*. М.: Наука, 1977. С. 65–109 [Lutskaya N. S. *The Recent History of Morocco. Bibliographic Essay*. Moscow: Nauka, 1977. P. 65–109 (in Russian)].

Луцкая Н. С. Позиция России по марокканскому вопросу в конце XIX в. *Арабские страны: история и современность*. М.: Наука, 1981. С. 187–193 [Lutskaya N. S. Russia's Position on the Moroccan Question at the End of the 19th Century. *Arab Countries: History and Modernity*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 187–193 (in Russian)].

Московское востоковедение. Отв. ред. А. М. Петров. М.: Восточная литература, 1997. — 544 с. [*Moscow Oriental Studies*. Ed. by A. M. Petrov. Moscow: Vostochnaya literatura. — 544 p. (in Russian)].

Рыженков М. Р., Смилянская И. М. (сост.) *Сирия, Ливан и Палестина в описаниях путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века*. М.: ИВ РАН, 1991. — 367 с. [Smilyanskaya I. M., Ryzhenkov M. R. *Syria, Lebanon and Palestine in the Descriptions of Travelers, Consular and Military Surveys of the First Half of the 19th Century.* Moscow: IOS RAS, 1991. — 367 p. (in Russian)].

Салиби К. С. *Очерки по истории Ливана*. Пер. с англ. С. М. Лейферовой и В. М. Федоренко. М.: Прогресс, 1969. — 302 с. [Salibi Kamal S. *Essays on the History of Lebanon*. Transl. from English by S. M. Leiferova and V. M. Fedorenko. Moscow: Progress, 1969. — 302 p. (in Russian)].

Смилянская И. М. *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в*. М.: Наука, 1965. — 227 с. [Smilyanskaya I. M. *Peasant Movement in Lebanon in the First Half of the 19th Century*. Moscow: Nauka, 1965. — 227 p. (in Russian)].

Смилянская И. М., Горбунова Н. М., Якушев М. М. *Сирия накануне и в период младотурецкой революции. По материалам консульских донесений*. М.: ИВ РАН, 2015. — 464 с. [Smilyanskaya I. M., Gorbunova N. M., Yakushev M. M. *Syria on the Eve and During the Young Turk Revolution. Based on Consular Reports*. Moscow: IOS RAS, 2015. — 464 p. (in Russian)].

Смилянская И. М. *Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже Нового времени. (На материалах Сирии, Ливана и Палестины)*. М.: Наука, 1979. — 252 с. [Smilyanskaya I. M. *Socio-Economic Structure of the Countries of the Middle East at the Turn of the New Age. (Based on Syrian, Lebanese and Palestinian Materials).* Moscow: Nauka, 1979. — 252 p. (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

К истории становления Центра арабских и исламских исследований. *ЦАИИ ИВ РАН* [On the history of the formation of the Center for Arab and Islamic Studies. *CAIS IOS RAS* (in Russian)]. URL: https://cais.ivran.ru/history (accessed 19.05.2022).

Малашенко А. В. Тяжело в ученье, нелегко в бою. Записки арабиста. *Литмир. Электронная библиотека* [Malashenko A. V. Hard in learning, not easy in battle. Notes of the Arabist. *Litmir. Digital library* (in Russian)]. URL: https://www.litmir.me/bd/?b=745219 (accessed 05.05.2022).

Шихабаддин Ахмад ал-Будайри. Ежедневные события Дамаска аш-Шам с 1154 по 1176 год (1741–1763). *Книги издательства Индрик* [Shihabaddin Ahmad al-Budayri Daily Events of Damascus ash-Sham from 1154 to 1176 (1741–1763). *Indrik Publishing Books* (in Russian)]. URL: https://indrik.ru/collection/all/product/shihabaddin-ahmad-al-budayri-ezhednevnye-sobytiya-damaska-ash-sham-s-1154-po-1176-god-17411763?fbclid=IwAR1CCvBzYwBpyqCgfKclKUtzXmRCnm-od1uopaDgb5w1JweEdrsV8nEo_G4 (accessed 19.05.2022).

DOI: 10.18254/S268684310021385-1

Востоковедные полевые исследования-2022: вторая всероссийская научная конференция

Oriental Field Research-2022: the Second All-Russian Academic Conference

© 2022 **Виктор Викторович Лебединский**

Кандидат исторических наук, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, Москва, Россия. Ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой «Востоковедение» Севастопольского государственного университета, Севастополь; v_lebedinski@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6801-0497

Victor V. Lebedinsky

PhD (History), Head of the Center for Historical and Archaeological Research of the Crimea and the Mediterranean; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Leading Researcher, Head of the Department of Oriental Studies, Sevastopol State University, Sevastopol; v_lebedinski@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6801-0497

Юлия Александровна Пронина

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; julia_pronina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5169-8598

Yulia A. Pronina

PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia; julia_pronina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5169-8598

Статья представляет собой обзор II Всероссийской научной конференции «Востоковедные полевые исследования», проходившей в Москве в Институте востоковедения РАН 20–21 апреля 2022 г. В научном мероприятии приняли участие 65 исследователей из разных стран, ближнего и дальнего зарубежья: из России (Дагестан, Калмыкия, Татарстан), Таджикистана, Китая, Пакистана, Италии, Венгрии, — представители академических учреждений, музеев, высшей школы, независимые исследователи. Работа конференции проходила в смешенном формате, были заслушаны очные доклады и онлайн выступления. Всего прозвучало 50 докладов. Возросшее по сравнению с предыдущим годом количество участников свидетельствует о важности и актуальности научного мероприятия. Разнообразная тематика докладов затрагивала актуальные проблемы и перспективы востоковедных исследований, результаты полевых экспедиций, археологических, подводно-археологических, эпиграфических, антропологических, социологических исследований и многие другие вопросы. В рамках конференции была организована выставка «Экспедиции Института востоковедения Российской академии наук», на которой были представлены художественные работы Т. П. Удымы, созданные в ходе Южно-Таджикской археологической экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством академика Б. А. Литвинского в Таджикистане, а также фотоработы, сделанные во время современных экспедиций сотрудников Института востоковедения РАН в Сирии, Египте, Судане, Мали, Эфиопии, Индии, Республике Корее, Узбекистане. Научный симпозиум был подготовлен сотрудниками Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья, в планах которых издать материалы конференции в виде научных статей в специальном выпуске журнала «Ориенталистика».

Ключевые слова: востоковедение, конференция, полевые исследования, археология, подводная-археология, эпиграфика, антропология, социология

Для цитирования: Лебединский В. В., Пронина Ю. А. Востоковедные полевые исследования-2022: вторая всероссийская научная конференция. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 1. С. 169–175. DOI 10.18254/S268684310021385-1

The paper is a review of the second All-Russian Scientific Conference “Oriental Field Research” held in Moscow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on April 20-21, 2022. In this scientific event 65 researchers from different countries, near and far abroad, took part — from Russia (such regions as Dagestan, Kalmykia, Tatarstan), Tajikistan, China, Pakistan, Italy, Hungary. These are representatives of academic institutions, museums, higher education, and independent researchers. The work of the conference was held in a mixed format, face-to-face reports and online presentations were heard, a total of 50 reports. The increased number of participants compared to the previous year indicates the importance and relevance of the ongoing scientific event. The topics of the reports were varied and touched upon current problems and prospects of Oriental studies, the results of field expeditions, archaeological, underwater archaeological, epigraphic, anthropological, sociological, and many other issues. Within the framework of the conference, the exhibition “Expeditions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences” was organized, at which the artworks of T. P. Udyma, created in the course of her work in the South Tajik Archaeological Expedition under the leadership of Academician B. A. Litvinsky in Tajikistan, as well as photographs taken during modern expeditions by employees of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Syria, Egypt, Sudan, Mali, Ethiopia, India, the Republic of Korea, and Uzbekistan. This scientific symposium was prepared by the Center for Historical and Archaeological Research of Crimea and the Mediterranean.

The proceedings of the conference in the form of scientific articles are planned to be published in a special issue of the "Orientalistika" academic journal.

Keywords: Oriental studies, conference, field research, archeology, underwater archeology, epigraphy, anthropology, sociology

For citation: Lebedinsky Victor V., Pronina Yulia A. Oriental Field Research-2022: Second All-Russian Academic Conference. *Oriental Courier.* 2022. No. 1. Pp. 169–175. DOI 10.18254/S268684310021385-1

20–21 апреля 2022 г. в Институте востоковедения РАН состоялась II Всероссийская научная конференция «Востоковедные полевые исследования». В работе научного мероприятия приняло участие 65 представителей самых разных научных институтов, музеев и институтов высшей школы, таких, как Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), Институт археологии РАН (ИА РАН), Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), Институт мировой литературы РАН (ИМЛИ РАН), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), НИИ Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Н. Н. Миклухо-Маклая, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Центр палеоэтнологических исследований, Российский православный университет святого Иоанна Богослова; Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Севастопольский государственный университет, Дальневосточный Федеральный Университет, Уральский федеральный университет, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Дагестанский государственный университет и другие.

На конференции было представлено 50 докладов, заслушанные в очном и онлайн формате. Смешанный формат работы был определен не только сложной эпидемиологической ситуацией, но и широкой географией участников научного симпозиума, к числу которых относятся исследователи из разных городов и регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Владивостока, Екатеринбурга, Новосибирска, Калмыкии, Татарстана и Дагестана. Участниками научного форума стали зарубежные коллеги

Илл. 1. **На II Всероссийской научной конференции «Востоковедные полевые исследования»** 2022 г.
Фото © Д. Моева
At the Second All-Russian Academic Conference "Oriental Field Studies", 2022
Photo © Daria Moeva

Илл. 2. **В президиуме конференции: директор Института востоковедения РАН А. К. Аликберов, заместитель директора по науке Н. Г. Романова, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья В. В. Лебединский**
Фото © Д. Моева
The Presidium of the Conference: Director of the Institute of Oriental Studies, RAS Alikber K. Alikberov; Deputy Director Natalia G. Romanova; Head of the Center for Historical and Archaeological Research of Crimea and the Mediterranean Victor V. Lebedinsky, 2022
Photo © Daria Moeva

из Таджикистана, Китая, Пакистана, Италии, Венгрии.

Разнообразие тематики представленных на конференции докладов и возросшее по сравнению с предыдущим годом количество участников свидетельствует о важности и актуальности научного мероприятия, на котором специалисты и начинающие ученые смогли обсудить и поделиться опытом проведенных исследований. Основным направлением тематики докладов стали результаты и перспективы полевых востоковедных исследований — подводно-археологических, археологических, антропологических, лингвистических, эпиграфических и социологических. Материалы конференции в виде научных статей планируется издать в специальном выпуске журнала «Ориенталистика».

Конференция была организована и проведена сотрудниками Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья. Работа мероприятия была поделена на заседания, по три в каждый день (утреннее, дневное и вечернее).

На открытии конференции с приветственным словом выступил председатель Организацион-

ного комитета конференции, директор Института востоковедения РАН А. К. Аликберов и заместитель директора по науке Н. Г. Романова (*Илл. 1, 2*).

В первый день конференции было заслушано 24 доклада, среди которых можно выделить нижеследующие. На утреннем заседании несколько выступлений участников были посвящены новейшим результатам и перспективам полевых исследований в Египте и Судане: это доклады сотрудников ИВ РАН *Э. Е. Кормышевой*, *М. А. Лебедева*, *С. Е. Малых*, а также представителей НИИ и Музея антропологии МГУ *А. А. Крола*, *Н. Я. Березиной* и *А. Х. Чирковой*.

В совместном докладе *В .В. Лебединского (ИВ РАН, Севастопольский государственный университет)*, *Ю. А. Прониной и М. И. Тюрина (ИВ РАН)* были представлены результаты подводно-археологических исследований в Сирийской Арабской Республике в сезон 2020–2021 гг., в ходе которого были обследованы остатки обрушившихся крепостных стен Арвада, сделано их лазерное сканирование, аэрофотосъемка, фотограмметрическая съемка, изучены остатки древнего мола, прикрывавшего гавань, с целью создания в дальнейшем цифровой реконструкции портовых сооружений и оборонительных стен крепости.

Н. М. Виноградова совместно с *С. Бобомуллоевым (Национальный музей древностей в Душанбе) и Дж. Ломбардо (Национальный музей восточного искусства в Риме*) рассказала о раскопках в сезон 2021 г. на могильнике Фархор, располагающемся на юге Таджикистана, в 2 км от границы с Афганистаном. В ходе проведенных работ были продолжены исследования ранее обнаруженных погребений и открыты новые захоронения, относящиеся к бронзовому веку, получены новые данные для ритуала захоронения.

Доклад *Е. Ю. Ендольцевой* и *Н. И. Быстрицкого (ИВ РАН)* посвящен проблеме виртуальной реконструкции архитектурной декорации христианских церквей Абхазии и Южной Осетии X–XI вв. Собранный за годы исследований указанных памятников значительный материал, а также состояние некоторых храмов делает подобный проект актуальным как с научной точки зрения, так и для дальнейшей его популяризации.

На дневном заседании было представлено восемь докладов. В своем выступлении *Р. Р. Вергазов (ГМИИ им. А. С. Пушкина)* затронул проблему атрибуции урартской коллекции живописи из Эребуни, хранящейся в ГМИИ им. А. С. Пушкина, изложил историю обнаружения и исследования крепости в 50–60-х гг. XX в.

П. А. Куценков (ИВ РАН) рассказал в сообщении о работе Малийской экспедиции ИВ РАН в сезон 2022 г. в г. Бугуни, в ходе которой участники экспедиции приобрели две ритуальные маски.

В ходе вечернего заседания было заслушано восемь докладов. Выступление *Т. С. Каландарова (Институт этнологии и антропологии РАН)* было посвящено изучению мусульманских общин Таджикистана, влиянию политических изменений на религиозную ситуацию в государствах Средней Азии и воздействие новых технологий на религиозные сообщества, которые, по мнению автора, открывают «новые горизонты «сакрального поля»».

Ш. Ш. Шихалиев (ИВ РАН) рассказал о работе археографических экспедиций в Дагестане с 1950-х гг. по настоящее время. На первом этапе работа экспедиций направлялась на сбор и приобретение рукописей, на следующем этапе фокус работы сместился на их изучение в местах хранения. Новым подходом стала полная оцифровка всех документов в отдельно взятой коллекции, создание электронной базы рукописей и цифрового издания каталога.

Следующий доклад, сделанный *С. И. Рыжаковой (Институт этнологии и антропологии РАН)*, был посвящен результатам почти 20-летних этнографических исследований парсов в Индии, на основании которых автор заключает, что, несмотря на социокультурную интеграцию парсов в индийское общество, они сохранили свою традиционную религию и ряд обычаев своих предков – зороастрийцев.

Илл. 3. **Пейзажи Таджикистана кисти Т. П. Удымы**
Фото © Д. Моева
Landscapes of Tajikistan by T. P. Udyma
Photo © Daria Moeva

Илл. 4. **Выставка «Экспедиции Института востоковедения РАН»**
Фото © Д. Моева
Exhibition "Expeditions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences"
Photo © Daria Moeva

В совместном докладе *К. Г. Муратшиной*, *М. В. Валеевой* и *Г. М. Бободжонова (Уральский федеральный университет)* были представлены результаты социологического исследования анализа ожиданий от развития образовательного сотрудничества России с Узбекистаном, проводившегося в 2021 г. в восьми городах этого государства.

На вечернем заседании были заслушаны также доклады о связях и отношениях азербайджанцев Дагестана с жителями Азербайджана *(О. И. Брусина, Институт этнологии и антропологии РАН)*, о проекте по описанию исчезающих диалектов «Атлас языков Ирана» *(А. В. Громова, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)*, о традициях народной медицины у грузин Аджарии (*Л. Т. Соловьева, Институт этнологии и антропологии РАН*).

В утреннем заседании второго дня конференции приняли участие молодые исследователи — аспиранты высшей школы и начинающие ученые. В докладах аспиранты из Китая (*Гао Мин'ю, Ли Янь, Чу Таньгэ, Дальневосточный федеральный университет*) познакомили участников с архивными материалами по истории российской диаспоры в Китае, рассказали о научной деятельности российского китаеведа А. В. Рудакова.

Д. В. Мелентьев (НИУ ВШЭ, Аспирантская школа исторических наук), на основании изученных архивных документов, хранящихся в РГАСПИ, рассказал о гендерной политике советской власти в Туркестане, о создании женотделов в 1920 г., сотрудницы которых проводили раскрепощение мусульманок Туркестана.

А. А Лидов (ИВ РАН, аспирант) затронул в выступлении проблему топографической достоверности древних месопотамских карт.

В. В. Лебединский и *А. А. Башенкова (ИВ РАН)* рассказали в докладе о создании интерактивной карты и общей базы данных древних портов и якорных стоянок побережья Сирийской Арабской Республики. В работе используются данные исследований и результаты ранее проведенных экспедиций, опубликованных работ, а также результаты трех полевых сезонов сирийско-российской подводно-археологической экспедиции СевГУ и ИВ РАН (руководитель В. В. Лебединский).

На дневном и вечернем заседаниях было представлено по восемь докладов. Среди них можно отметить следующие. *А. Е. Локшин (ИВ РАН)*

рассказал о евреях-субботниках России и Азербайджана, об истории их появления в России, традициях и особенностях, местах их расселения и современного проживания на основании данных полевых исследований.

З. Ш. Закарияев (Дагестанский государственный университет) сделал обзор надписей, обнаруженных в ходе полевых исследований 2020 г. в селении Ухул, расположенном в южной части Дагестана. Это строительные и владельческие надписи, сохранившиеся на полуразрушенных фрагментах домов селения.

А. З. Нагимова (Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета) рассказала о применении качественного социологического метода на примере проведенных исследований рынка исламских финансов.

М. Н. Османова (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН) в выступлении представила материалы и результаты археографических экспедиций в Дагестане, в ходе которых были исследованы рукописные и старопечатные Кораны в частных и мечетских книжных коллекциях.

Доклад *Н. Н. Миклухо-Маклая (ИВ РАН, Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Н. Н. Миклухо-Маклая)* был посвящен истории исследования Папуа-Новой Гвинеи российскими исследователями, в том числе современным экспедициям 2017 и 2019 гг. и их результатам, способствующим выстраиванию двухсторонних отношений этого государства с Россией.

В ходе работы конференции была организована выставка художественных и фоторабот сотрудников Института востоковедения РАН «Экспедиции Института востоковедения РАН». Это художественные работы Т. П. Удымы — пейзажи Таджикистана, созданные ею в ходе работы в качестве художника в Южно-Таджикской археологической экспедиции (ЮТАКЭ) в 1975–1981 гг. (*Илл. 3*). Т. П. Удыма является хранителем архива данной экспедиции, организованной в 1972 г. по инициативе Б. Г. Гафурова, в то время директора ИВ РАН, и профессора Б. А. Литвинского, руководителя экспедиции с 1972 по 1991 г. Также на выставке были представлены современные фотоработы, сделанные во время экспедиций сотрудниками Института востоковедения РАН в Сирии, Египте, Судане, Мали, Эфиопии, Индии, республике Корея, Узбекистане *(Илл. 4)*.

Подписано в печать 21.07.2022
Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17.37. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
119049, г. Москва, Мароновский пер., 26

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Департамент научных изданий
Научно-инновационного управления
Государственного академического
университета гуманитарных наук
e-mail: dsp@gaugn.ru
https://gaugn.ru/science/dni/

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, офис 1